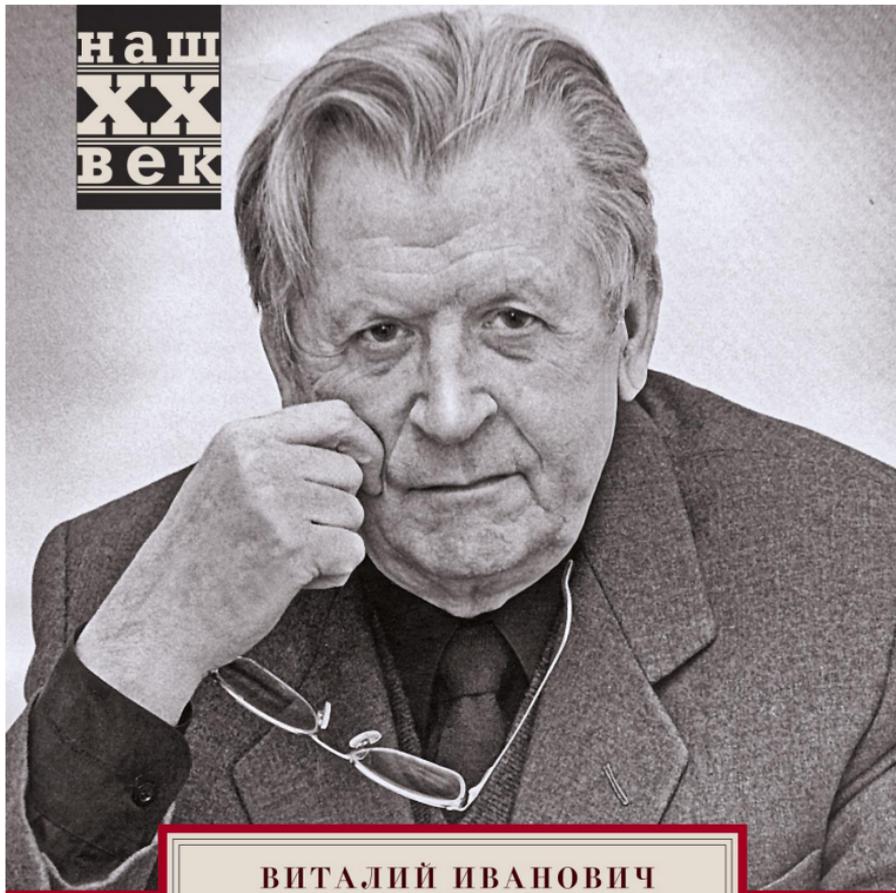


наш
XX
век



ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ

ВОРОТНИКОВ



А БЫЛО ЭТО ТАК...
ИЗ ДНЕВНИКА
ЧЛЕНА ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

Виталий Иванович Воротников
А было это так... Из дневника
члена Политбюро ЦК КПСС
Серия «Наш XX век»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63343917

А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС:

Центрполиграф; Москва; 2020

ISBN 978-5-227-07916-9

Аннотация

В книгу видного государственного и политического деятеля СССР и РСФСР вошли его дневниковые записи периода 1982—1999 гг., в которых раскрывается деятельность Политбюро ЦК КПСС, высшего государственного руководства, показывается механизм принятия решений, его закулисная сторона.

Автор не ограничивается документальным изложением событий, а дает им оценку, делает выводы, анализирует, размышляет о судьбах страны.

Для широкого круга читателей.

Содержание

От издательства	5
Вступление	8
1982. Возвращение в Союз – вновь «на круги своя»	13
1983. Андроповская школа. Слушать, смотреть, учиться и действовать	35
1984. Тормоз после небольшого разбега.	71
Постепенное вхождение во власть	
1985. От «ускорения» к этому сладкому слову – «перестройка»	115
1986. М.С. Горбачев набирает темпы. Идеи, новации, успех	175
1987. В перестройку включились «свежие силы».	245
Туда ли мы идем?	
Конец ознакомительного фрагмента.	265

Виталий Воротников
А было это так...
Из дневника члена
Политбюро ЦК КПСС

© Воротников В.И., наследники, 2020

© «Центрполиграф», 2020

От издательства

Виталий Иванович Воротников родился в 1926 г. в рабочей семье. В 16 лет пошел работать на завод. Был рабочим сначала в Воронеже, а затем в Куйбышеве, занимал ряд инженерно-технических должностей, избирался секретарем парткома Куйбышевского авиационного завода. В 1954 г. закончил вечернее отделение авиационного института.

С 1960 г. – на партийной и государственной работе: заведующий отделом, секретарь и второй секретарь Куйбышевского обкома КПСС, председатель облисполкома, первый секретарь Воронежского обкома партии, первый заместитель Председателя Совета Министров РСФСР, посол СССР в Республике Куба, первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС.

В 1983 г. В.И. Воротников назначается Председателем Совета Министров РСФСР, а в октябре 1988 г. избирается Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР. В мае 1990 г. он уходит в отставку.

В.И. Воротников с 1971 г. был членом ЦК КПСС, а с 1983 по июль 1990 г. – членом Политбюро ЦК. Избирался депутатом Верховных Советов СССР и РСФСР ряда созывов.

Близкий товарищ и соратник М.С. Горбачева на первом этапе перестройки, он был одним из активных ее участников. Однако затем у них возникают серьезные разногласия

относительно принципов и тактики проведения экономических и особенно политических реформ. К концу 1989 г. происходит фактический разрыв в их отношениях.

В основу книги В.И. Воротникова легли дневниковые записи автора, в которых раскрывается повседневная деятельность Политбюро ЦК, высшего государственного руководства. Рассказывая о важнейших партийных постановлениях, автор, пожалуй, впервые столь подробно показывает механизм принятия решений, закулисную сторону деятельности Политбюро, пленумов ЦК, лидеров партии. Вся книга строго документальна: помимо дневниковых записей приводится множество выдержек из постановлений, записок, речей и бесед.

В центре дневников – фигура М.С. Горбачева. Отдавая должное Генсеку, автор шаг за шагом прослеживает, как выхолащивались и подвергались деформации идеи перестройки, а сам Горбачев перерождался в политического двурушника, для которого собственные амбиции и личное благополучие в конечном счете возобладали над судьбой партии и государства.

В.И. Воротников не старается делать вид, что ему с самого начала преобразований было ясно, куда они могут завести и на какое коварство способен Генсек. Он был среди тех членов руководства партии, кто искренне верил в перестройку и чистоту помыслов ее инициаторов. Прозрение, к сожалению, наступило слишком поздно. И в этом автор видит соб-

ственную вину.

Достоинство книги состоит в том, что автор не ограничивается объективным изложением событий, а дает им свою оценку, делает выводы, соотносит каждое принятое решение с интересами государства и народа, с прежним и нынешним видением ситуации.

Со страниц книги предстает незаурядная личность автора – русского патриота и убежденного коммуниста, для которого нет ничего выше служения Отечеству. Книга привлекает серьезностью, глубиной анализа и самокритичностью, ей чужды авторские амбиции и менторский тон, столь характерные для многих других трудов такого рода.

Вступление

На протяжении многих лет я вел служебный дневник, в котором фиксировал факты и содержание деловых встреч, бесед, телефонных переговоров. Записывал, о чем договаривались, кому и что поручалось сделать. Заносил в дневник и то, что обсуждали и решали на заседаниях, собраниях, сессиях, пленумах. Нередко давал на его страницах свои краткие комментарии. Дневник имел сугубо практическую цель – помогать в организации текущей работы. Естественно, предназначался он только для одного читателя, мне и в голову никогда не приходила мысль, что эти записи могут быть опубликованы.

Но вот жизнь наша круто изменилась. То, что делалось руководством страны, партии в недавнем прошлом, подверглось тотальному пересмотру и самими лидерами – идеологами и организаторами перестройки, и теми, кто затем пришел к власти. В обстановке всеобщей дезориентации начали активно распространяться лживые представления о том, чем на самом деле занималась и какую роль в общественной жизни играла партия, весьма вольно стала трактоваться деятельность государственных и партийных руководителей. Одних неоправданно возвеличивают, других – принижают.

Листая записи 80–90-х гг., я увидел, что передо мной своеобразная хроника перестройки. Из череды ежедневных

фактов вырисовывалась общая картина событий и прояснялись пути, по которым мы шли к тем или иным решениям. В том числе и к таким, которые были рождены за кулисами политической сцены. Обозначились позиции отдельных действующих лиц, причем в динамике, на протяжении десятилетия.

Некоторые факты, фрагменты неопубликованных документов позволяют более объективно, а иногда и в неожиданном свете представить происшедшие события и поступки. Таким образом, я оказался владельцем материалов, которые, как мне представляется, могут быть интересными широкому кругу читателей.

Предлагая вниманию читателя свои записи, я хочу оговориться: это не литературный труд, не мемуары, это служебные дневники, и касаются они в основном одной грани моей трудовой жизни – работы в составе Политбюро ЦК, в Верховном Совете СССР и РСФСР. Понятно, в записках особенно часто речь идет о делах РСФСР, так как в высших партийных и государственных органах я представлял эту республику – как Председатель ее Совета Министров, а затем Президиума Верховного Совета.

Дневниковые записи не претендуют на абсолютную точность и полноту. В сущности, здесь лишь те факты и суждения, которые вытекают из моего личного видения происшедших в стране процессов. Это конспекты, сделанные по горячим следам, через несколько минут или часов, самое позд-

нее – на следующий день.

Конечно, готовя записи к публикации, я должен был несколько систематизировать их, очистить от второстепенных деталей. Не мог удержаться и от того, чтобы сделать кое-какие отступления, дать свои комментарии к отдельным событиям, характеристики некоторым известным политическим деятелям, с которыми мне довелось близко сталкиваться. Оказалось весьма интересным сопоставить оценки, высказанные в момент того или иного события, с теми, которых они, на мой взгляд, заслуживают сегодня. Все это и составляет, так сказать, «записи на полях» дневника. Без них, боюсь, его строгая хронологическая фактура не всегда будет понятной читателю. Но, естественно, никоим образом не хочу навязывать ему свое мнение, каждый волен делать собственные выводы.

Читая сегодня публикации некоторых бывших коллег по Политбюро, слушая их выступления, интервью, в которых речь идет о событиях более или менее далекого прошлого, нередко ловлю себя на мысли, что дело-то было не совсем так или совсем не так. Кто же из нас не прав, кто и зачем лукавит? Что это – «прозрение» после глубочайших «заблуждений» или проявление истинных взглядов, тщательно замаскированных до поры до времени?

Конечно, смотреть на прошлое из настоящего просто, хотя иногда и больно. Естественно и то, что, обращаясь к прошлому, мы смотрим на него глазами сегодняшнего дня, при-

меняем для его оценки сегодняшние критерии. И поневоле хочется этим обогащенным опытом зрением вооружить того, кто остался там, за пеленой прошедших лет. Увы, это общая и, как мне кажется, неизбежная беда всех, кто берется за воспоминания. Вот с таким соблазном я и борюсь, пытаюсь призвать в соавторы, насколько смогу, свою совесть и память, чтобы ответить себе и людям на вопрос – что же представляют собой перестройка, реформы той поры? Как все это виделось мне тогда, что и как я отстаивал, что поддерживал, чего не понимал или не воспринимал? Когда и почему стали происходить сбои, а потом и резкий поворот в сторону от первоначально намеченного пути? Что тому было причиной и кто виноват?

Готовя книгу к печати, полагал важным дать лишь те дневниковые записи, которые касаются действий руководства страны, связанных с планированием и осуществлением перестроечных реформ. Речь шла о том, как рассматривались политические, экономические, социальные, нравственные проблемы на заседаниях Политбюро и Секретариата ЦК, в правительстве, в Верховном Совете на различных совещаниях, в комиссиях с моим участием; как они обсуждались неофициально, в узком кругу и т. д. Основное внимание уделялось идеям, словам и действиям М.С. Горбачева. Ну и, естественно, излагались моя позиция, отношение к нему и другим членам советского руководства.

Прежде чем приступить к изложению и комментирова-

нию материалов дневника, относящихся к периоду перестройки, считал необходимым кратко остановиться на некоторых моментах его предыстории.

1982. Возвращение в Союз – вновь «на круги своя»

В течение трех с лишним лет (с апреля 1979 по июль 1982 г.) я был послом СССР в Республике Куба. На Кубе у меня наладились хорошие, доверительные отношения с руководством страны. Довольно быстро я вошел в курс вопросов советско-кубинского сотрудничества. Много ездил по стране, установил контакты с местными властями, представительствами различных советских организаций.

Это был важный, сложный, интересный и полезный для меня этап жизни. Впечатления он оставил неизгладимые – о Кубе, ее народе, о Фиделе Кастро. Но была одна помеха, которая сделала этот период не столь продолжительным, каким он мог быть, – тропический климат. Я переносил его плохо. Не буду скрывать, что тяготила меня и специфика самой дипломатической деятельности – многочисленные дежурные визиты, однообразные приемы, протокольные церемонии и т. п.

Будучи осенью 1981 г. в Москве, я поставил вопрос о возвращении на работу в Союз. Разговор об этом был с А.А. Громыко, К.В. Русаковым и К.У. Черненко. Они отнеслись к моим доводам с сочувствием. Сказали примерно так: просьбу принимаем, но для решения необходимо время. Работай,

в 1982 г. уведоим. Поделился своими проблемами и с М.С. Горбачевым (тогда секретарем ЦК КПСС), с которым уже многие годы был в товарищеских отношениях.

9 мая прилетел из Гаваны в Москву, в отпуск. Через несколько дней побывал в ЦК КПСС. Здесь у Капитонова, Русакова, Горбачева пошла речь о том, где бы я хотел работать по возвращении. Назвал ряд вариантов: возвращение на прежнюю работу в Совмин РСФСР, на какую-либо другую работу в государственных органах по специальности или на партийную работу в одной из областей РСФСР. Меня переспросили: согласен на работу не в Москве? Разумеется, если там, куда пошлют, меня примут. Предложение о переводе послом в одну из европейских стран я вежливо отклонил.

13 мая был приглашен к К.У. Черненко. Он сообщил, что сегодня Политбюро приняло официальное решение о моем отзыве с Кубы. Сказал доверительно, что на мое место предполагается рекомендовать К.Ф. Катусева.

В тот же день зашел к М.С. Горбачеву. Он рассказал, что на Политбюро была доброжелательная атмосфера. «Громыхо хорошо отозвался о твоей работе. А вообще лучше бы было взять тебя в ЦК. Здесь будет укрепляться экономический блок партийного аппарата. И твой опыт был бы очень полезен». Я ответил: «Вряд ли мне подойдет аппаратная работа. Давай не будем предопределять ход событий». (В ноябре 1982 г. на Пленуме ЦК был организован Экономический отдел и его заведующим – секретарем ЦК утвердили Н.И.

Рыжкова. Я тогда уже работал в Краснодаре.)

Побывал у А.А. Громыко. Состоялась очень подробная, откровенная беседа о Кубе. Андрей Андреевич стал вспоминать наших послов в этой стране, давал им характеристики, в том числе одному из них – «вел себя, как мраморная статуя». Говорил неторопливо, четкими фразами. Не скрою, некоторые были обо мне: «Вы быстро освоили не только принципы, но и многие частности внешнеполитической деятельности. Это не всегда удается непрофессионалам. Мне импонировали ваша сдержанность, взвешенность оценок. Оперативность информации. Во время моего визита на Кубу в сентябре 1980 г. убедился, что у вас сложились хорошие отношения с Фиделем Кастро и с Раулем Кастро, другими кубинскими руководителями. Сожалею о вашем уходе, но коль скоро иначе нельзя...» Я поблагодарил Андрея Андреевича за добрые слова и понимание.

24 мая состоялся Пленум ЦК. Я, как член ЦК КПСС, принимал участие в его работе. Вместо М.А. Сулова (скончавшегося в январе) секретарем ЦК был избран Ю.В. Андропов.

С докладом «О продовольственной программе СССР» выступил Л.И. Брежнев. Говорил он коротко, минут сорок. Меня, как и других, поразил его болезненный вид. Речь была неразборчивой, он комкал, проглатывал окончания слов. Но сам доклад был важным, раскрывал содержание крупной стратегической задачи партии. Это подчеркивали все выступавшие.

Л.И. Брежнев информировал, что Политбюро утвердило назначение В.В. Федорчука Председателем КГБ. Эта фамилия была неизвестна многим членам ЦК, поэтому в кулуарах оживленно уточняли – кто он, откуда? С Украины, председатель республиканского КГБ.

23 июня меня позвал к себе Горбачев. Рассказал о беседах с Андроповым и Черненко. «Есть наметки относительно твоей работы». (Какие – не сказал.) Стал говорить об обстановке в Краснодарском крае. О поведении Медунова – «совсем обнаглел». Затем, без перехода, спросил: «Насколько ты знаком с машиностроением и оборонным комплексом? Какие отношения с Д.Ф. Устиновым?» Я объяснил: «Машиностроение и оборонка и есть моя основная профессия, с 1942 по 1960 г. работал на Куйбышевском авиационном заводе, а с 1961 г., как заведующий отделом и секретарь обкома партии, курировал оборонные отрасли промышленности. С Дмитрием Федоровичем знаком давно, с 1957 г. Встречались часто, последний раз – буквально несколько дней назад по кубинским делам». Горбачев выслушал меня молча. Затем пошла беседа на другую тему.

Здесь мне представляется нужным сделать небольшое отступление от хронологического изложения событий.

Знакомы мы с М.С. Горбачевым были примерно с середины 1970 г. По окончании сессии Верховного Совета СССР вместе пошли в ЦК КПСС обычным маршрутом от Кремля

до Старой площади. Между нами, как это и бывает в подобных ситуациях, завязался разговор о хозяйственных заботах, видах на урожай. Потом пошли другие привычные темы – бюрократизм аппарата Госплана, Госснаба, беготня по министерствам. Говорили о заносчивых московских руководителях.

Были встречи и короткие беседы с Горбачевым и позже.

В феврале 1971 г. меня направили на работу в Воронеж, где я был избран первым секретарем Воронежского обкома КПСС. Поехал с большим желанием, хотя и понимал, что трудности ожидают немалые. Воронеж – город, в котором я родился и который покинул военным летом 1942 г. буквально за несколько дней до того, как его правобережную часть заняли немецко-фашистские войска. Дальше Воронежа немцы продвинуться не смогли. Затяжные бои за город продолжались более 200 дней, а 25 января 1943 г. Воронеж был освобожден. Из числа беженцев в прифронтовой полосе формировались эшелоны для отправки вглубь страны, и я с мамой тоже был эвакуирован в сентябре в Куйбышев, куда ранее (осенью 1941 г.) перебазировался воронежский авиационный завод. На этот завод 2 октября 1942 г. я и определился работать.

И вот возвращение – спустя почти три десятилетия. Едва я приступил к работе в Воронеже, одним из первых позвонил мне Горбачев. Поздравил с избранием, поинтересовался первыми впечатлениями. Сказал, что мой предшественник

Н.М. Мирошниченко работал пассивно, сторонился соседей и т. п. Выяснилось, что мы с Горбачевым почти что земляки. Его дед – выходец из Воронежской губернии, перекочевал в свое время в Ставрополье в поисках лучшей жизни, там и закрепился. Договорились держать связь, наладить деловые контакты, помогать друг другу по мере необходимости. Учитывая мою многолетнюю «привязанность» из-за язвы желудка к курортам Минвод (Ессентуки и Железноводск), условились, что в очередной мой приезд увидимся на ставропольской земле. С того времени стали более частыми наши встречи. На XXIV съезде КПСС нас одновременно избрали членами ЦК партии.

В 1975 г. я был переведен на работу в Москву – первым заместителем Председателя Совета Министров РСФСР. В мои функции помимо других входили и вопросы финансов, материальных ресурсов, различных фондов, лимитов (зарплаты, штатов, капиталовложений и т. п.). Наплыв просьб из областей и краев РСФСР по этим проблемам был немалый. В эту пору наши отношения с Горбачевым заметно укрепились, стали более доверительными, товарищескими, почти дружескими. Он бывал у меня в Совмине, мы общались во время моих поездок в отпуск на лечение в Железноводск.

По-человечески Михаил Сергеевич мне imponировал. В нем привлекали общительность, можно сказать, какая-то открытость товариществу, дружбе, умение быстро установить контакт, найти тему для беседы, чувство юмора. Эмоцио-

нально воспринимал как успехи, так и неудачи. Короче, это был энергичный, задорный, неунывающий человек, интересный собеседник. Привлекал и его критический настрой по отношению к нашим проблемам, недостаткам. Он возмущался тем, сколько у нас безобразий, головотяпства в организации сельского хозяйства, как трудно пробить какую-нибудь новую идею, как в трясине бюрократизма гибнут интересные, экономически выгодные начинания. Разделял подорех чиновников, окопавшихся в Госплане, Госснабе, Минфине. Не скрывал недовольства тем, как пассивно наше высшее руководство. Многие из того, о чем говорил Горбачев, разделял и я. Был солидарен с ним в том, что надо вести дела по-иному, пробивать рутину и косность.

Горбачев был больше, чем я, вхож к высшему руководству (Кулакову, Суслову, Брежневу) и часто полунамеками подчеркивал свою информированность. Если делился какими-либо наблюдениями сугубо деликатного свойства, то даже критика в его устах оставалась лояльной. Во всяком случае, высказывался так, что это его ни к чему не обязывало: просто констатация, понимай, как хочешь. При желании его мысль можно было трактовать по-разному, повернуть в любую сторону – и он бы не возражал. Но в нужный момент мог сделать ход назад.

Со временем эта гибкость, двусмысленность, изворотливость развились, заматерели в нем. Он отличался непревзойденным умением балансировать, когда вопрос стоял или –

или, и был неподражаемо твердым, уверенным, убежденным, когда в исходе дела и в том, на чью сторону выгодно стать, не было никакого сомнения.

В 1978 г. скончался Ф.Д. Кулаков, член Политбюро, секретарь ЦК, ведавший вопросами сельского хозяйства (до этого он несколько лет был первым секретарем Ставропольского крайкома). Его преемником, секретарем ЦК, был избран на Пленуме ЦК в ноябре 1978 г. М.С. Горбачев. Насколько оправданным было такое назначение? Ясно, что на этом посту желательно было иметь опытного партийного работника, специалиста сельского хозяйства. Горбачев в определенной мере соответствовал этим критериям. Были и другие претенденты – И.А. Бондаренко, Г.С. Золотухин, В.А. Карлов, В.К. Месяц. Но избрание Горбачева было воспринято как должное. В те несколько месяцев, после его перехода в ЦК, когда мы оба работали в Москве, наши отношения еще более упрочились, хотя в них и стал проявляться налет покровительства с его стороны.

Мы продолжали поддерживать связи и в период моей работы на Кубе. Приезжая в Москву в отпуск или командировки, я непременно бывал в ЦК. Встречался с рядом секретарей ЦК, заходил и к Горбачеву.

Наши беседы были, как я воспринимал их тогда, искренними, товарищескими. Нам было что рассказать друг другу. Я находился под впечатлением от Кубы, от ее людей, от того, как постепенно страна идет вперед, от искреннего, братско-

го их отношения к нам. Правда, рассказ приходилось постоянно перемежать с «впечатлениями» от родной Москвы, от встреч с нашими твердокаменными бюрократами, консерваторами, которые упрямо затягивали выполнение решенных, многократно согласованных экономических вопросов советско-кубинского сотрудничества. Я видел, что у нас не совсем понимают некоторые вещи, связанные со спецификой, традициями кубинцев, особым политическим весом Кубы в той расстановке сил, которая сложилась на международной арене.

Выяснилось, что и Михаилу Сергеевичу работается в Москве непросто. Он возмущался, что хорошие идеи вязнут в косности и рутине. Причем больше напирал при этом на союзный Совмин, где уже работал председателем Н.А. Тихонов. «Поверь, – сетовал он, – ведь главная беда заключается в том, что знаю, могу, разработал четкую и эффективную программу вывода села из кризиса, но пробить, реализовать эти идеи невозможно. Круговая порука, стремление ничего не менять повязали всех накрепко. Юрий Владимирович стал расшевеливать эту заводь, хотя и ему пока приходится трудно».

Возвратившись в Гавану **5 июля**, я уже 6-го вечером получил телеграмму от А.А. Громыко: «Принято решение о назначении т. Катушева К.Ф. послом СССР в Республике Куба и освобождении вас от этих обязанностей в связи с пе-

реходом на другую работу. Посетите министра иностранных дел Кубы и запросите агреман на т. Катусева, сообщив следующие данные... Исполнение телеграфируйте». На какую «другую работу» – мне было не ясно.

На следующий день утром я посетил МИД (И. Мальмиерку). Затем был принят Фиделем Кастро во Дворце Революции. В начале беседы информировал Ф. Кастро о содержании послания Л.И. Брежнева президенту США Р. Рейгану. В нем шла речь о событиях в Ливане. Высказывалась обеспокоенность агрессивными намерениями Израиля. Изложил суть недавней беседы А.А. Громыко с А. Хейгом в Нью-Йорке. Обсудили с Фиделем некоторые практические вопросы советско-кубинского сотрудничества.

Завершая деловую часть беседы, я сообщил о принятом в Москве решении направить послом СССР на Кубу К.Ф. Катусева. (Фидель Кастро знал о предстоящей замене. У меня были с ним и с Раулем Кастро беседы по этому поводу. Они с пониманием отнеслись к моей просьбе о возвращении в Союз и, хотя высказывали сожаления, считали причину отъезда – отрицательное влияние на здоровье тропического климата – обоснованной. Однако кубинцев интересовало – кто придет взамен?)

Ф. Кастро несколько раз переспросил, тот ли это Катусев, который занимается в правительстве страны внешнеэкономическими вопросами. Я подтвердил – да, тот. «Ну что ж, – рассуждал Фидель, – мы хорошо знаем Катусева. Такое ре-

шение советского руководства престижно для Кубы. Однако мы все же сожалеем о вашем отъезде. Но опять-таки, у нас как было, так и остается два друга – в Москве и Гаване».

Затем Ф. Кастро спросил о моей предстоящей работе. Я ответил, что пока не знаю, но только не на дипломатическом поприще. Он советовал не торопиться с отъездом, посетить всех кубинских товарищей из руководства, с которыми я сотрудничал.

Возвратившись в посольство, доложил в Москву о беседе с Ф. Кастро и стал составлять программу завершения работы, положенных в подобных случаях протокольных мероприятий (визитов, приемов и т. д.).

Начиная с 12 июля приступил к делу. Нанес прощальные визиты дуайёну дипкорпуса, руководству МИД Кубы. Однако уже 17 июля утром позвонил Г.М. Корниенко, затем, через 30 минут, К.В. Русаков. Оба сказали – в понедельник 19-го быть в Москве.

Прибыв в Москву, утром **19 июля** зашел сначала к Г.М. Корниенко (А.А. Громько не было в Москве). Он сообщил, что вызван по поручению Ю.В. Андропова. Надо быть у него в ЦК КПСС в 15:00.

Приехав в ЦК, направился к И.В. Капитонову. Спросил его, о чем пойдет речь. Говорит – не знаю. И вместе пошли к Ю.В. Андропову.

У Андропова находился и Горбачев. Беседа была без предисловий, сразу о деле. «Речь идет о рекомендации вас пер-

вым секретарем Краснодарского крайкома партии. Медунова мы отзываем в Москву – 17 июля был с ним разговор. В крае сложилась пренеприятная ситуация. (Андропов кратко обрисовал обстановку.) Медунов наконец понял, что дальше там оставаться ему нельзя. Взятничество, коррупция среди ряда работников различных сфер, в том числе среди партийного актива. Арестованы и находятся под следствием более 200 человек. Понятно, вина и ответственность за такую обстановку в крае ложатся и на первого секретаря крайкома. Об этом и шла речь на Секретариате ЦК, где решался вопрос об освобождении С.Ф. Медунова от работы.

Вашу кандидатуру поддержали Л.И. Брежнев и К.У. Черненко. Отзывы о прежней вашей работе в Куйбышеве и Воронеже положительные. Был обмен мнениями и на Секретариате ЦК. Вот и все».

Я ответил, что поручение неожиданное, очень ответственное. Откровенно говоря, рассчитывал по возвращении в Союз немного подлечиться. Но я понимаю обстановку. Если требуется, то готов работать и буду делать все, чтобы оправдать доверие.

Андропов: «Хорошо. Практически не надо тянуть. Буквально на этой неделе, можно в четверг или в пятницу, провести в Краснодаре пленум. Так что готовьтесь. До свидания».

На другой день меня опять пригласил Ю.В. Андропов. Говорит: «Рассказал о нашей беседе Леониду Ильичу. Сказал

ему, что Воротников воспринял предложение без энтузиазма». Я, конечно, выразил удивление. «Не переживай, это я так. А серьезно, пришлось объяснить Л.И. Брежневу ситуацию. Надо сейчас в Краснодаре активно поработать. У тебя еще все впереди». Моя реакция: «Что впереди, Юрий Владимирович? Ведь мне уже 57 лет». Он засмеялся. И стал спрашивать об обстановке на Кубе, о Фиделе Кастро. Я рассказывал.

В 16:00 – Секретариат ЦК. Вел Ю.В. Андропов.

Сказал: «Как решили – Медунова отзываем в распоряжение ЦК. В крае выявлены многочисленные факты нарушения законности. Взятничество среди руководящих работников, даже среди партийного актива. В Сочи, Геленджике, Краснодаре. Арестовано 152, под следствием 99 человек. Медунову неоднократно указывали на эти факты, однако он не реагировал, не воспринимал советов и критики, сам создавал трудности для следствия.

Предложение: рекомендовать первым секретарем Краснодарского крайкома В.И. Воротникова. Вы его знаете – имеет большой опыт партийной, производственной, государственной работы: Куйбышев, Воронеж, Москва, Куба. Это то, что нам нужно. Секретариат по сути ранее согласовал этот вопрос». Дали мне слово. Я поблагодарил за доверие. Юрий Владимирович пожелал мне успехов.

22 июля. Вылетели с И.В. Капитоновым и Е.З. Разумовым в Краснодар. В 17 часов в крайкоме – заседание бюро.

Капитонов сообщил о решении Секретариата ЦК – Медунова отозвать в распоряжение ЦК. «Причина вам известна. ЦК КПСС рекомендует избрать первым секретарем Краснодарского крайкома В.И. Воротникова». Кратко изложил мою биографию. Вопросов ни к Медунову, ни ко мне не было. Члены бюро крайкома партии согласились с рекомендациями ЦК.

Вечером беседа один на один с С.Ф. Медуновым. Он держал себя довольно уверенно. Внешне никак не выдавал переживаний, не высказал и несогласия с решениями ЦК. В основном говорил о специфике края, его проблемах. Дал оценку некоторым работникам крайкома.

23 июля состоялся пленум крайкома. Освободили С.Ф. Медунова от работы. Меня избрали первым секретарем Краснодарского крайкома КПСС.

Итак, начался очередной этап моей работы.

О работе на Кубани следует рассказывать отдельно. Этот период моей жизни был напряженным, сложным, но одновременно, думаю, и плодотворным. Работалось в охотку. В крае я встретил понимание и поддержку скупых на похвалу кубанцев.

10 ноября в 21:20 мне на квартиру позвонил начальник краевого управления КГБ Г.И. Василенко. Срочное сообщение, прошу принять на квартире. Приехал. Сказал, что получил телеграмму – скончался Л.И. Брежнев. Мы сразу – в крайком. Пытаюсь связаться с ЦК по ВЧ – никого нет. Или

не соединяют. Дозвонился до М.В. Соколовой (сотрудница общего отдела). Она говорит: ждите. И только в 22:30 мы получили официальную телеграмму в крайком: сообщение Политбюро о том, что 10 ноября рано утром скоропостижно скончался Л.И. Брежнев. Обращение – принять на местах меры по активизации трудовой деятельности предприятий и хозяйств. Разъяснять, что ЦК будет и впредь проводить внутреннюю и внешнюю политику на основе решений XXVI съезда и т. д. Членов ЦК вызвали в Москву.

12 ноября. Кремль. Пленум ЦК в Свердловском зале.

10:00. Тихо. Все сидят. Вошли члены Политбюро: Ю.В. Андропов, Н.А. Тихонов, К.У. Черненко, В.В. Щербицкий, А.А. Громько, Д.Ф. Устинов, Г.В. Романов, Д.А. Кунаев, В.В. Гришин, М.С. Горбачев. Открыл Пленум Ю.В. Андропов коротким (15 минут) вступлением. «Партия и страна понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни крупнейший политический деятель, наш товарищ и друг, человек большой души, преданный делу... Прошу почтить память Л.И. Брежнева минутой молчания». Далее говорил о роли Л.И. Брежнева, значении его для партии. О необходимости сейчас крепить единство. «Пленуму предстоит решить вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС. Прошу товарищей высказываться».

Слово берет К.У. Черненко. «Политбюро поручило мне выступить на Пленуме», – начал он. Затем говорил о Л.И. Брежневе, его наследии, о том, что трудно восполнить

урон, который причинила кончина Леонида Ильича. «Сейчас вдвойне, втройне важно вести дела в партии коллективно». От имени Политбюро вносит предложение избрать Генсеком Ю.В. Андропова. Говорит о том, что Юрий Владимирович хорошо известен в партии и стране. О его личных качествах. О том, что его высоко ценил Л.И. Брежнев – «за марксистско-ленинскую убежденность, широкий кругозор, выдающиеся деловые и человеческие качества. Все члены Политбюро считают, что Ю.В. Андропов хорошо воспринял брежневский стиль руководства... Ему присущи: партийная скромность, уважение к мнению других товарищей и, можно сказать, пристрастие к коллективной работе». (Тезис: коллективная, коллегиальная работа – явно подчеркивался в речи Черненко. В ответном слове Андропов дал свое толкование этому принципу.)

Единогласно Генеральным секретарем ЦК КПСС избран Ю.В. Андропов.

Выступление Ю.В. Андропова. «Я глубоко тронут и взволнован вашим доверием, избранием меня на такой высокий пост... Особенно сейчас, после Л.И. Брежнева. Мы здесь свои. Я не хочу кривить душой. У меня нет такого авторитета во внешнем мире и в партии, такого опыта. Но я обещаю вам приложить все силы и знания, чтобы оправдать это доверие. Мы будем вместе бороться за все то, что принято XXVI съездом КПСС... Я обещаю, что коллективное руководство будет крепко, согласованно решать все вопро-

сы. По возможности коллегиально. Но не всегда к всеобщему удовлетворению... (Тут я не расслышал конец фразы.) Спасибо». Пленум завершил работу.

В 12:30 все члены ЦК пришли в Колонный зал Дома союзов, где установлен гроб с телом Л.И. Брежнева. Прощание. По рекомендации руководства ЦК все секретари обкомов, крайкомов сразу разъехались на места. Так что на похоронах Л.И. Брежнева я не был.

В понедельник **22 ноября** состоялся Пленум ЦК. Открыл его Ю.В. Андропов. Рассмотрели организационные вопросы. Перевели Г.А. Алиева из кандидатов в члены Политбюро (на сессии ВС его назначили заместителем Председателя Совета Министров СССР). Освободили А.П. Кириленко от обязанностей члена Политбюро и секретаря ЦК по личной просьбе (Андрея Павловича на Пленуме уже не было). Образовали Экономический отдел ЦК и утвердили заведующим отделом и избрали секретарем ЦК Н.И. Рыжкова. Затем рассмотрели проекты Плана развития народного хозяйства и Государственного бюджета на 1983 г.

С докладами выступили Н.К. Байбаков и В.Ф. Гарбузов. Обсуждение докладов было непродолжительным. Потом слово взял Ю.В. Андропов, говорил минут сорок.

И хотя у меня не сохранилась запись речи Андропова, но помнится, что говорил он остро, обеспокоенно о положении в экономике страны. Как важно, подчеркивал он, завершить по возможности лучше 1982 г. и сделать 1983 г. переломным

в решении сложных экономических задач.

Несколько отступая от хронологии своих записок, хотел бы кратко высказать, что ситуация в экономике страны, особенно в 1979-1982 гг., стала ухудшаться. Наметился определенный спад в темпах развития производства в ряде отраслей промышленности. Отсутствие стимулов научно-технического прогресса сдерживало рост производительности труда. Отставание уровня технологий, особенно в отраслях, выпускающих товары для населения, отрицательно сказывалось на качестве продукции. Не способствовала повышению производительности труда и качества продукции застойность кредитно-финансовой системы.

Ухудшилась в эти годы обстановка и в сельском хозяйстве. В ряде областей были вынуждены ввести талоны (своего рода систему нормированного распределения некоторых видов животноводческой продукции – мяса и животного масла), что вызывало определенное недовольство населения. Сузился ассортимент промышленных товаров, меньше стало импортной продукции. Причин тому немало и субъективных, и объективных.

При этом многих, в том числе и нас, членов ЦК, руководителей ряда областей и министерств поражали равнодушие и бездеятельность высших партийных и государственных структур, видевших это и молчаливо взиравших, как страна теряет темпы. Хотя чему было удивляться? Л.И. Бреж-

нев был неработоспособен уже много лет. Долго и самоотверженно тащивший экономический воз А.Н. Косыгин надорвался, тяжело заболел, в 1980 г. ушел в отставку, и вскоре, в декабре того же года, его не стало. Почти полностью отошел от дел серьезно заболевший А.П. Кириленко. Не работал, а лишь несколько часов присутствовал в ЦК М.А. Суслов. А в январе 1982 г. не стало и Сулова. И этот перечень болезней, старости и пассивности среди руководства страны можно было продолжить.

Различные обращения и письма ЦК к партии и народу уже не работали. В партийном и хозяйственном активе, в народе зрело недовольство, протест, а с телеэкранов звучали бодрые голоса, звенели награды.

Были и объективные причины. Уже невозможно стало вести такое огромное народное хозяйство страны старыми методами. Централизация все более давила и сдерживала инициативу мест. Ни Госплан, ни Госнаб, ни Минфин, ни другие экономические ведомства уже не были в состоянии проворачивать этот огромный маховик механизма экономики страны. Настоятельно требовались реформы. Надо было разгружать от забот верхние эшелоны власти, передавать права и ответственность вниз.

К тому же все более расклеивались экономические отношения с зарубежными странами. Контакты нашего руководства с лидерами братских соцстран носили формальный характер. Традиционные крымские встречи Л.И. Брежнева –

это была пустая профанация. Буксовал СЭВ.

Было очевидно – необходима ротация, смена руководства, обновление кадров. Нужны поиск и решение экономических и социальных проблем в условиях совершенствования механизма управления, раскрытия потенциала социализма, повышения инициативы и заинтересованности людей в результатах труда. Об этом говорили мы между собой, это понимал и Ю.В. Андропов и стал буквально с ходу обсуждать эти проблемы, готовить и реализовывать некоторые свои задумки. Звучала эта тема и на ноябрьском (1982 г.) и последующих Пленумах ЦК КПСС.

23 ноября начала работу сессия Верховного Совета.

В этот же день я побывал у Ю.В. Андропова. Это была моя первая встреча с ним после избрания Генеральным секретарем. Он повел речь о Пленуме. Об ответственности членов ЦК за положение дел в стране. Особенно упирал на то, что оценивать кадры надо по делам, а не по словам. «Все ждут указаний, поручений, рекомендаций. Но и мы не семи пядей во лбу. Нужна принципиальность, самостоятельность действий и решений, ответственность. Много обещали, хотим быть хорошими. Часто все берем на себя, потому и все стрелы в Центр. Надо быть откровеннее, правдивее. Объяснять людям, что может, а что не в силах дать страна».

Я обрисовал ситуацию в крае. Итоги года ожидаются неплохие. Сказал, что надо наводить порядок в рисоводстве.

Чрезмерно расширили посевы риса, залезли в плавни, нарушили севооборот. Это приводит к ухудшению плодородия земель, снижает урожайность риса. Зерновые комбайны мало пригодны для риса, дробят его при обмолоте. Рассказал о работе нескольких японских комбайнов, которые не молотят, а очесывают рис. Результаты значительно лучше. Он сказал: «Напиши об этом записку». Ответил, что уже написана, отдал Горбачеву. «Хорошо, рассмотрим». После этого я стал говорить об АЭС, о том, что нельзя допустить, чтобы Минэнерго, как оно того хочет, строило АЭС в Мостовском районе края, в предгорье Кавказа. Это безумие! Андропов согласился: «В предгорье! Кто мог это придумать?»

Далее информировал его о морально-политической обстановке в крае. Усиливаем борьбу с преступностью, подтягиваем дисциплину. Кадры на Кубани в целом неплохие. Но привыкли работать по команде. Андропов особо обратил внимание на Чайсовхоз. «Там неприятное дело. Возят туда гостей, как в передовое хозяйство, а там такие безобразия. Рассказывал мне Кириленко. Оттуда шли письма, проверяли сами, но Медунов покрыл, и ничего не нашли». Затем Юрий Владимирович поинтересовался работой краевых управлений КГБ и МВД.

В заключение беседы сказал: «Поправляй скорее дела, еще много надо чистить. Имей в виду, долго тебя там не задержим». Так доброжелательно, заинтересованно, с определенными намеками и закончилась беседа. Сидел Андропов

за основным столом в рубашке без пиджака. Внешний вид усталый, болезненный. Но беседу вел четко, конкретно, без размазывания тем и без лишних слов. Разговор продолжался около 30 минут.

1983. Андроповская школа. Слушать, смотреть, учиться и действовать

2 июня. Решил побывать в нескольких районах края, посмотреть состояние посевов, как в хозяйствах идет подготовка к жатве. С утра проехал по полям Динского района, затем в Калининский. Меня встретил секретарь райкома, говорит, звонили из Краснодара, просят срочно позвонить в ЦК И.В. Капитонову. Из колхоза связался с Иваном Васильевичем: «Завтра к 10:00 быть в ЦК». Возвратился в Краснодар и в 18:30 вылетел в Москву.

На следующий день утром приехал в ЦК КПСС к И.В. Капитонову. Он встретил меня словами: «Сейчас пойдем к Ю.В. Андропову. Речь идет о переводе вас из Краснодара. Давайте подумаем о кандидатуре на замену». Я спрашиваю: «Сначала уточните: что за перевод, куда?» – «Узнаешь на пятом этаже». И протянул мне список фамилий: Разумовский, Кручина, Месяц, Сизенко. Я не стал обсуждать эту тему: «Давайте поговорим после встречи с Генсеком».

Пришли к Андропову. Он поинтересовался видами на урожай, ситуацией в животноводстве и другими делами в крае. Потом говорит: «Теперь о главном. Вы знаете, что на днях скончался А.Я. Пельше. Политбюро решило рекомен-

довать Председателем КПК М.С. Соломенцева, а Председателем Совета Министров РСФСР – вас. Все объективные данные за это. Работали в Совмине России, в ряде областей, на Кубе. Везде зарекомендовали себя положительно. Как вы относитесь к этому?» Смотрит на меня в упор. Я немного помолчал и, стараясь не волноваться, говорю: «Дело большое и необычайно ответственное. Надо сказать честно, уже привык к Краснодару. Интересная работа. Встретил там немало хороших, деловых людей. Вроде бы нашел понимание и поддержку в народе». Андропов: «А ведь сначала не очень хотел? Отзывы хорошие. Ценим, что всегда ведешь себя достойно и выполняешь ответственные поручения ЦК. (Он часто сбивался в разговоре с «вы» на «ты».) Что же теперь раздумывать?» Отвечаю: «Если мне доверят такое большое дело, то буду работать активно. Российские проблемы мне близки».

После этого начали говорить о возможной кандидатуре на место первого секретаря крайкома. Капитонов изложил наметки. Подчеркнул приоритет Г.П. Разумовского, который долго работал на Кубани, в ЦК КПСС, сейчас в Совмине Союза ССР. При С.Ф. Медунове был председателем крайисполкома, но они не сработались. Почему? Андропов задумался. «Поймут ли в крае? Насколько на него падает тень медуновщины? Что касается других предложений, то я согласен с вашим подходом, действительно, надо на Кубань дать опытного, так сказать, уже готового работника. Подумайте еще, по-

советуйтесь». На этом разговор закончился.

Зашел к Горбачеву и Черненко, рассказал о беседе с Андроповым. Они, конечно, были в курсе дела. В тот же день возвратился в Краснодар.

9 июня вызвали в Москву. Вылетел первым утренним рейсом и приехал в Кремль. В 11:00 заседание Политбюро.

Ю.В. Андропов: «Политбюро рекомендует вас Председателем Совета Министров РСФСР». Коротко охарактеризовал мой трудовой путь. «Как видите – опыт хороший. Работал на различных постах. Везде достойно выполнял поручения ЦК, – и, обращая ко мне, – ваше решение?» Ответил, что понимаю ответственность. Если считаете нужным, буду работать. Поддерживающие реплики членов Политбюро: Громыко, Устинов, Тихонов. Решили: рекомендовать, внести предложение в Верховный Совет РСФСР.

14 июня вновь в Москве. Пленум ЦК КПСС.

Открыл его Ю.В. Андропов и предоставил слово К.У. Черненко.

Черненко от имени Политбюро предложил рекомендовать Верховному Совету СССР избрать Ю.В. Андропова Председателем Президиума ВС. Пленум решил – рекомендовать.

Затем Ю.В. Андропов выступил по организационным вопросам: избрать члена Политбюро Г.В. Романова секретарем ЦК, утвердить кандидата в члены Политбюро М.С. Соломенцева Председателем КПК. В связи с этим освободить его от обязанностей Председателя Совета Министров РСФСР.

Председателем Совета Министров РСФСР рекомендовать В.И. Воротникова и избрать его кандидатом в члены Политбюро. Все проголосовали за.

Вновь слово берет К.У. Черненко. «Политбюро решило предложить Пленуму вывести из состава ЦК КПСС Н.А. Щелокова и С.Ф. Медунова за допущенные ошибки в работе. Политбюро исходит из того, что каждый член ЦК должен делом оправдывать оказанное ему высокое доверие. Тот, кто порочит честь и достоинство коммуниста, не должен быть в составе высшего органа партии. Щелоков в последние годы ослабил руководство МВД, встал на путь злоупотреблений в личном плане. Построил дачи для себя и своих родственников. Взял в личное пользование три легковых автомобиля, подаренных министерству иностранными фирмами. Вел себя неискренне, несамокритично. По случаю своего 70-летия поручил снять фильм, на который затрачено более 50 тысяч рублей. Его поведение отрицательно влияло на кадры МВД. Медунов грубо нарушал партийную дисциплину. В крае получило распространение взяточничество среди руководящих работников. Располагая неопровержимыми фактами, он не принимал необходимых мер для пресечения этих явлений. Более того, с его ведома, со ссылкой на депутатский статус, не возбуждались дела о привлечении виновных к ответственности. Этим он скомпрометировал себя как руководитель и член ЦК КПСС».

Тайным голосованием решение принято. Медунов поки-

нул заседание, Щелокова на Пленуме не было.

Затем с докладом «Актуальные вопросы идеологической и массово-политической работы» выступил К.У. Черненко. Обсуждение доклада было активным. Прения завершились лишь на следующий день. В заключение с большой речью выступил Ю.В. Андропов.

24 июня Верховный Совет РСФСР назначил Председателем Совмина РСФСР В.И. Воротникова. Предложение по поручению ЦК КПСС и Совета старейшин ВС внес М.С. Горбачев. Я поблагодарил депутатов Верховного Совета РСФСР и ЦК КПСС за оказанное доверие.

Вечером, после сессии ВС, я приехал в Совмин РСФСР. (Никакой встречи с М.С. Соломенцевым, передачи дел не было.) Беседовал с членами Президиума Совета Министров. В сущности, всех их я знал, со многими работал в бытность первым заместителем Председателя. Так началась моя новая работа в правительстве Российской Федерации.

С Ю.В. Андроповым мы накануне условились, что через 3–4 недели, как только я немного освоюсь, обстоятельно побеседовать.

В Краснодаре 27 июня на Пленуме первым секретарем крайкома КПСС был избран Г.П. Разумовский. Представлял его Пленуму Е.К. Лигачев, недавно утвержденный заведующим Отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС. Я был на Пленуме, выступил там. Расстались мы с кубанцами тепло.

30 июня. Первое заседание Политбюро ЦК, в котором я участвовал в новой роли – Председателя правительства РСФСР.

Вел его Ю.В. Андропов. Строго, напористо.

Первый вопрос – об экономической политике ряда западных стран по отношению к Союзу. «Складывается невыгодная, неэффективная для нас структура внешней торговли, экономических связей в целом. Импорт растет, причем много берем „барахла“, а не технологию. Западные страны стремятся взять и берут у нас сырье. Остальная продукция неконкурентоспособна. Госплану, министерствам следует подумать, как расширить экспорт машин, конечных продуктов переработки нефти, что для этого нужно сделать. Одновременно надо корректировать структуру импорта. С умом тратить деньги. К этой работе подключить обкомы партии. И учесть подходы, разработанные при формировании новой пятилетки».

Затем были определены объемы финансовой помощи союзным республикам из бюджета страны. Андропов обратил внимание на иждивенческие настроения руководителей республик: «Не считают деньги, не изыскивают дополнительные финансовые ресурсы. Привыкли „протягивать руку“». После обсуждения решили все-таки оказать некоторую финансовую помощь.

4 июля. Провел первое заседание Президиума Совета Министров РСФСР. Рассмотрели отчет Курского облиспол-

кома о работе. Состояние научно-технического сотрудничества с зарубежными странами. Подробно разобрали представленный Госпланом РСФСР проект плана развития народного хозяйства республики на 1984 г.

6 июля. Под председательством К.У. Черненко состоялось заседание Комиссии ЦК по реформе общеобразовательной школы. Обсудили предложения республик и решили – обобщенный материал рассмотреть на комиссии в сентябре.

После заседания Черненко попросил остаться заведующих отделами, секретарей ЦК, членов ПБ и информировал нас о состоявшейся накануне беседе Ю.В. Андропова. На ней шла речь о принципиальных вопросах нашей экономической политики. Суть положений, высказанных Андроповым:

1. Необходим обстоятельный и объективный анализ итогов первой половины пятилетки. Конкретно работать с министерствами и один за другим развязывать «узлы». Seriously заняться экономическими проблемами с прицелом на перспективу.

2. Аппарату ЦК укреплять связи с обкомами. Лучше знать фактическое состояние дел: нередко до нас доходит искаженная информация, а иногда краски преднамеренно сгущаются с расчетом на получение помощи из центра. Нужен рабочий, деловой, а не бумажный контроль. Для этого формировать и направлять на места группы из специалистов аппарата.

рата, самым чаще выезжать на периферию и организовывать работу. Изучать кадры. Работников, которые «не тянут».

3. Особо о дисциплине. Ослабла дисциплина труда. По Москве, например, в рабочее время бродят тысячи бездельников, как правило управленцев, сотрудников министерств, НИИ и т. д. Подтягивание дисциплины – это не кампания, а долговременная задача. Надо строже спрашивать за порученное дело.

4. О валютном состоянии страны. Положение сложное. Финансисты не очень компетентны. Заключается много убыточных сделок. Покупаем всякую чепуху. Минвнешторг работает плохо. Продукция, предназначенная для экспорта, неконкурентоспособна. Необходимо сократить расходы на закупку продовольствия.

5. Основная задача – технический прогресс, внедрение передовой технологии. Это наша принципиальная экономическая линия. К сожалению, по 15–20 лет гоним одно и то же. Продолжаем выпуск устаревших машин. Подготовить предложения на Политбюро о мерах повышения качества продукции, ускорения темпов ее обновления.

6. Текущие задачи: организация уборки урожая, подготовка народного хозяйства к зиме, внимание социальным вопросам.

Так тезисно изложил Черненко основные моменты выступления Андропова. Можно сказать, с этого разговора началась обстоятельная конкретная работа по улучшению эко-

номического положения страны, решению неотложных социальных задач. Вот когда был дан импульс подготовке перестройки. Это было начало июля 1983 г.

7 июля. Заседание Политбюро. Вел Ю.В. Андропов.

Подвели итоги переговоров с Г. Колем и Х.-Д. Геншером.

Н.А. Тихонов изложил ход переговоров с руководством ФРГ по подготовке экономического соглашения на пятилетку (сжижение угля, развитие Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса, сокращение поставок нам продукции сельского хозяйства, средств связи). «Вообще наш удельный вес в торговом балансе ФРГ низок (около 2 %), а их в нашем тоже около 5 %. Но для них важен не экономический эффект, а политический».

Ю.В. Андропов отметил принципиальность и твердость нашей позиции: «Поблажек от нас ждать нечего. В поведении Г. Коля заметна определенная поза, самолюбование. Считает себя уже крупным политиком. Х.-Д. Геншер, на мой взгляд, компетентнее, хитрее, опытнее. Больше и острее полемизирует. Поднимался вопрос о замораживании соглашений, связанных с Западным Берлином, – нашей вины в этом нет. Считаю, что встречи были полезными». Политбюро одобрило итоги переговоров.

При обсуждении вопроса о подготовке плана сотрудничества со странами – членами СЭВ Андропов подчеркнул необходимость выработки четкой концепции сотрудничества. «Надо ясно определить, что нам нужно, а не только от-

биваться от заявок партнеров на топливо. Сотрудничать на основе всемерного развития кооперации и специализации. Вообще работа СЭВ требует глубокого анализа. Эффективность этого органа низкая».

Особое внимание на ПБ было уделено проблемам коммунистического и рабочего движения. Ю.В. Андропов сказал, что «в ряде западных стран коммунистические и рабочие партии пытаются приспособиться к ситуации, отходят от острых форм борьбы, не дают отпора реакционным силам. Наблюдается рост национальных, вернее, националистических мотивов. Буржуазия смогла национальные задачи поставить во главу угла, а компартии не ведут необходимой разъяснительной работы. Нам нужно иметь это в виду. Успех будет зависеть от того, насколько удачно мы свяжем интернациональные и национальные задачи. Это относится и к внешней, и к внутренней политике. Налицо явная недооценка и наукой, и практикой международного рабочего движения. Следует изучать его специально, партия должна знать, что происходит в рабочем движении, какие там развиваются процессы. Почему, например, в ряде компартий сокращается рабочая прослойка».

Ю.В. Андропов был явно не удовлетворен работой Международного отдела ЦК и его куратора – секретаря ЦК КПСС Б.Н. Пономарева.

11 июля. Л.С. Куличенко сообщил, что в Волгограде на заводе «Красный Октябрь», в тресте «Металлургстрой» и в

НИИ выдвинули меня кандидатом в депутаты ВС РСФСР. На следующий день получил телеграмму от избиркома с просьбой дать согласие баллотироваться по Краснооктябрьскому избирательному округу. Я поблагодарил и ответил согласием.

12 июля, на заседании Секретариата ЦК, которое вел М.С. Горбачев, по поручению Андропова обсудили вопрос об укреплении трудовой дисциплины. Повсеместно развернулась борьба с расхлябанностью. Правда, нередко она носила чрезмерно жесткий, административный характер. Но в основной массе населения была воспринята правильно.

14 июля. Заседание Политбюро, вел Ю.В. Андропов.

Остро, требовательно, с пристрастием обсуждали ситуацию в городе Волгодонске, где были грубо нарушены правила проектирования и строительства завода «Атоммаш» и его жилого поселка. Ряд строений стали оседать и разрушились, повреждены как производственные, так и жилые постройки. Причина – пльвуны грунта, просчеты проектировщиков, а также нарушения при производстве строительных работ.

Ю.В. Андропов: «Это результат не только халатного, безответственного отношения к делу со стороны руководства министерства и строителей, но и бюрократических пороков в работе аппарата и руководителей самого большого ранга. Совмин СССР и Секретариат ЦК должны быть принципиальнее. Долгих и Дымшицу необходимо незамедлительно выехать на место и рассказать активу, трудящимся о при-

чинах случившегося и о том, что делается для исправления положения. Поведение некоторых товарищей на Политбюро жалобно и нагло (имелись в виду выступившие с оправданием министры: Кротов, Непорожний и другие). Они плохо понимают свою роль и ответственность. О заместителе председателя Совмина И.Г. Новикове. Он курирует строительство. Н.А. Тихонов говорит, что Новиков подал заявление об уходе на пенсию, надо удовлетворить его просьбу. Важно скорее осуществить первые неотложные меры. Четко, по этапам реализовать технические и организационные решения. Вносят предложение об образовании комитета по безопасности АЭС. Согласен, надо решить этот вопрос».

Так завершилось обсуждение. Политбюро проходило требовательно, однако никого на нем не исключали из партии, тем более не отбирали партбилета, о чем говорил спустя почти десять лет на телевидении Л.М. Замятин и что якобы так поразило его. Этого не было.

Далее рассмотрели предложение о проведении в пяти отраслевых министерствах экономического эксперимента. Предлагалось расширить права промышленных предприятий, перейти на полный хозрасчет. Андропов вникал в суть проблем, выпытывал – готовы ли? Говорил: «Правильно, что избрали основное звено – предприятие. Давайте экспериментировать на этом уровне. Но это часть большой работы по налаживанию всего хозяйственного механизма. Высказано много идей, благих намерений, но не следует перегру-

жать постановление. Надо тщательно провести эксперимент, с учетом полученных результатов внести необходимые изменения в работу этих отраслей, подправить, где надо, и только потом распространять новые подходы на другие отрасли. Наконец, следует иметь в виду, что такой эксперимент – это не только экономическая, но и политическая задача».

21 июля. Позвонил Ю.В. Андропову. Сказал, что готов к обстоятельной беседе, о которой условились в июне. «Хорошо, – говорит, – давай встретимся завтра в 11 часов».

22 июля. В ЦК КПСС у Ю.В. Андропова.

Он обычно работал в здании ЦК на Старой площади (в Кремль ездил только на заседания Политбюро). Встретил приветливо. Сидел за рабочим столом, без пиджака. Вид усталый. В ходе беседы оживился, говорил увлеченно, эмоционально.

Я кратко рассказал, чем занимался это время. Как складываются отношения с Совмином Союза, Госпланом, министерствами. О контактах с отделами ЦК. О ситуации с уборкой урожая, проблемах местного хозяйства. Настроении на местах. Положении с кадрами в республиканских органах.

Затем в основном говорил он. Во-первых, высказал ряд претензий к бывшему руководству Совмина РСФСР. «Михаил Сергеевич Соломенцев вел себя инертно, сложные вопросы старался переадресовать другим. Нередко находился в хвосте событий. Такая позиция принижала роль Совмина. Много нелестных отзывов было от секретарей обкомов. С

чем, говорили, ни обратись – не решишь, одни нотации, нудные разговоры, что-де сами во всем виноваты. То есть контакта должного с областями не было. Создавалось впечатление, – продолжал Андропов, – что Соломенцев работал по принципу: Россия велика, все равно не поднимешь.

Что хотелось посоветовать? Не пытаться объять необъятное. Не хвататься за все. Нужно больше времени уделять делам, которые непосредственно связаны с жизнью людей. Работа агропромышленного комплекса (сельское хозяйство, переработка, сохранность продукции). Легкая, пищевая отрасли промышленности. Социальные вопросы: жилье, коммунальное хозяйство, охрана здоровья, забота о детях, стариках. Особо – о дорожном строительстве, это же истинная беда России.

Конечно – товары. Добиваться расширения ассортимента и повышения качества. Сейчас рынок начинает насыщаться товарами, но много „барахла“. Думаю, что следует специально принять ряд программ развития Сибири и Дальнего Востока. Давайте, вносите предложения на следующую пятилетку: по размещению производительных сил, использованию природных ресурсов, защите окружающей среды.

Теперь еще раз о связях с местными советскими и партийными органами. От них много нареканий. И справедливых. Есть и такие, кто не считается с Совмином. Потому что не видят в этом толка. Все норовят решать через ЦК. Совмин недооценивает роль и возможности областей. Они могут и

должны делать больше. Есть, правда, и иждивенцы. Все просят, ноют, уповают на центр. Так ведь легче. Дико, но в ЦК идут и простейшие просьбы – до гуталина и зубных щеток. Причем чаще те, кто просит, крупные промышленные области, проявляют и сепаратистские настроения. Требуют особых условий снабжения для себя – за счет других. Я не называю фамилий секретарей – сам знаешь. Надо найти ключ к контактам с местными органами. Как? Делами. Только делами можно завоевать авторитет, а не ложной заботой о престиже.

Вы говорили о необходимости контактов с отделами ЦК. Здесь есть вопрос – российские структуры в ЦК отсутствуют. Мы готовы рассмотреть предложения – подумайте. Может быть, поддерживать ваши крупные решения постановлениями ЦК или еще как-нибудь.

Теперь о кадрах. Разберитесь с заместителями, с аппаратом. Есть хорошие работники, но немало инертных. Советую не брать людей, которых вам спихивают. Такая практика в ЦК есть, я знаю.

О стиле работы. Надо меньше парадности, показухи. Всяких „дней“, приемов, поездок делегаций и т. п. Ведь дел в РСФСР невпроворот.

И последнее. Не замыкайтесь в своем доме. Надо работать в контакте и по горизонтали, и по вертикали. Чаще бывать на местах. Меньше бумаг. Больше конкретного дела. Надо повышать авторитет решений Совмина. Тщательнее их гото-

вить и обязательно выполнять.

Ну вот, пока достаточно. Буду помогать. Верю вам и надеюсь!»

На этом мы и завершили полуторачасовой разговор.

25, 26 и 27 июля находился в Волгограде, где были встречи с избирателями. Побывал на заводах: «Красный Октябрь» и «Баррикады», на Волжской ГЭС, в колхозах и совхозах области, в НИИ сельского хозяйства. Конечно, осмотрел мемориальные комплексы битвы за Сталинград. Во Дворце культуры завода «Красный Октябрь» состоялось собрание избирателей, где выступил со словами признательности за оказанное доверие, обещал оправдать его делами.

28 июля. Заседание Политбюро. Вел Ю.В. Андропов.

Об итогах работы в первом полугодии 1983 г. Прогноз на второе полугодие. Информации Н.К. Байбакова и В.Ф. Гарбузова.

Они изложили общую картину. Некоторые министерства в июле стали работать хуже: химическое машиностроение, угольная, легкая и другие отрасли промышленности. Идут разговоры о нереальности плана второго полугодия. Выискивают всякие объективные причины.

Начались выступления. Сетования – надо разобраться, так нельзя перегружать отрасли, много трудностей, нужны дополнительные ресурсы, капиталовложения и т. д.

Я слушал. Общие рассуждения, перечисление «объективных» причин, а конкретных предложений нет. Только одно –

надо, надо! А как, где?

Андропов молчал, подавал отдельные реплики. Когда выслушал речи – стал чеканить фразы в притихшем зале.

«Экономика на перевале 11-й пятилетки. Отвечает ли складывающаяся обстановка требованиям экономической политики, решениям ноябрьского Пленума? Нет, не отвечает. Нужно видеть тенденцию. Что же случилось? В стране улучшилась морально-политическая обстановка, что способствует подъему трудовой инициативы. Об этом свидетельствуют итоги первого полугодия. Почему же сейчас сбои? Нужно прекратить демобилизующие разговоры о невыполнимости плана второго полугодия и 1983 г. Более того – можно частично компенсировать задолженность 1981 и 1982 гг. Требуется конкретная работа. Какая? Это дело Совмина, Госплана, Госнаба, министров.

Сегодня мы ничего конкретного не услышали. Не дело Политбюро заниматься частностями, водить вас за руку. Будем говорить не только о проблемах, а о людях, которые стоят за ними. Об их ответственности. Мне представляется, что у товарищей появилась какая-то усталость от требовательности и ответственности. Как это понимать? Дела идут неважно, а руководители министерств, областей – в отпусках, лето – самая лучшая пора! Отозвать немедленно – тех, где плохо обстоят дела.

Повышение дисциплины, ответственности – это, прошу учесть, не кампания, это постоянные факторы. Предупре-

ждуя всех! Кто сорвет планы – будет объясняться в ЦК. Посмотрим, надо ли держать такого министра. Особое внимание обратить на повышение эффективности работы. На каждом предприятии должны быть разработаны меры, направленные на рост производительности труда, экономию, повышение качества продукции.

О товарах. Их производство выросло на 4 %, а продажа – на 1 %. Что происходит? Работаем на склад. Причина – низкое качество, нарушение структуры, ассортимента. Одних товаров сверх норматива, все склады завалены, а другие в дефиците. Нереализованные товары – это позор. Зачем их выпускать, тратить сырье? На оптовых ярмарках от некоторых товаров отказы. Это относится к радиоприемникам, телевизорам, холодильникам, обуви, тканям и т. п. Их уровень отстал на несколько поколений от продукции зарубежных фирм. Одновременно жалобы – там нет хлопчатобумажных носков, там нет полотенец и т. п. То есть пересортица. Надо, кстати, давно и торговать научиться. Уметь перераспределять товары по регионам.

Есть и объективные причины. Посмотрите, как используются доходы населения на приобретение товаров и продуктов. У нас процент затрат на эти цели более высокий, чем на Западе. Выход – надо расширять услуги. Внутренние возможности есть. Надо правительству, Н.А. Тихонову конкретно разобраться с планом и крепко ударить по упадническим настроениям.

О сельском хозяйстве. Обстановка сложная на Украине, Северном Кавказе, в Сибири. Надо работать над выполнением плана со всей строгостью. Учитывать конкретную обстановку в каждой области. О кормах думать, как о хлебе. Не выскребать сусеки. Это не дело. Это липа. Кому это нужно – взять, отчитаться, а потом просить? На село даем дополнительно транспорт, горючее, приблизим сроки поставки техники. Всем, связанным с сельским хозяйством, необходимо работать очень напряженно».

Андропов умел заострить вопрос. Не бросал слов на ветер. Это всем было ясно. Споткнешься – поддержит. Оставишься – спросит, не забудет.

Вечером провел заседание Совмина РСФСР.

Обстоятельно информировал о требованиях Генсека, высказанных на Политбюро. Подходах к оценке работы. О мерах – что надо сделать в промышленности и сельском хозяйстве. После Совмина оставил членов Президиума и рассказал о своих впечатлениях от поездки в Волгоград. Решили, что заместители этими днями побывают в ряде областей.

31 июля в Волгограде состоялись выборы. Меня избрали депутатом Верховного Совета РСФСР.

3 августа. В ЦК у Горбачева. Рассмотрели хлебофуражный баланс Ростовской области и Ставропольского края. Как ни крутили – они не выходят на план. Угрожает бескормица. В итоге согласились с нами, что надо снизить им задание. Постараться компенсировать недобор зерновых в Сибири.

Затем зашел разговор о состоянии сельскохозяйственной науки. Высказал мнение, что ликвидация главка науки в Минсельхозе РСФСР не оправдана. ВАСХНИЛ оторвал свои институты от местных задач, а сам ими как следует не управляет. Области вынуждены при наличии НИИ восстанавливать опытные станции.

Горбачев со мной не согласен. Прервав мои излияния и как бы рассуждая о наболевшем, он заговорил о кадровой политике ЦК. О том, что «некоторые руководители ведомств, министерств, да и в аппарате ЦК отстали, устарели. Сидят по 20–30 лет на одном месте. Стали тормозом в работе». Называл некоторые фамилии, в том числе и из близкого окружения. Но говорил об этих людях не напрямую, а как-то касательно, вскользь. Мол, и неплохие, компетентные работники, но... все же. Видимо, решил прощупать мое отношение к ним. Соглашаясь в принципе с необходимостью ротации кадров, я ушел от конкретных оценок.

5 августа. Позвонил Ю.В. Андропов: «Что происходит в Ростове и Ставрополье? И на Кубани? Они все планируют значительно снизить поставки зерна. Вы в курсе дела?» Ответил: «Да, в курсе. Имею информацию Минсельхоза и с мест. Рассматривали их хлебофуражный баланс у Горбачева. Обстановка там складывается плохая. Краснодарский край, правда, еще не прорабатывали. Но и они недодадут несколько сот тысяч тонн». Андропов: «Тогда надо компенсировать в других районах. Прошу, займитесь этим». – «Мы

занимаемся, рассматриваем каждую область конкретно. Ведем счет. Ряд областей дадут сверх плана. Но в целом по РСФСР вместо 47 млн тонн сдадим государству, видимо, 42–43 млн тонн». – «Ну хорошо. Только смотрите внимательнее, объективнее».

Вечером принял посла НРБ Д. Жулева. Хорошая, обстоятельная, дружеская беседа. Д. Жулев – дуайен дипкорпуса в СССР.

18 августа. На заседание Политбюро вновь внесли вопрос «Об опережающем росте производительности труда по отношению к заработной плате». (Накануне было обсуждение на Секретариате, организованное Горбачевым.) Выяснилось, что проект не рассмотрен в Совете Министров. Н.А. Тихонов недоволен (я думаю, обоснованно). Считает, что необходимо сначала разобраться в правительстве, а потом уж выносить, если надо, на Политбюро. Он возмущен тем, что Секретариат ЦК, в частности Горбачев, уже не первый раз берет на себя хозяйственные вопросы. Небольшая перепалка. Горбачев: «А что делать, если вы не решаете». Тихонов: «Не пытайтесь работать по проблемам, в которых вы не компетентны». Ю.В. Андропов: «Не дело вносить на ПБ не согласованные вопросы».

Следует в порядке отступления от хронологического изложения событий сказать, что мое вхождение в состав столь высокого органа, которым являлось в партии Политбюро

ЦК, было очень непростым. Правда, ряд членов Политбюро знали меня по прежней работе и с ними сложились неплохие деловые отношения, что облегчало этот процесс. Однако нужно было время, чтобы лучше разобраться в специфике, тонкостях, деталях отношений между тремя основными органами: Политбюро, Секретариатом ЦК и Советом Министров СССР. Немалое значение имело и то, как складывались личные взаимоотношения в руководстве. Конечно, в Политбюро, как в любом коллективе, тоже возникали симпатии и антипатии. С первых дней я почувствовал на себе изучающее, настороженное отношение некоторых товарищей. Были попытки исподволь проверить меня на эрудицию, характер и пристрастия.

Трудности объяснялись еще и тем, что я более четырех лет был фактически оторван от центра, от Москвы. Надо было глубже войти в курс политических и экономических процессов, происходивших в стране и в РСФСР. Произошли за это время и существенные кадровые изменения в центральных органах управления.

Это и многое другое объясняет, почему в первые месяцы работы я не особенно стремился втягиваться в дискуссии, больше слушал, чем говорил, постепенно вживаясь в структуру. Определенные рамки, сложившиеся годами, отличали, как я понял позже, положение членов Политбюро от положения кандидатов и секретарей ЦК. Внешне нам, членам ЦК, казалось, что на заседаниях Политбюро все они равны при

обсуждении и принятии решений. Ан нет! Ореховая комната, где собирались перед началом заседаний члены Политбюро, где они общались и обсуждали различные вопросы только между собой, означала какой-то невидимый барьер между ними и остальными членами руководства. Они входили в зал заседаний Политбюро из Ореховой уже более подготовленными, более информированными, а иногда с уже согласованным решением. Более того, при любом Генеральном секретаре, в том числе и при Горбачеве, была узкая группа доверенных лиц из членов ПБ, которых Генсек приближал к себе, предварительно советовался с ними, обсуждал наиболее деликатные вопросы, а уже потом вносил эти вопросы в Политбюро. Их знакомили по его поручению и с рядом особо важных документов. Все это я узнал позже.

Должен объективности ради сказать, что на первых порах у меня была определенная поддержка в Политбюро – М.С. Горбачев. Я тогда полностью доверял ему, верил в незыблемость наших давних товарищеских отношений. Думаю, что в первые годы (с 1983 до 1986, отчасти и 1987 г.) он относился ко мне доброжелательно, хотя с 1985 г. в большей мере подчеркивал свое должностное старшинство. Во всяком случае, мне казалось, что он уважал мой опыт и профессиональные знания. Но разбирался в механизме аппаратной работы, освоил его активные пружины он, безусловно, куда лучше меня. Здесь он был великий мастер. В период 1983–1984 гг. мы встречались часто. Беседовали, переговаривались по те-

лефону чуть ли не ежедневно, по разным вопросам. Так, по сути, он весьма умело, как выяснилось потом, «привязал меня к своей повозке», в которой, ловко маневрируя, продвигался к заветной цели – власти.

29 августа. Зашел к К.У. Черненко, который возвратился из отпуска.

Несмотря на полуторамесячный отдых в Крыму, он выглядел неважно. В своей книге «Здоровье и власть» Е.И. Чазов напишет, что уже в то время состояние здоровья К.У. Черненко было плохим и что он направлял в этот период (осенью 1983 г.) записку в Политбюро о самочувствии Константина Устиновича. (Я такую записку не видел, не читал. Возможно, с нею ознакомили только членов Политбюро.) Однако никакой реакции на эту записку не было.

Вспомнил об этом факте лишь потому, что действительно в тот день К.У. Черненко выглядел далеко не лучшим образом.

Рассказал ему о работе Совмина, аппарата. О ходе уборочных работ на селе. О проработке плана на 1984 г., наших замечаниях к проекту, представленному Госпланом СССР. Высказал предложения о необходимости совершенствования управления хозяйством в РСФСР. «В республике нет своих общестроительных министерств, МВД. Надо подумать о республиканской науке, которая организационно разобщена. Мало собственных средств массовой информации (газет,

журналов), нет республиканского телевидения». Он слушал с вниманием, но как-то безучастно. Задал один-два уточняющих вопроса, и все. Беседа, скорее, информация завершилась тем, что он поблагодарил меня, попросил и впредь держаться в курсе российских дел.

1 сентября. Политбюро ЦК.

Ю.В. Андропов вел это, как потом оказалось, последнее для себя заседание Политбюро спокойно, без эмоций. Выглядел очень усталым, малоподвижным. В тот же день улетел в отпуск, в Крым. Больше он на работе не появился.

2 сентября. 11:00. Внеочередное Политбюро. Вел К.У. Черненко.

Информация А.А. Громыко, Д.Ф. Устинова, а также Н.В. Огаркова и Г.М. Корниенко. О факте нарушения 1 сентября воздушного пространства неопознанным самолетом в районе Курил. На предупреждения не реагировал, продолжал полет в воздушном пространстве СССР. По команде этот самолет был сбит. Оказался южнокорейским пассажирским самолетом «Боинг-747». Образована оперативная группа для расследования инцидента. Мы были поставлены перед фактом. Кто принимал решение? Знал ли Генсек? Это так и осталось неясным.

5 сентября утром вылетел в Воронеж для встреч с избирателями как депутат Верховного Совета СССР.

Из аэропорта – по районам области. Осмотр полей – ход уборки, подготовка почвы, сев озимых: Новоусманский,

Лискинский, Бобровский, Павловский, Подгоренский и Каменский районы. Беседы с руководителями хозяйств, крестьянами, секретарями райкомов. Вечером в Острогожске собрание избирателей. Выступил с отчетом о работе, сказал о впечатлениях от поездки по области.

На другой день – в Воронеже. Побывал на авиационном и механическом заводах, в ОКБ у А.Д. Конопатова. В городе ознакомился с состоянием торговли в магазинах и на рынке, строительством жилого микрорайона.

Беседа в обкоме КПСС с членами бюро и облисполкома. Речь шла о том, что область за последние годы значительно сдала позиции в сельском хозяйстве, в решении социальных проблем. Вечером отлет в Москву.

13 сентября. Разговор с Н.А. Тихоновым. О финансовом состоянии колхозов и совхозов. (Накануне я передал ему записку по этому поводу.) Записку мою смотрел. Направил на заключение Гарбузову и Алхимову. Пообещал немного помочь. Поделился с ним впечатлениями от поездки в области. Он просил меня чаще информировать его о положении дел в промышленности и сельском хозяйстве России. Следует сказать, что с Н.А. Тихоновым у меня сложились неплохие отношения. Я не могу обижаться на недостаточное внимание к проблемам России с его стороны. Да и в личном плане он всегда относился ко мне уважительно.

15 сентября. Заседание Политбюро. Вел К.У. Черненко. По поручению Ю.В. Андропова рассмотрели записку

группы министров СССР по проблемам мелиорации и использования мелиорированных земель.

Наиболее остро обсуждался проект Минводхоза о переброске части стока северных и сибирских рек на юг. Мнения разделились.

Госплан, на который активно воздействуют руководители среднеазиатских республик, поддержал позицию Минводхоза. В то же время выявлены отрицательные тенденции – бросовое отношение к использованию воды на цели мелиорации в этих республиках. Я высказал позицию Совмина РСФСР: «Мы – против переброски стока северных рек, – в этом нет необходимости. Что касается Сибири, то этот проект вообще недостаточно проработан».

Черненко завершил обсуждение: «Дело нужное, но надо еще поработать с учетом обмена мнениями». То есть решение вопроса было отложено.

Поскольку идея переброски стока российских рек будоражила тогда общественность, было много критических выступлений, статей в печати – следует рассказать об этом подробнее.

Еще в начале 70-х годов руководство среднеазиатских республик и Казахстана поставило перед ЦК и правительством вопрос о нарастающем дефиците воды в их регионах не только для орошения плантаций, но и для водоснабжения населения. В центральных органах они получили поддержку.

Постановлением ЦК и СМ СССР от 21 декабря 1978 г.

поручалось АН СССР, Госплану, министерствам и ведомствам Союза, а также Совминам РСФСР, республик Средней Азии и Казахстана провести комплексные исследования для определения объемов и очередности работ, связанных с переброской части стока сибирских рек. Минводхоз обязали в 1980 г. разработать ТЭО первой очереди строительства.

Кроме того, в Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981–1985 гг. было записано: «Приступить к проведению подготовительных работ по переброске части стока северных рек в бассейн реки Волга, а также продолжить научные и проектные проработки переброски вод сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан».

Так как речь шла об использовании водных ресурсов российских рек, то от правительства РСФСР требовали положительного решения. Буквально с первых дней моей работы пришлось столкнуться с этой проблемой. Уже 5 июля по настоятельной просьбе Минводхоза Союза я провел совещание. Сообщение сделал Н.Ф. Васильев: «Минводхозом составлены проектные предложения о переброске стока 5–6 куб. км северных рек для подпитки намеченного строительством канала Волга – Дон. О сибирских реках – определена трасса, очередность работ, сделан примерный расчет затрат на сооружение канала. Есть положительное заключение Госплана СССР. Нужно заключение Госплана и решение Совмина РСФСР».

Стали задавать вопросы. Чем вызван отбор воды из се-

верных рек? Будто не хватает водных ресурсов Волги? Ведь речь идет всего о 5–6 куб. км из более чем 250 куб. км годового стока Волги. К тому же последние годы этот сток возрастает, уровень Каспия повышается. О канале из Сибири в Среднюю Азию. Не ясно, сколько будет составлять отбор воды для областей РСФСР, в том числе из Иртыша и Оби. Нет проработок экологических последствий проекта для севера республики. Совсем не просчитана мелиоративная сеть и т. п. Николай Федорович отвечал, что сейчас нужно принципиальное решение, а все детали будут учтены позже.

Пришли к выводу: требуется более глубокая проработка самой идеи переброски части стока рек. Решили собраться в институте «Гипроводхоз» и послушать непосредственно авторов проекта.

19 августа я с большой группой специалистов приехал в институт «Гипроводхоз», чтобы разобраться, каково истинное состояние проектных работ и ТЭО по переброске части стока российских рек.

Директор института Воропаев доложил. Затем подробное обсуждение. Стоимость проекта с комплексом мелиоративных систем? В проекте обсчитан только канал, а основная цель – мелиорация. Какова продолжительность строительства и окупаемость всего комплекса? Зачем отбирать воду в Волгу, если Каспийское море уже сейчас размывает прибрежную зону? И другие.

Доводы авторов проекта не убедили. Вывод – проект не

обоснован экономически и экологически. Вопрос о северных реках надо вообще исключить из обсуждения. Доложить наше мнение Совмину СССР.

И вот теперь, 15 сентября, разобрали проблему в Политбюро ЦК. Я остался не удовлетворен итогами обсуждения. После заседания позвонил К.У. Черненко: «Проект Минводхоза сырой, требует более глубокого обоснования и расчетов». Константин Устинович: «Хорошо. Дам поручение».

(И к этой теме мы не возвращались вплоть до мая 1984 г.)

22 сентября. Вылетел в Новосибирскую область.

В Новосибирске. На авиационном заводе прошли по цехам. Беседы с руководством и рабочими. Вопросы обычные – жилье, снабжение, городские проблемы. Побывал на стенде – горячий отстрел оружия, на ЛИСе.

Затем – Академгородок. Беседа с руководством Сибирского отделения АН – академики: В.А. Коптюг, А.А. Трофимук, В.В. Соболев, А.Н. Скринский и другие. Интересный, содержательный разговор. Полезно, приятно, поучительно слушать их. Озабочены перспективами сибирской и всей советской науки. Договорились о проведении Всероссийской конференции по проблеме развития производительных сил Сибири. Потом побывал в Институте ядерной физики у молодого академика А.Н. Скринского.

Вечером на торжественном собрании в оперном театре «Красный факел» вручил городу Новосибирску орден Ленина.

24 сентября. Выехали в районы области. Совхоз «Обский». Дождь. Проросшее зерно в валках. Убирать нельзя. Затем на молочно-товарной ферме – скот ухоженный. Застройка села домами усадебного типа. Колхоз «Большевик». Современный животноводческий комплекс. Обустроенное село: магазины, Дом культуры, музей ВОВ. Обед в совхозной столовой.

Сибирское отделение ВАСХНИЛ. Беседа с членами президиума академии. Критическая оценка работы ученых. Практическая отдача низкая. Слаба связь с областями и краями России.

Вечером в Новосибирске беседа в обкоме КПСС с партийно-советским активом. Выступил, обмен мнениями. Отлет в Москву.

26 сентября. Рассказал К.У. Черненко о впечатлениях от поездки. Главное из них – сибиряки трудятся хорошо. Надо им помогать. Внесу конкретные предложения. Положение с уборкой трудное. Убедился – дожди нанесли серьезный урон хлебу в Сибири и на Урале. В Поволжье нормально. Он поблагодарил за информацию. (Для справки. В 1983 г. в РСФСР валовой сбор зерна, с учетом подработки, составил 104 млн тонн, государству было продано 42,8 млн тонн. Наши прикидки подтвердились.)

30 сентября. Принял посла СФРЮ М. Друловича. Обмен мнениями о положении в наших странах, о сотрудничестве России с Сербией и Черногорией. Держится посол дружески,

с достоинством. Передал мне приглашение от имени руководства посетить Югославию. Я поблагодарил.

17 ноября. Заседание Политбюро. Вел К.У. Черненко.

До заседания информировал нас, что здоровье Ю.В. Андропова, который был из Крыма госпитализирован в ЦКБ, пока без изменений к лучшему. Вспоминаю, что эта информация была воспринята достаточно спокойно. Ну, заболел человек, с кем не бывает. Не чувствовалось тревоги. Хотя многие знали, каково его здоровье, чем и сколько времени он уже страдает. Мне же все это было неизвестно. Поэтому восприятие общее – поболит и выздоровеет... Непонятно, чем была вызвана такая уверенность. О том, что Ю.В. Андропов находится в ЦКБ, я узнал лишь сегодня, в середине ноября. Чазов же в своей книге пишет, что еще в конце сентября его вызвали в Крым, где отдыхал Ю.В. Андропов, в связи с резким ухудшением здоровья Генсека. Его срочно эвакуировали в Москву в ЦКБ.

23 ноября. Принял Й. Нес Циглера – президента ландтага земли Северный Рейн-Вестфалия. С ним два бизнесмена и посол ФРГ Х. Каствль. Говорили о развитии экономического сотрудничества. О политической обстановке в мире. Напомнили мне о приглашении посетить ФРГ. Ответил, что вернемся к этому вопросу позже.

4 декабря. Беседовал с М.С. Горбачевым. Он был у Ю.В. Андропова в ЦКБ. «Состояние его здоровья плохое. Его посещают помощники. Иногда Черненко. Юрий Владимиро-

вич недостаточно точно информирован, переживает за дела. Ты бы позвонил ему». Я говорю, что «хотел не раз, но раздумывал, зачем беспокоить больного человека».

В тот же день позвонил в ЦКБ. Рассказал Ю.В. Андропову, как идут дела в республике, какие ожидаем итоги года. Как прошло согласование плана на 1984 г. по России в Совмине Союза. О работе по его записке в Политбюро. Поинтересовался его здоровьем. Он: «Хорошо, что позвонил. Спасибо. Я залежался здесь. Невольно оторван от дел, это сейчас недопустимо. Но что поделаешь. Удовлетворен твоей информацией. Желаю, дорогой Виталий Иванович, успехов. Спасибо тебе сердечное. Привет товарищам».

6 декабря. Был у Горбачева. Он рассказал, что «имел еще одну беседу с Ю.В. Андроповым в ЦКБ. Состояние его не улучшается. Выглядит очень плохо. Исхудал. Ослаб. Юрий Владимирович предложил провести изменения в составе Политбюро, в том числе перевести тебя в члены Политбюро (Горбачев якобы поддержал это предложение). Но некоторые считают, доверительно сообщил Горбачев, зачем торопиться, надо подождать и решать при участии Ю.В. Андропова, но тот настаивает». Поговорили с Горбачевым о сельских делах. Я сказал о намерении Н.А. Тихонова изменить порядок натуральной оплаты свекловодам, снизить вдвое выдачу сахара. Это не прибавит ресурсов сахара, а создаст проблемы с обработкой свеклы. Горбачев: «Видишь, как „специалисты“ пытаются управлять селом».

14 декабря. Принял посла ПНР Кочолека. Была интересная, откровенная беседа. Посол объяснил, насколько трудная и сложная обстановка в Польше. Наши отношения внешне нормальные. Но в народе нагнетаются негативные настроения по отношению к Советскому Союзу, к России. Много белых пятен, их надо раскрывать. Я с ним согласен.

26 декабря. Пленум ЦК КПСС. Открыл К.У. Черненко. Начал с того, что встречался с Ю.В. Андроповым. Он не может участвовать в работе Пленума. Передал просьбу Андропова рассмотреть на Пленуме оргвопрос.

Вносит предложение. «Избрать членами Политбюро М.С. Соломенцева и В.И. Воротникова, кандидатом в члены Политбюро – В.М. Чебрикова, секретарем ЦК – Е.К. Лигачева. И.В. Капитонову – сосредоточиться на вопросах, связанных с развитием производства товаров народного потребления, бытовых и других социальных проблемах». Голосуем – предложения приняты.

Затем по повестке дня.

«О плане экономического и социального развития и государственном бюджете СССР на 1984 год». Докладчики Н.К. Байбаков, В.Ф. Гарбузов.

На Пленуме был роздан текст выступления Ю.В. Андропова.

В этом материале Ю.В. Андропов вновь, как и в своих выступлениях в июле, главное внимание уделил экономическим проблемам и повышению уровня организаторской ра-

боты.

Он писал: «Необходимо определить наиболее эффективные направления в развитии народного хозяйства, которые двигали бы экономику по интенсивному пути. Собственно, речь идет о научно-техническом прогрессе и разработке механизма управления экономикой на всех уровнях. При чем мероприятия по совершенствованию системы управления должны проводиться комплексно, только в этом случае можно наиболее полно использовать преимущества социализма. Должны быть определены четко функции, права и ответственность органов управления и предприятий. Повышена действенность экономических рычагов и стимулов хозяйственного механизма, включая ценообразование, кредитно-финансовую систему, методы оценки результатов хозяйственной деятельности».

Андропов вновь подчеркнул роль министерств, партийных комитетов в наведении порядка, дисциплины, личной ответственности каждого за конкретно порученное дело. Призвал, рассматривая и решая текущие задачи, серьезно заняться перспективными вопросами развития экономики, улучшения внутренних и внешних позиций нашего государства.

Думаю, что эти короткие тезисы Ю.В. Андропова на декабрьском (1983 г.) Пленуме ЦК дают ответ на вопрос о том, когда зарождались и начинали осуществляться в Союзе задачи ускорения экономических и социальных преобразований,

получившие затем название «перестройка». Именно в том понимании, в котором она осуществлялась в 1985–1987 гг.

27 декабря позвонил Ю.В. Андропову в ЦКБ. Поблагодарил за высокое доверие, избрание членом Политбюро. «Ну что ж, поздравляю. Я на тебя рассчитываю». Рассказал Юрию Владимировичу о Пленуме, о положительной реакции участников Пленума на его выступление, пожелал скорейшего выздоровления. «Спасибо, что позвонил, еще раз поздравляю тебя, всего доброго». Голос усталый, глухой, говорит трудно.

1984. Тормоз после небольшого разбега. Постепенное вхождение во власть

Год сложный, противоречивый. Нельзя сказать, что это был год стагнации. Нет. Данный Ю.В. Андроповым импульс в развитии экономики, в некоторой активизации общественной жизни еще сохранял ощутимую инерцию. На большинстве предприятий, строек, в сельском хозяйстве были серьезно восприняты заложенные в планах рубежи развития экономики. Разрабатывались и осуществлялись меры по улучшению качества продукции.

Некоторые партийные комитеты стремились повысить ответственность кадров, укрепить дисциплину и порядок. С помощью специалистов и ученых в ряде отраслей народного хозяйства ставились эксперименты по совершенствованию экономических отношений в производственной сфере.

Но должного напора, активности, инициативы в проведении этих и других прогрессивных мер не было. Центр, в сущности, слабо генерировал новые идеи, да и принятые ранее решения выпадали из-под контроля. Что, безусловно, чувствовали и мы. Ощущалось приближение каких-то перемен. Не могло долго сохраняться положение, когда руководство страной и партией находилось в больных, слабых, а потому

безвольных руках. Да и в окружении нового Генерального секретаря, которым в феврале 1984 г. стал К.У. Черненко, также находились люди, чей ресурс был исчерпан, они уже прошли, можно сказать, свой этап ротации.

Однако дело все же двигалось. Кривая экономического развития страны медленно, но повышалась. Чего не скажешь о кривой доверия к руководству. В самих структурах высшей власти, между отдельными членами руководства шло глухое, иногда прорывавшееся наружу соревнование за степень влияния на Генерального секретаря. Одни хотели таким образом удержать, сохранить свое положение, другие – боролись за власть.

9 января. По моей настойчивой просьбе Н.А. Тихонов собрал у себя совещание. Обсудили мою записку «Об использовании опыта югославской фирмы „Белград“ для агропромышленного комбината „Кубань“ в Краснодарском крае».

Цель – обеспечение высококачественными продуктами курортников Сочи. Суть проекта – объединение на добровольной основе в комбинат всех предприятий и хозяйств одного (Тимашовского) района, связанных с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции (колхозы, совхозы, молоко- и мясоперерабатывающие заводы, предприятия пищевой промышленности, строительные организации, транспорт, сфера обслуживания и т. д.). Сами производят, перерабатывают, упаковывают, доставляют и торгуют

ют продуктами. Обеспечивают общепит, санатории и рынок. Сами же формируют цены и распределяют прибыль.

Жаркие споры возникли вокруг капвложений на реконструкцию и строительство. Основные затраты Совмин РСФСР брал на себя, но нужна была инвалюта для приобретения технологии и оборудования, в основном для переработки сельскохозяйственного сырья. В итоге – поддержали, особенно Минфин – Гарбузов и сам Тихонов. Поручили Госплану и Минсельхозу СССР, Совмину РСФСР до 1 марта подготовить ТЭО для рассмотрения и положительного решения. Позже долго и многократно обсуждали наши расчеты (вновь у Тихонова – 28 апреля, в Госплане). В июне 1984 г. Политбюро ЦК одобрило наши предложения, а с 1985 г. «Кубань» начала работать. Уже в первый год эффект был налицо.

20 января. По телефону и лично пошли поздравления с днем рождения. Звонил М.С. Горбачев из Пицунды. Позвонил и Ю.В. Андропов – из ЦКБ. Пожелал успехов, плодотворной работы. Удивительно бодрый голос. Я спросил, как он себя чувствует. Ответил: «Настроение хорошее, но пока в больнице. Надеюсь на благополучный исход».

Прошло менее трех недель. **9 февраля**, в четверг, как обычно, в 11:00 было заседание Политбюро. Перед началом в Ореховой К.У. Черненко информировал членов Политбюро о резком ухудшении состояния здоровья Ю.В. Андропова. «Врачи делают все возможное. Но положение критиче-

ское». Что скажешь? Посидели. Помолчали. Прошли в зал. Начали рассматривать вопросы, включенные в повестку дня. Примерно к 14:00 заседание закончили.

В 18:00 снова вызвали в Кремль. Срочное заседание Политбюро. Черненко сообщил, что в 16:50 скончался Ю.В. Андропов. Образовали комиссию. Похороны – 14 февраля. Условились, кому подготовить некролог, сообщения для печати. Согласовали текст телеграммы в ЦК КП союзных республик, обкомы и крайкомы, совпослам.

Умер Юрий Владимирович Андропов. Мучительными были последние месяцы и дни его жизни. Лишь необыкновенно мужественный, волевой человек мог не только переносить эту нарастающую атаку болезни, но и трудиться. Он работал напряженно, ответственно и плодотворно. Решал текущие вопросы партийной и государственной жизни, заглядывал в дальнюю перспективу.

Я не претендую на то, что давно и хорошо знал Ю.В. Андропова. Первая наша встреча состоялась в 1969 г., когда Юрий Владимирович в течение нескольких дней находился в Куйбышевской области. Побывал на предприятиях, выступил на собрании актива. Однажды мы долго засиделись за ужином небольшой группой пять-шесть человек, о многом беседовали. Он оказался интересным рассказчиком и произвел на нас хорошее впечатление. Простой в обращении, без присущего некоторым его коллегам менторского тона, эру-

дированный, сдержанный, но в то же время и остроумный собеседник. Затем я наблюдал и имел деловые контакты с ним на заседаниях Политбюро в конце 70-х гг. Читал его статьи, слушал выступления. С 1982 г. установились деловые и довольно уважительные отношения, которые все более укреплялись... И вот такой трагический исход.

Безусловно, Ю.В. Андропов был незаурядной личностью. Крупный, умный политик широкого диапазона, неординарный организатор. Человек образованный, с разнообразным кругом интересов: экономика, политика, международное право, литература, искусство. Убежденный в правоте идеи социалистического переустройства общества, высокой порядочности и ответственности. Не скрывавший своих симпатий и антипатий. Он обладал, по моему восприятию, каким-то магнетическим влиянием. Внешне неторопливый, всегда собранный, заряженный на дело, он при беседе по-своему, по-андроповски внимательно, изучающе всматривался через толстые стекла очков в глаза собеседника. Взгляд у него особый, проникающий внутрь. Впечатление такое, что он знает о тебе все.

Можно по-разному относиться к его убеждениям, к его позиции по тому или иному вопросу. Но бесспорно мнение большинства тех, кто знал Юрия Владимировича: это человек, не словами, а делами подтверждающий свою приверженность идее, преданность народу. Такие вот воспоминания будит во мне образ Ю.В. Андропова. Может быть, я

субъективен, и мои оценки – результат его доброго отношения ко мне. Но бесспорно одно: страна, партия потеряли выдающегося лидера. Причем лишились его на очень важном и сложном этапе.

10 февраля. 12:00. Вызвали в Кремль. Заседание Политбюро. Информация К.У. Черненко. «Нам надо решить два вопроса: о Генеральном секретаре ЦК и о дате созыва Пленума ЦК».

Какие и с кем были беседы по кандидатуре Генсека, я не знаю. Но то, что были, – бесспорно. Никаких контактов с другими членами Политбюро или секретарями ЦК у меня по этому поводу не было. Конечно, и я, и другие товарищи понимали, что по традиции или, вернее, по фактическому положению вторым лицом в партии реально был К.У. Черненко. В то же время сознавали, что его возраст, состояние здоровья затрудняют, если не сказать больше, активную работу на высоком посту Генерального секретаря. Собственно, эти опасения потом и подтвердились. Политбюро при К.У. Черненко сбавило темпы.

Однако и альтернативы ему тогда, по сути, не было (Гришин, Кунаев, Устинов, Громыко, Тихонов, Соломенцев – всем было за семьдесят). Моложе – Горбачев, Романов. Надо честно признать, что в то время не было уверенности, что первые названные выше товарищи поддержат «молодых». Да и на Пленуме вряд ли они прошли бы. Хотя уже и тогда

Горбачев своей активностью, напором, умением налаживать контакты с людьми выделялся из всех. Нередко он вел заседания Секретариата, особенно в период болезни Ю.В. Андропова.

После К.У. Черненко сразу слово взял Н.А. Тихонов. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК К.У. Черненко. Обосновал свое мнение известными фактами о роли и месте Черненко в партии и стране. Затем выступили: А.А. Громько, Д.Ф. Устинов, В.В. Гришин и другие (долго или коротко, речью или одним словом, но все до одного члены Политбюро, кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК поддержали кандидатуру К.У. Черненко на пост Генерального секретаря ЦК КПСС).

Константин Устинович поблагодарил «за единодушную поддержку». Сказал полагающиеся в подобных случаях слова. Таким образом, вопрос был предрешен. Теперь слово за Пленумом, который решили провести 14 февраля в Свердловском зале Кремля. Обсудили порядок организации похорон Ю.В. Андропова, траурного митинга. Место захоронения – у Кремля.

11 февраля в 14:30 всем составом ЦК КПСС прощались с Ю.В. Андроповым в Доме Союзов, где был установлен гроб с его телом.

Стали прибывать иностранные делегации на похороны. Как обычно, членов Политбюро и секретарей ЦК закрепляют за делегациями компартий соцстран. Мне поручили быть

с делегациями ГДР и Кубы, которые возглавляли Эрих Хонеккер и Фидель Кастро.

Пленум ЦК состоялся 13 февраля, а не 14-го, как намечалось.

Открыл его К.У. Черненко и предоставил слово Н.А. Тихонову. Он от имени Политбюро предлагает кандидатуру К.У. Черненко на пост Генсека. Дает оценку деятельности Ю.В. Андропова, роли К.У. Черненко как соратника Л.И. Брежнева и Ю.В. Андропова. Других предложений нет.

На председательском месте М.С. Горбачев. Ставит на голосование. К.У. Черненко единодушно избирается Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Затем речь К.У. Черненко (примерно 25 минут). Он поблагодарил за высокое доверие. «Понимаю, какая сложная и важная предстоит работа. Заверяю ЦК, что буду проводить ту линию, которую вел Ю.В. Андропов». Характеризует активную деятельность Ю.В. Андропова, его вклад в развитие экономики, культуры, партийного строительства, внешней политики. Говорит о насущных задачах, о роли ЦК, о необходимости активной совместной работы. (Вопросов, реплик, выступлений не было.) В 11:50 Пленум завершил работу.

14 февраля. Траурный митинг на Красной площади. Похороны.

Вечером – беседа в резиденции Э. Хонеккера. Тема – что ожидает наши страны. Обстановка в мире. Проводы делегации СЕПГ в аэропорт.

16 февраля. Беседа в резиденции Ф. Кастро и проводы делегации Кубы в аэропорт. Настроение у Фиделя неважное. Обеспокоен. Больше молчит.

23 февраля. Заседание Политбюро. Ведет в должности Генерального секретаря ЦК КПСС К.У. Черненко. Тезисы его выступления:

«Первое заседание Политбюро после кончины Ю.В. Андропова. Информация с мест свидетельствует, что в стране и за рубежом по достоинству оценили деятельность Политбюро в эти дни. Наш святой долг – крепить единство. Успех зависит от дальнейшего укрепления руководящей роли партии. Вопросы партийного строительства, совершенствования стиля и методов руководства должны быть в центре внимания Политбюро.

Последнее время я стремился к тому, чтобы в поле зрения Политбюро находились наиболее важные и крупные вопросы. Уходить от мелочной опеки. Нужно разгрузить и Секретариат, передавать больше вопросов на решение секретарей и отделов ЦК. Повышать ответственность хозяйственных органов. Министерства нередко тащат на Политбюро вопросы, минуя Совмин. Часто судим о качестве работы по проценту выполнения плана, но не менее важно, какой ценой достигнут этот процент. Надо строже оценивать экономические итоги.

Решая текущие вопросы, нельзя упускать инициативу. Мы по существу вступили в период подготовки к XXVII

съезду. Что необходимо?

1. Значительно активизировать работу по разработке основных направлений на XII пятилетку и до 2000 г.

2. Подготовить предложения на перспективу. Этим должна заняться рабочая комиссия Политбюро под руководством Н.А. Тихонова. И в ближайшее время вынести на Политбюро вопрос об основных концепциях. Это связано и с разработкой Программы партии. Она в общих чертах готова.

3. Управление народным хозяйством. Есть соответствующие поручения. Идет поиск, эксперимент, организуются объединения и т. п. Всю эту работу надо завершить к 1985 г. Надо определить принципиальные пути комплексного управления народным хозяйством и на их основе внести предложения. Это дело Тихонова, Горбачева, Алиева, Рыжкова.

В целом жизнь будет вносить определенные поправки в деятельность Политбюро. Необходимо повышать уровень работы Верховного Совета СССР и местных Советов. Расширить практику отчетов на сессии подотчетных органов и т. д.

Больше уделять внимания контролю исполнения. Контроль должен быть взыскательным, глубоким. Подбор и воспитание кадров – центральное звено партийного руководства. Кадры обеспечивают проведение линии партии. Может, нужно специально рассмотреть вопрос о подготовке и воспитании кадров в целом. Следует заслушать на Политбю-

ро вопрос об укреплении трудовой и производственной дисциплины.

Июньский Пленум определил основные направления идеологической работы. Нужен дополнительный импульс. Разъяснять политику партии. Главное – привести в движение все творческие силы, инициативу масс.

Надо продолжать поиск путей повышения активности внешней политики. Отделам ЦК, МИД, Минобороны, КГБ, МВТ, ГКЭС разрабатывать и вносить предложения».

Вот в основном «программа» К.У. Черненко. Что здесь нового? Ничего.

В общих чертах идет перечисление всех основных направлений в работе. Сказано вроде бы все правильно, сделан определенный упор на повышение роли Совмина, совершенствование партийной работы и т. д. Обо всем этом говорено не раз. Речь Генсека не произвела на меня должного впечатления.

Затем он заговорил о распределении участков работы за секретарями ЦК. «Под свою опеку, – сказал Черненко, – я беру принципиальные вопросы внутренней и внешней политики, партийно-организационную работу, общий отдел и Управление делами, оборонные вопросы. За Горбачевым – сельскохозяйственное производство, отдел сельхозмашиностроения. Ведение Секретариата ЦК. И в отсутствие Генсека – заседания Политбюро».

Последнее предложение вызвало «движение» среди неко-

торых членов Политбюро. Подал реплику Н.А. Тихонов: «А правильно ли отраслевому секретарю, который занимается вопросами сельского хозяйства, поручать ведение Политбюро? Не приведет ли это к определенному перекосу при рассмотрении вопросов на Политбюро? И вообще, – продолжал он, – обязательно ли вести Политбюро секретарю ЦК, вот ведь В.И. Ленин вел заседания Политбюро, не будучи секретарем». Это был явный демарш против Горбачева. Определенные «междометия» в поддержку («вроде бы да», «стоит подумать» и т. п.) послышались у его соседей. Однако многие, в том числе Д.Ф. Устинов, более громко высказались вслух: «А почему сомнения? Какие основания? Практика прошлых составов, когда в отсутствие Генсека Политбюро вели Кириленко, Суслов. Зачем вспоминать времена Ленина? Тогда была иная структура, да и в ЦК-то было всего два десятка человек». Тихонов больше ничего не сказал. Горбачев промолчал. Никак не прореагировал и сам Константин Устинович. На этом обмен мнениями завершился. Позиция К.У. Черненко осталась неясной, или, так сказать, открытой. Формального решения не принималось. Но потом, когда возникла потребность, заседания Политбюро стал вести именно М.С. Горбачев. Хотя ему и пришлось побороться за это право.

Какова была истинная позиция К.У. Черненко, знал ли он о намерении Н.А. Тихонова высказаться, или, скорее всего, у последнего это был экспромт?

Через несколько дней у меня был разговор с М.С. Горбачевым. Он взволнованно ходил по кабинету и рассказывал о встрече с Черненко, обсуждении итогов Политбюро. «Я убеждал Константина Устиновича, что позиция Тихонова внесет разлад в Политбюро. Этого нельзя допустить. Что дело не в Горбачеве, а в принципе. Можно ли представить такое, что к председательству на Политбюро придет сегодня один, завтра другой и... Это же хаос. Разговор повлиял на Черненко, и он успокоил меня: позиция-де ясная, не переживай». Вот такой был курьез.

6 марта в беседе со мной Горбачев опять возмущался, что ситуация остается неясной. Ему хотелось, чтобы право вести Политбюро было закреплено за ним официально. Однако Черненко не возвращался больше к этому вопросу.

Тут уместно сказать о манере М.С. Горбачева вести «доверительный разговор». Создается полная иллюзия откровенности, настоящего товарищества, стремления посоветоваться, узнать мнение собеседника. Я долго находился в плену такого «товарищества». Верил в искренность отношения ко мне и отвечал взаимностью. Восхищался его способностью приблизить людей к себе, покорять своим обаянием. Лишь много позже, приблизительно с середины 1987 г., а особенно в 1988 г., понял, что это была лишь имитация, видимость товарищества, дружбы. Он действительно нуждался в совете, в мнении собеседника, но лишь настолько, насколько это позволяло «привязать» партнера к своей идее,

своей позиции. Причем манера формулировать свою точку зрения, выражать свои взгляды, да и просто информировать о чем-то была весьма своеобразной. Он говорил, не завершая мысль, как-то обрывочно, намеками и полунамеками, с подтекстом (мол, тебе и так все ясно). Такая манера всегда давала ему основание, с одной стороны, заполучить сторонника, заручиться поддержкой «общей точки зрения», а с другой – в случае необходимости можно было и заявить, что ты-де меня не так понял. В этом проявлялась суть его личности, характера. Всегдашняя готовность к маневру, к балансированию, к выбору решения в зависимости от ситуации. Он сам подчеркивал, да и другие считали, что Горбачев – мастер маневра, компромисса, что это неременное качество настоящего политика. Но такое «мастерство» Горбачева обернулось в конечном счете трагедией для нашей страны, советского народа. Увы, это была не политическая тактика, не маневрирование, оправданное и необходимое ради достижения определенной цели. Горбачев менял не только тактику, но и стратегию, менял убеждения, а заодно и соратников, товарищей. При этом не упускал и личных, корыстных интересов.

Вернемся, однако, к заседанию Политбюро 23 февраля.

А.А. Громыко рассказывал о беседах с рядом руководителей, участвовавших в похоронах Ю.В. Андропова. «Что следует отметить? О беседах с Бушем. Тон был мягкий, но по существу он ни на миллиметр не отошел от официальной политики США. Допусти к трибуне – он будет другой. Тэтчер –

старалась быть предупредительной, нажимала на необходимость контактов. Итальянец – сделал заявления даже чуть более благоприятные, чем Тэтчер».

4 марта. Выборы в Верховный Совет СССР. Я был избран депутатом по Россошанскому избирательному округу Воронежской области.

7 марта на Политбюро встал вопрос о подготовке Пленума по совершенствованию управления экономикой. Эту идею активно продвигал Горбачев. Однако Тихонов реагировал негативно, резко. Сказал, что «правительство не готово. Не надо нас подталкивать. Что это за манера – выносить предложения за спиной председателя Совмина...». Черненко замял разговор – «обсудим позже». Явно, что Тихонов возражал не по существу, а по форме – его задело, что инициатива исходила от Горбачева.

(Надо сказать, что Горбачев, Рыжков, Долгих по поручению Андропова в течение нескольких месяцев готовили, обсуждали с учеными, специалистами-экономистами, руководителями предприятий и хозяйств вопросы повышения эффективности экономики. Прорабатывали варианты, изучали зарубежный опыт. Так что основания для обсуждения этого вопроса были уже в 1983 г. Но и тогда, и сейчас «прорыв» не удался.)

12 марта зашел А.А. Мехренцев – председатель Свердловского облисполкома. Обеспокоен жестким нажимом со стороны Б.Н. Ельцина. Отношения у него с Борисом Нико-

лаевичем не складывались. Я не понимал почему. Мехренцев – крупный инженер, умелый организатор, был директором большого завода Минавиапрома. Видимо, Ельцин чувствовал в нем соперника. Позже я узнал, что Мехренцев к тому же тяжело болен. Очень страдал, лечился. Борис не мог не знать этого – и так давил на человека!

14 марта. Посетил мастерскую скульптора Л. Кербеля. Он автор скульптуры В.И. Ленина в Гаване. Смотрел его ансамбль для Октябрьской площади Москвы. Затем принял художника Илью Глазунова. Интересный, эмоциональный, эрудированный, талантливый, но чрезмерно импульсивный, ловкий человек. Беседовали о создании института живописи в РСФСР – «на классической, реалистической основе, на базе бывшего ВХУТЕМАСа». Я поддержал эту идею. Пришлось немало поработать, но в итоге такой институт, а вернее, Академия живописи была образована.

10 апреля. Пленум ЦК КПСС. Открыл К.У. Черненко.

1. По предложению М.С. Горбачева приняли решение – рекомендовать К.У. Черненко на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

2. По предложению К.У. Черненко – рекомендовать Председателем Совета Министров СССР Н.А. Тихонова, также приняли решение.

3. Предложения о составе правительства внес сам Н.А. Тихонов. Замечаний не последовало, так как изменений, в сущности, не было.

4. Об основных направлениях реформы школы. Доклад М.В. Зимянина. Общие благие призывы, что надо усилить, углубить, еще более внимательно, заботливо и... (К этой теме потом пришлось возвращаться не раз.)

Выступило всего 6 человек. Затем с большой речью – К.У. Черненко. Не осталась она у меня в памяти. И не записывал, как обычно. Приняли соответствующее постановление. Пленум прошел тускло.

12 апреля посетили Академию наук. На днях скончался выдающийся ученый, своего рода совесть советской науки академик П.Л. Капица. В здании Президиума Академии – гражданская панихида. Попрощались и мы с Петром Леонидовичем. Расписались в траурной книге. Было много народу, в основном друзей и коллег покойного. Он оставил о себе добрую память как выдающийся ученый и обаятельный, принципиальный, честный человек.

19 апреля. 15:00. Совмин Союза – у Н.А. Тихонова. Обязательная беседа по проблемам России. Рассмотрел мою записку. В ней шла речь об укреплении базы Роспотребсоюза, о газификации сельских районов РСФСР, организации управления строительством в республике, о необходимости расширения суверенных прав Российской Федерации. Я излагал обоснование просьб, он слушал, задавал вопросы. Но я чувствовал, что его мысли где-то далеко. Согласился рассмотреть наши предложения. Эффект такой беседы был незначительным.

10 мая. Вечером в Грановитой палате БКД обед в честь короля Испании Хуана Карлоса I и королевы Софьи. Приветливая и симпатичная монаршая пара. Гости ожидали нас во Владимирском зале. Взаимные приветствия, и вместе прошли в Грановитую. Беседа за обедом шла вяло. Потом обмен речами. К.У. Черненко говорит с натугой, неразборчиво.

14 мая я вылетел в Ростов-на-Дону. Решили на машинах проехать по области, затем Краснодарский край, Ставрополье и перелет в Калмыкию. Цель – осмотреть состояние посевов и определить со специалистами прогнозы на урожай сельскохозяйственных культур.

В Ростове посетил «Ростсельмаш». Обсуждение хода реконструкции завода и производства комбайна «Дон-1500» и «Дон-1200». В этот и следующий день – по области: хозяйства Мясниковского, Неклиновского, Кагальнического, Зерноградского, Егорлыцкого и Песчанокского районов.

Затем по территории Краснодарского края: осмотр полей Белоглинского и Новопокровского районов. Переночевали в Тихорецке и **16 мая** продолжили путь: Кавказский, Тихорецкий, Новокубанский районы. Везде разговоры с руководителями и специалистами хозяйств, механизаторами.

Во второй половине дня переезд в Новоалександровский район Ставропольского края и через Изобильненский район – в город Ставрополь.

17 мая. На заводе «Автоприцеп». Осмотр цехов. В НИИ сельского хозяйства – беседа с учеными и специалистами ин-

ститута. Смотрели опытные посевы зерновых и других культур. Встреча с активом в крайкоме КПСС. По городу: посещение магазинов, жилых микрорайонов. Беседы с населением.

18 мая. Вылетели вертолетом в Петровский, затем в Ипатьевский районы. Госплемзавод «Большевик» – основан в 1921 г. Отары племенного скота. В 16:00 перелет в Калмыцкую АССР. Осмотр с вертолета необъятных полей. Степь сухая. Оазисы там, где орошаемые участки. Проехали на машинах поля Яшалтинского, Приютнинского районов. Поздно вечером были в Элисте.

19 мая. Посетили Яшкульский, Целинный, Черноземельный районы. Знаменитые Черные земли. Отгонные пастбища, орошаемые участки, фермы откорма крупного рогатого скота, племенные отары овец. Полевой стан на Черных землях. Беседа с чабанами, овцеводами. Пески, пески кругом наступают. Вечером в обкоме партии собрание актива. И отлет в Москву.

21 мая. ЦК КПСС. У К.У. Черненко. Рассказал о впечатлениях от поездки по Северному Кавказу и Калмыкии. Отметил, что состояние посевов неплохое. Проблемы: удобрения, техника, орошение. Нужно активнее внедрять передовые методы организации труда в сельском хозяйстве. Освоение комбайна «Дон» идет трудно. Настроение людей в основном хорошее. Главные проблемы: жилье, качество товаров. Он выслушал: «Хорошо. Давай, обсуди с Горбачевым».

Зашел к М.С. Горбачеву. Тоже информировал его о результатах поездки. Михаил Сергеевич поделился проблемами организации работы Секретариата и Политбюро. «Некоторые секретари ЦК ведут себя пассивно. Сложные и острые вопросы на обсуждение не вносят. Руководство отделами ЦК работает формально – на бумагу, а не на дело. Есть и противостояние отделов ЦК с министерствами, а кое-где сращивание – поддерживают друг друга». Я высказал мнение, что не надо Секретариату брать на себя хозяйственные вопросы. Тем самым мы даем повод для критики со стороны Совмина. Он возразил: «А что же делать, когда видишь недостатки, упущения, а Совмин бездействует?»

23 мая. Заседание Политбюро. Вел К.У. Черненко.

«О комплексной программе мелиоративного строительства в 1986–1990 годах». Обсуждение касалось только принципиального подхода, как вести дело на перспективу. Решили вынести на рассмотрение Пленума ЦК.

Об итогах визитов членов Политбюро за рубеж и переговоров.

Шла речь о том, что на Западе и в США активно эксплуатируют тему о нарушениях прав человека у нас. Этими вопросами у них занимаются ряд институтов, фондов и т. п. Мы же не имеем никакого фактического анализа о положении дел ни у нас, ни у них. Нет ни одного научного учреждения по этой проблеме. Отбиваемся общими словами. В то время как в США, так и в других капиталистических странах

нарушения прав человека носят вопиющий характер. Поручили отделам ЦК внести предложения.

В этот же день в Кремле состоялось подписание документов о сотрудничестве СССР с КНДР. Подписали К.У. Черненко и Ким Ир Сен. Затем обед в Грановитой палате в честь Ким Ир Сена. Состояние К.У. Черненко неважное. Видимо, нагрузка оказывается непосильной. Явно сдал еще. Опять из комнаты Политбюро в БКД до Владимирского зала шли с перерывом (он сел и отдохнул). Беседу ведет трудно. Быстро устает. Выручал Горбачев, по-моему с удовольствием встречаемая в беседу. В основном разговор поддерживал А.А. Громыко. Несколько реплик подал Н.А. Тихонов.

Когда окончился обед, возвратились в комнату Политбюро. К.У. Черненко говорит: «Вот, устал. Втягиваете вы меня во всякие мероприятия. Надо как-то сокращать их». Встал, несколько шагов до лифта его поддерживали прикрепленные из охраны. После – Тихонов и Громыко, проявляя заботу, стали убеждать членов Политбюро, что, действительно, надо беречь Константина Устиновича, ему нельзя давать такую нагрузку и т. п. Что можно было сказать в ответ? Такая ведь работа у Генерального секретаря. И так встречи и беседы сокращены до минимума. Он никуда не ездит, даже по стране, по Москве.

Через несколько дней в Ореховой К.У. Черненко поднял вопрос о том, как упростить протокол встреч и проводов иностранных делегаций, чтобы делать это в дворике Крем-

ля или на Ивановской площади. Поручили подумать, как сочетать торжественность встреч и простоту. В то время К.У. Черненко встречал гостей внутри ограды БКД, а затем гости шли налево в резиденцию, а он – направо в боковую дверь и лифтом на 2-й этаж. На Западе появились фото со спины. Черненко, поддерживаемый под руки двумя прикрепленными, направляется к двери. Лишь позже Горбачев придумал ритуал встречи в Георгиевском зале БКД.

31 мая. Политбюро ЦК. Перед началом в Ореховой комнате.

К.У. Черненко информировал: «Уже который раз В.М. Молотов обращается с письмом, просит восстановить его в партии. Раньше ему отказывали. Как будем сейчас? Может...» И замолчал, вопросительно обводя нас взглядом. Заговорил первым А.А. Громыко. Как всегда спокойно, раздумчиво, как бы рассуждая вслух. «Надо обдумать. Надо решать. Или – или». Вспомнил вклад В.М. Молотова в послевоенные мирные усилия. Рассказал о впечатлении от встреч с ним. «Он умел увидеть корень проблем. Был тверд и принципиален. Последнее время Сталина возмущало упрямство Вячеслава Михайловича, но это было необъективно». Затем несколько положительных слов сказал Д.Ф. Устинов, его поддержал Г.А. Алиев. Основной тезис в его пользу – после известных событий 1957 г. Молотов вел себя правильно. Ничем, ни словом, ни действием, не опорочил страну и партию. В личном плане ведет себя более чем скромно.

Остальные: кто молчит, кто-то что-то хмыкнул. Черненко: «Ну что? Договорились? Вроде – договорились. Хорошо». Затем на Политбюро подтвердили – восстановить В.М. Молотова в КПСС.

2 июня. Разговор с М.С. Горбачевым. Он считает необходимым укрепить в ЦК руководство строительством и транспортом. «Может, иметь секретаря ЦК, как обычно, в крупных областях?» Конкретно никаких фамилий не называл. (Идею эту он реализовал в 1985 г. – пригласил Б.Н. Ельцина.) Повел разговор о секретарях – неодобрительно отозвался о В.И. Долгих. Поставил ему в вину, что тот поддерживает постоянные контакты с Тихоновым и его замами. Я возразил: «Зря ты на него катишь бочку!» Он: «Ты всего не знаешь!» Затем рассуждали о проблемах села. Оба согласны, что именно здесь нужно сконцентрировать усилия руководства страны и народа.

12 июня. Открылось экономическое совещание стран СЭВ. Я не участвовал в его работе. Был лишь 14 июня на заключительном заседании, при подписании документов. Коротко поговорили с представителем Кубы – Карлосом Р. Родригесом. Однако будучи прикрепленным к делегации Румынии, встречал ее 11 июня, во главе с Н. Чаушеску. Был на обеде в резиденции Н. Чаушеску 13 июня вместе с Рыжковым и Талызиным. Чаушеску угощал привезенными продуктами, хвалил румынскую кухню, вина.

20 июня. Расширенное заседание Совета Министров

РСФСР.

«О задачах советских и хозяйственных органов республики в связи с разработкой основных направлений развития страны на 12-ю пятилетку и до 2000 г. и об итогах работы за пять месяцев 1984 г.». Я выступил с докладом. О концепции – общие установки. О делах насущных – подробный, обстоятельный разбор.

Активное обсуждение. Участвовал в работе Совмина и М.С. Горбачев, выступивший в конце заседания с большой речью. Он изложил некоторые идеи экономического характера, подчеркнул отставание СССР от мировых экономических процессов, особенно по показателям затрат труда, материало- и энергоемкости, передовой техники, производительности труда. О необходимости коренных изменений в управлении сельским хозяйством, внедрении прогрессивных технологий в растениеводстве и другие вопросы.

21 июня. В БКД был обед в честь президента Франции Ф. Миттерана. Он находился с официальным визитом в СССР. Опять К.У. Черненко был в заторможенном состоянии. Явно нездоров. Почти не участвовал в беседе, только «да, да». Всю нагрузку взял на себя Горбачев. Был активным, успешно «занимал» Миттерана, а также мининдел Шейсона. Вел себя непринужденно, проявляя эрудицию, улыбка не сходила с его лица. Иногда в разговор вступали Громыко и Тихонов. Я сидел рядом с Эдгаром Фором – лидером оппозиции, бывшим премьер-министром. Изредка перебрасывался

с ним фразами с помощью переводчика.

22, 23 и 24 июня находился в Татарской АССР.

Из аэропорта в Казани сразу поехали в пригородные районы. Посетили птицефабрику, осмотрели посевы на полях, беседовали с руководителями хозяйств, рабочими. Затем на авиационном заводе имени Горбунова, знакомом мне еще с 1947 г. Производство современных самолетов – Ту-22М и Ту-160. Беседа у директора Копылова. В Казани побывали в продовольственных магазинах, на рынке. Затем в Госуниверситете. Беседа со студентами.

Вечером торжественное заседание в оперном театре. Вручил городу Казани орден Ленина.

24 июня вылетели в Набережные Челны. Несколько часов провели на КамАЗе. Цех цветного литья, кузнечный. Сборочный завод. Образцы новых типов машин. Беседы с руководством завода, рабочими. Затем посетили пригородные совхозы. Состояние посевов хорошее. Особенно картофель.

Во второй половине дня – перелет в город Нижнекамск. Посещение нефтехимкомбината – комплекс заводов. Генеральный директор Н.В. Лемаев. Огромное предприятие. Это, собственно, основа города. Осмотр цехов и производств. Затем – пионерский лагерь, заводской оздоровительный комбинат. Поздно вечером вылетели в г. Ульяновск.

25 мая. Поездка по районам Ульяновской области. Побывали в ряде хозяйств, на опытной станции. Беседы с учеными и специалистами.

Переехали Волгу – Ульяновский авиационный комплекс. Был и министр – И.С. Силаев. Громаднейший завод. Идет строительство и уже освоение производства самолета-гиганта Ан-124. Потом в жилой район завода. Отстает строительство домов, сферы обслуживания. Справедливое возмущение населения. Разговоры острые, вплоть до того, что разделить Ульяновск на два города. Левый берег живет своей жизнью.

Вечером в обкоме КПСС серьезное обсуждение проблем УПАК. Определили местные меры. Договорились вернуться к проблемам города в Москве. Посещение мемориала В.И. Ленина и отлет в Москву.

10 июля. Секретариат ЦК. Вел М.С. Горбачев.

Отчет ЦК КП Эстонии об идеологической работе среди руководящих кадров. Уже тогда ясно проявлялись националистические тенденции в Эстонии. Руководство КПЗ (К. Вайно) стремилось противостоять им, за что подвергалось массированному давлению «патриотов». Но вопрос прошел на Секретариате достаточно спокойно. Авось все уляжется.

11 июля. Принял по его просьбе крупного бизнесмена и политического деятеля Японии г-на Цуцуми. Беседа с ним была откровенной и острой. Мой собеседник, оставаясь весьма невозмутимым, настойчиво продвигал территориальную тему. Я сначала старался уйти от этой проблемы, изменить направление беседы. Вижу, японец продолжает настаивать. Тогда сам занял наступательную позицию:

«Вы говорите, что эта проблема нервирует японский народ. А советский народ нервируют американские военные базы в Японии, милитаризация страны. Нельзя согласиться с проводимой вашим руководством политикой нагнетания напряженности, воспитания народа в духе непримиримости. Ставить нам ультимативные требования. Все время твердить, что „русские плохие, они отняли у нас территорию“. На это мы вправе отвечать, что японцы плохие, хотят отнять исконно русские земли. Мы за них заплатили кровью. Так действовать – успеха не будет. Вот в чем вопрос. Давайте не ставить условий. Надо налаживать сотрудничество, добрососедские отношения. Вы вправе излагать и затрагивать любые вопросы, но априори ставить условия – нет. Территориальная проблема – это сложный вопрос. Не мы его придумали. Он имеет историческую и юридическую основу. Надо подходить к проблеме начиная с 1855 г., затем 1904, 1956, 1960 и т. д., суммируя все этапы. А если говорить о нынешней ситуации, то как понимать бесконечные военные учения, маневры близ границ СССР? Это ведь тоже волнует советских людей. Так что, уважаемый г-н Цуцуми, давайте изменим тему». Он спокойно выслушал мои слова, улыбнулся. Встречу закончили нормально.

В этот же день попросил меня о беседе Л.М. Леонов. Я сразу принял его. Леонид Максимович Леонов – выдающийся русский писатель пришел вместе с известным историком Борисом Александровичем Рыбаковым. Они подняли

вопросы сохранности и восстановления памятников истории и архитектуры России. Говорили о необоснованном сносе, переименовании улиц и др. О прошлом Руси, об искусстве. Говорили долго, обстоятельно. Я заверил их, что целиком поддерживаю сказанное. Рассказал о проблемах, которые решает правительство РСФСР. Вместе сожалели, как бездумно в прошлом отнеслись к национальному наследию. Л.М. Леонов рассказал, что продолжает писать – «книга большая, сложная. Беда в том, что часто подрывает здоровье». Вспомнил несколько любопытных встреч с М. Горьким, И. Сталиным. Сказал, что «о многом мог бы рассказать. Надо найти время для свободной беседы». Меня, конечно, это заинтересовало. Но, к сожалению, такая встреча не состоялась.

19 июля. М.С. Горбачев впервые вел заседание Политбюро.

(К.У. Черненко в отпуске.) Поначалу робко, как-то неуверенно.

Все вопрошает к «старикам» – их мнение. Явно подчеркивает свой демократизм, коллегиальность. Формулировки выводов, итогов расплывчатые, с оглядкой. Вот так начинал. Мало говорил – больше слушал. А потом...

20 июля. ЦК КПСС. Комиссия по АПК у М.С. Горбачева. После заседания беседа с Горбачевым. Он повел разговор о подготовке Политбюро или Пленума ЦК по проекту плана на 1985 г. «Очень важно, чтобы там нашли отражение новые экономические подходы, надо сломать рутину централиза-

ции, опираться на современную науку и т. п.». Я согласился. Затем, как всегда, завел речь о сельском хозяйстве. «Нужны кардинальные меры, коренная реорганизация структуры. Возрождение чувства крестьянина. У меня есть выношенные предложения. Как их осуществить?» Потом о внешнеэкономической деятельности. «Дело идет вяло, по инерции. Медлим. Надо повышать активность МИД и Совмина, а также ЦК. Упускаем инициативу. Равнодушное отношение к соцстранам, они потихоньку переориентируются на Запад. Нам дают то, что не берут капиталисты. А из нас качают самое ценное – сырье». Как можно было тогда не поддержать его?

3 и 4 августа провел в Оренбургской области.

Уборка зерновых в Красногвардейском, Соль-Илецком, Сарматском и Акбулатском районах. Поля бескрайние. Состояние посевов неплохое. Уборка идет споро, погода благоприятствует. Беседа с известным в стране комбайнером В.М. Чердинцевым в поле. Работает на новом комбайне «Дон-1200», впечатления неоднозначны. Одно хвалит, другое критикует. Нужно время для освоения.

Затем газобензиновый завод. Проблемы этого крупного комплекса. Беседы с руководителями завода и специалистами. Вечером обсудили итоги поездки в Оренбургском обкоме КПСС.

5 августа. Вылетел в Алтайский край. Приземлились в г. Славгороде – центре степной Кулунды. Поехали по райо-

ну. Огромные, необъятные хлебные поля. Колхоз имени К. Маркса. Образцовое хозяйство. Побывали в семье молодого механизатора. По пути в Барнаул побывали в других районах. Весь день в поле, на фермах, в хозяйствах.

6 августа вылетели в южные, предгорные районы Горно-Алтайской АО. Пошел дождь. Осмотрели несколько полей. Уборка из-за непогоды остановилась. Заехали в Белокуриху, знаменитый в Сибири курорт. Ознакомились с его работой. Беседовал с отдыхающими. Эффект лечения высокий. Не могут принять всех желающих.

Возвратились в Барнаул. Осмотрели новые жилые микрорайоны, магазины. Вечером принял участие в собрании актива Алтайского края.

22:30. Вылетел в Башкирскую АССР. Следующий день в Уфе. Посетил нефтеперерабатывающий завод имени XXII съезда, моторостроительный завод Минавиапрома. Городские новостройки. Поехали на село – Мелеузский район: колхоз «Прибельский», сахарный завод, коневодческое хозяйство.

8 августа. Вертолетом вылетели в Юнатово. Из-за тумана не смогли приземлиться. Решили перелететь в Дюртюлинский район. Неудачная посадка в тумане. Машина несколько раз прицеливалась, ударилась о землю. Подлом хвоста. Вертолет рухнул на вспаханное поле, что спасло от взрыва, и завертелся волчком. Нас – человек девять – разбросало в кабине кого куда. После торможения заклинило выходные лю-

ки. Кое-как выбрались через фонарь пилотской кабины. Все получили травмы, несколько человек серьезные. Я отделался ранением ног и синяками. Врач сделал нам перевязки. Подоспел транспорт, и вывезли троих пострадавших в больницу райцентра. А мы с Шакировым и другими на двух машинах возвратились в Уфу. Сразу вылетел в Москву и в клинику на улице Мичурина. Позвонил Горбачев, узнав об аварии, справлялся, как самочувствие, – все более или менее нормально. Пробыл в больнице четыре дня.

21 августа. Вылетел в Румынию во главе партийно-государственной делегации на празднование 40-летия освобождения Румынии.

18:00. Беседа один на один у Н. Чаушеску. Он официален, вежлив, полон достоинства. Разговор об обстановке в стране. Рассказал, что РКП активно ведет подготовку к съезду: «Дела в Румынии идут хорошо». Я передал привет от К.У. Черненко. Коротко объяснил ситуацию в Союзе. Ответил на вопросы, касающиеся РСФСР. Вся беседа длилась 30 минут.

22 августа. Осмотр города, его достопримечательностей.

16:00. Торжественное заседание ЦК РКП и Национального совета. Доклад Чаушеску. Выспренние выступления. Бесконечные аплодисменты, скандирование – хвала Чаушеску и т. п. Короткие беседы в кулуарах с Э. Хонеккером, И. Кемпны, С. Тодоровым.

23 августа. Парад войск и многочисленная демонстрация. Бесконечное скандирование лозунгов, шум оркестра.

Все это – четыре с лишним часа.

Вечером в совпосольстве. Беседа с Я. Арафатом по его просьбе. Хочет встречи с руководством в Москве, объяснил ситуацию на Ближнем Востоке, в Палестинском движении. Я обещал передать его просьбу Черненко. Встреча с П. Миретом (Куба). Доверительный разговор с посланцем Е.М. Тяжельниковым.

Вечером прием от имени Н. Чаушеску. Он подчеркнуто внимателен. Вошел в зал, слева поддерживая под локоть меня, а справа – главу делегации Китая. 24-го – выступление перед дипсоставом посольства и отлет.

30 августа. Политбюро. Вел заседание М.С. Горбачев.

Перед началом в Ореховой Горбачев повел разговор о приближающемся 73-летию К.У. Черненко и награждении его. Накануне, рассуждая, что дата не круглая, решили ограничиться орденом Ленина. Но встал вопрос, как отнесется к этому сам Константин Устинович. Поручили Горбачеву переговорить с именинником. И вот сейчас он говорит: «Подходил к этому вопросу издалека, прямо не назвал, что имеется в виду, попытался сделать так, чтобы Черненко сам понял. Но собеседник говорит: „Как вы решите – восприму с удовлетворением“». Горбачев сделал вывод, что тот имеет в виду третью Золотую Звезду Героя Соцтруда. Во всяком случае, Горбачев склонился к тому, чтобы «не обижать Генсека». Как шел у них разговор на самом деле – неизвестно. Но согласились с мнением Горбачева.

1 сентября. Был у М.С. Горбачева.

Михаил Сергеевич рассказал, что Д.Ф. Устинов на Совете обороны внес предложение об образовании групп военных округов по направлениям (Западное, Закавказское, Среднеазиатское и др.). Речь шла и о назначениях. В частности, Дмитрий Федорович предложил переместить начальника Генштаба Н.В. Огаркова на Западное направление. Я несказанно удивился. Почему? Горбачев ответил, что не знает. Видимо, возникли разногласия.

В тот же день мне позвонил Н.В. Огарков. Он только что вернулся из отпуска. Встревожен. Говорит, что ему предложили другую работу. Просит встретиться. Я сказал, что сегодня узнал эту «новость» от Горбачева. О встрече. Давайте сначала проясним ситуацию. Николай Васильевич согласен.

4 сентября вечером он вновь позвонил мне. Не вдаваясь в подробности, коротко сказал: «С Д.Ф. Устиновым у меня разлад, видимо, я упрям. Хотел бы встретиться с К.У. Черненко и М.С. Горбачевым». Я сказал, что поговорю с ними, а 13-го жду его у себя в Совмине.

13 сентября. Заседание Политбюро ЦК.

В Ореховой перед заседанием К.У. Черненко информировал о просьбе С.И. Аллилуевой помочь ей возвратиться с дочерьми в Союз. Зачитал ее письмо. В нем – тоска по родным местам. Сказывается и возраст. Пишет, что надо определить наконец пристанище, сколько можно менять материки и страны. Взрослеет дочь, она не знает своего народа. По-

пробую прижиться в Москве. Тянет и в Грузию, на землю отца. Пишет из Англии. (Договорились отнестись к просьбе положительно. Назначить пенсию, дать квартиру, если пожелает, и работу. Поручить Шеварднадзе взять под опеку.)

Вечером 13-го принял Н.В. Огаркова. Состоялся обстоятельный разговор о предстоящем его перемещении с поста начальника Генерального штаба Вооруженных Сил. По его мнению, главная причина – разногласия с Д.Ф. Устиновым по ряду проблем военного строительства. Вопросы здесь возникли давно. Упрямство и авторитет Н.В. Огаркова, видимо, раздражали Д.Ф. Устинова. «В Генштабе многие смотрят в рот министру, – говорил Николай Васильевич. – Я не могу так. Не знаю, что делать. Перемещение преподносят как укрепление важнейшего направления – западного».

С Н.В. Огарковым мы знакомы с середины 60-х гг. по Куйбышеву. Он тогда был командующим ПриВО, членом бюро обкома партии. Человек незаурядный, эрудит, настоящий профессионал, получивший высшее инженерное и военное образование, участник Великой Отечественной войны, он заметно выделялся среди своих военных коллег. У нас сложились добрые, товарищеские отношения, которые мы поддерживали и в последующие годы. В период работы послом на Кубе я, бывая в Москве, несколько раз заходил к нему, как к начальнику Генштаба, и к министру обороны Д.Ф. Устинову по делам нашей учебной бригады, находившейся на Кубе. Так что отношения у нас не прерывались.

Мне запомнилось, как во время одной из бесед в его московском кабинете позвонил С.Ф. Ахромеев. И он, отвлекшись от беседы, несколько минут говорил, а вернее, слушал Сергея Федоровича. По репликам я понял, что речь шла об Афганистане. Согласившись с какими-то предложениями, он, вернувшись к столу, обронил: «Вот. Докладывал Ахромеев. Опять неприятности. Увязли мы в этой чертовой войне. Ну ладно. Вернемся к кубинским делам».

Его приезд ко мне в Совет Министров РСФСР был, по моему, продиктован желанием посоветоваться с товарищем, которому он доверял, по мучившим проблемам и в то же время обратиться к лицу, входящему в состав высшего партийного органа. Человек дисциплинированный, верный военному долгу, всегда неизменно ровный, сдержанный в общении, сейчас он был взволнован, обеспокоен. Причем не столько тем, что его, собственно, снимают с высокого поста, а тем, что служило поводом для этого. Николай Васильевич стал говорить, что столкновений по принципиальным вопросам строительства Советской Армии, некоторым новациям у него с министром Д.Ф. Устиновым было немало. Воспринимая и уважая Дмитрия Федоровича, как выдающегося специалиста и организатора оборонной промышленности (к которой тот продолжал тяготеть и будучи министром обороны), он не мог согласиться с некоторыми решениями Д.Ф. Устинова, касающимися военного строительства, тактики и других вопросов. Н.В. Огарков попросил содействия

для встречи с К.У. Черненко или М.С. Горбачевым. Я сказал, что имел разговор с Горбачевым, поговорю еще. Что касается К.У. Черненко, то, зная отношения последнего с Д.Ф. Устиновым, не вижу в этом смысла.

На другой день я еще раз поговорил с Михаилом Сергеевичем. Тот согласился принять Огаркова, хотя без особой охоты, мол, «решение уже состоялось, что можно сделать». Я убедил его, что дело не в переводе Огаркова, а в обстановке в Минобороны, именно это волнует его. Накоротке я высказал свое мнение и Н.А. Тихонову.

М.С. Горбачев встретился с Н.В. Огарковым через несколько дней. Была беседа. Содержание ее мне неизвестно. Несколько позже, по-моему в ноябре, Н.В. Огарков, будучи в Москве, поделился впечатлениями от новых органов – Главных направлений в Вооруженных Силах. И тогда состоялся обстоятельный разговор. Что сохранилось у меня в пометках и в памяти?

«Создание Главкомнаправлений может быть делом полезным – но не в таком виде, как получается сейчас. Этот орган по сути полулегальный. Он бесправен. Все в руках округа, главкомов родов войск. Поучается, что главком направления – это „свадебный генерал“. С положением, но без прав. Ему необходимы правовой ранг заместителя министра и определенные правовые рамки по координации войск, действующих на данном направлении.

Сейчас идет непонятная реорганизация. Из армий изы-

маются средства ПВО. Зачем? Нужен упор на централизацию руководства по линии соприкосновения, а ныне – растопырка. Войска перенасыщены ядерными установками поля боя. Много на переднем крае отсталой техники – наземной и авиационной. Заказы промышленности оформляются главкомками родов войск помимо Генштаба. Они стремятся во что бы то ни стало использовать выделенные средства, чтобы сохранить базу капвложений, и нередко заказывают промышленности устаревшую технику. Немало средств затрачено на „престижные“ программы, как, например, ракетные установки на железнодорожных платформах.

Есть факты, когда западники подбрасывают дезинформацию в расчете спровоцировать нас на дополнительные экономические затраты. А мы попадаемся на удочку, бросаемся вдогонку.

ВПК – монополия Д.Ф. Устинова. ЦК КПСС чрезмерно передоверил все ему, фактически объединив в одних руках Минобороны и ВПК. Совет обороны работает формально.

Нужна социальная защита и большая забота об офицерском корпусе и солдатах. Материальные и бытовые условия службы очень трудные».

Вот о чем, помнится, шла у нас речь. Характерно, что в 1985 г. Горбачев, информируя членов Политбюро о серьезных недостатках в работе Совета обороны, Министерства обороны, говорил примерно то же самое.

Вернемся теперь к дневниковым записям.

20 сентября. Политбюро ЦК. Вел К.У. Черненко.

В Ореховой, до заседания, Н.А. Тихонов заговорил о Н.В. Огаркове: «Может быть, не трогать его?» Высказались в поддержку и мы с Горбачевым. Черненко вопросительно смотрел на Устинова. Тот сказал: «Нет, в Генштабе необходимо оздоровить обстановку. Потом, ведь Огаркову доверено большое дело – Западное направление. Там нужен именно такой опытный, эрудированный военачальник». Вот так было дело.

После Политбюро я позвонил Н.В. Огаркову. Сказал о разговоре. «Да, – ответил он, – я понимаю, поезд уже ушел. Завтра отбываю к новому месту службы». Попросил содействия, чтобы была опубликована его статья в журнале «Коммунист». Что и было сделано.

4 октября. Заседание Политбюро. Вел К.У. Черненко.

О завершении строительства железнодорожного полотна на БАМе и открытии движения. Руководители БАМ-строя доложили, что при прокладке протяженного Северомуйского тоннеля проявились серьезные трудности – массивы скальных пород, пльвуны, подземные воды. Сооружение пути затягивается на многие месяцы, а то и на годы. Нужно строить обходной путь с небольшим уклоном. Обсуждали долго, возмущались – как же так проектировали трассу? Почему она проходит через самую сложную, к тому же сейсмически неустойчивую зону? Ничего толком никто не смог ответить (иных уж нет, а те – далече). Согласились с времен-

ным вариантом пути.

Об итогах переговоров и встреч в Нью-Йорке на сессии ГА ООН и в Вашингтоне А.А. Громыко.

Тезисы информации А.А. Громыко: «Выход Рейгана в зал заседаний Генеральной Ассамблеи был ими „обставлен“, но... жидкие аплодисменты. Встали? Нет! А когда слово дали представителю СССР Громыко, то и аплодисменты, и все встали! Да! Это был сюрприз.

Общее впечатление от сессии. В политике нет подвижки ни по одной проблеме – таков вывод от бесед. Представители социалистических стран активно разоблачали словоблудие западников. Но вывод – лучше вести диалог, а не конфронтацию. Это наше общее мнение. Ассамблея проявила политическую зрелость, понимание нашей позиции. И неудовлетворение выступлением Р. Рейгана и позицией США. Наше выступление было принципиальное, твердое, с конструктивными предложениями. Стали сопоставлять оба выступления: одно – слова, слова и ничего в политике, другое – конкретная, деловая программа.

В позиции КНР пока никакого сдвига нет. Негативное отношение к СРВ и ДРК. Состоялись встречи и беседы с Геншером, Андреотти, Шейсоном, Шамиром, Абэ. Обмен мнениями со всеми, конечно, нужен. Но эффект минимальный. Впечатление от беседы с Р. Рейганом. Человек общительный, льстивый, мастер на анекдоты. Но в политике ортодокс. Последовательно ведет линию свою, сдвига никакого. Все

читал по бумаге. Доводы собеседника – мимо ушей. Смешал в кучу все проблемы. Невпопад цитировал Ленина, Мануильского. Вывод. Пребывание на сессии ГА ООН и встречи были полезны». Одобрили информацию А.А. Громыко.

23 октября. Состоялся Пленум ЦК КПСС.

Повестка: «О долговременной программе мелиорации, повышении эффективности использования мелиорированных земель в целях устойчивого наращивания продовольственного фонда страны».

Я выше уже говорил о предыстории этой проблемы. После прошлых дебатов в мае этого года на Политбюро было решено внести вопрос на рассмотрение Пленума. Стали готовить материал, и в июне Политбюро по предложению Горбачева поручило выступить на Пленуме с докладом Н.А. Тихонову.

Пленум открыл короткой речью К.У. Черненко.

Доклад Н.А. Тихонов сделал без подъема, читал текст не отрываясь. Было ясно, что для него проблема мелиорации и переброски стока рек на юг нова. Основной упор в докладе был сделан на повышение эффективности использования мелиорированных земель.

В то же время Тихонов доложил о плане сооружения нескольких крупных каналов. «В 1986–1990 гг. предусматривается завершить строительство объектов первого этапа переброски части стока северных рек и озер в бассейн Волги в объеме 5,8 куб. км в год; строительство каналов Волга – Дон, Ростов – Краснодар, Волга – Чограй для подачи этой

воды из Волги в бассейны рек Дона, Кубани и Терека... В ближайшее время предстоит завершить проектные работы по переброске части стока сибирских рек в районы Урала и Западной Сибири, Средней Азии и Казахстана. Что касается сроков строительства связанных с этим объектов, то их еще предстоит обсудить после разработки и утверждения проекта».

Было понятно, что над докладом предметно «потрудились» товарищи из Минводхоза и Госплана СССР. Но радоваться им было рано.

Вопрос на Пленуме прошел скучно, выступавших было мало. Я не стал в этих условиях протестовать. Основная проблема была в огромных затратах при сооружении каналов и сравнительно небольшая орошаемая площадь. Примерно 6,0 млн га, в том числе 4,5 млн из сибирских рек.

(Справочно. Протяженность и примерная стоимость каналов: из северных рек Онеги, Сухоны и озер – 116 км и 329 млн рублей; Волга – Дон – 65 км и 514 млн рублей; Волга – Чограй – 353 км и 1823 млн рублей; из сибирских рек Оби и Иртыша – 2550 км и 16 500 млн рублей.)

В конце года так сложилось, что по решению Политбюро мне с делегацией РСФСР пришлось посетить три союзные республики: Киргизию, Узбекистан и Туркмению, отмечавшие 60-летие образования. Порядок обычный – осмотр достопримечательностей, посещение предприятий и хозяйств. Затем торжественное собрание и выступление там с привет-

ствием. Военный парад и демонстрация трудящихся. В Киргизии удалось побывать на озере Иссык-Куль, а в Узбекистане – в Самарканде. Я был доволен представившейся возможностью впервые ознакомиться со спецификой и бытом Среднеазиатских республик СССР.

В Туркмении получилось иначе, я ниже об этом расскажу.

15 декабря. Провожал во Внуково-2 делегацию Верховного Совета во главе с М.С. Горбачевым в Англию. Доверительный разговор об обстановке в Политбюро, о состоянии здоровья К.У. Черненко. Прогнозы на перспективу. Горбачев приветлив, настроен оптимистично. Говорит о предстоящих встречах в Англии. Возможна беседа с М. Тэтчер.

20 декабря. Заседание Политбюро. Вел К.У. Черненко.

В Ореховой К.У. Черненко информировал, что Д.Ф. Устинов вот уже несколько дней находится в больнице. Состояние его тяжелое. Наступило резкое ухудшение. (Я не знал, что с ним. Говорили, что-то с желудком. Рак? Неизвестно.) Все посочувствовали – надо надеяться.

Следует сказать, что система медицинского обслуживания в организациях 4-го главного управления Минздрава СССР (Е.А. Чазов) была отлажена. Своевременная диспансеризация, высококвалифицированное обследование и лечение. Но состояние здоровья, особенно руководителей страны, было тайной за семью печатями, никакой информации не получишь. Каждый имел в поликлинике определенный код (номер истории болезни). Под этот код шли все процедуры,

лекарства. Кто и когда завел такой порядок?

21 декабря. Утром вылетел с делегацией в Туркмению на торжества по случаю 60-летия Туркменской ССР.

Днем посетили ковровую фабрику, проехали в один из передовых совхозов, чаепитие и разговор с аксакалами. Возвратились в Ашхабад. Там сообщили, что срочно вызывает Москва. Я позвонил по ВЧ в ЦК. Подошел к телефону К.М. Боголюбов. Сообщил, что скончался Д.Ф. Устинов вечером 20 декабря, попросил позвонить Лигачеву. Я связался с ним. Егор Кузьмич информировал меня о порядке похорон: 22 и 23 декабря – прощание в Доме Союзов, 24-го похороны у Кремлевской стены. Спросил, как быть мне. Лигачев: «Решено, чтоб торжественное собрание в Ашхабаде прошло. Орден Ленина республике вручить. Никаких праздничных мероприятий не проводить. 23-го быть в Москве». Так мы и поступили.

23 декабря возвратился в Москву. Министром обороны в мое отсутствие назначен маршал С.Л. Соколов.

26 декабря. Позвонил Г.В. Романов. Сказал, что ему поручено переговорить с членами Политбюро и согласовать вопрос об увековечении памяти Д.Ф. Устинова. Прочитал согласованные с другими предложения. У меня вызвали сомнение два момента: о переименовании г. Ижевска и площади Самарской в г. Куйбышеве. Надо ли? Учитывая, что Ижевск центр Удмуртской АССР, а столицы всех автономных республик в РСФСР имеют национальные наименования.

ния. Самарская площадь и район – лишь два названия в Куйбышеве в память о Самаре. Г.В. Романов обещал сообщить мое мнение руководству. Однако оно не было учтено. Позже вокруг нового названия – город Устинов – в Удмуртии разгорелись страсти. Не имея ничего против самого Д.Ф. Устинова, уважая его как выдающегося государственного деятеля, своего депутата в Верховном Совете, много сделавшего для развития города и республики, население не воспринимало переименования Ижевска. И пришлось возвращать городу прежнее название.

29 декабря. ЦК КПСС. У М.С. Горбачева.

Обстоятельный разговор об итогах года, обстановке в стране, в Политбюро. Он возмущался консерватизмом, формализмом, рутинной. Говорил о своих планах: «У меня есть задумки» (какие – неизвестно). Долго, увлеченно рассказывал о поездке в Англию, встречах с Маргарет Тэтчер. Впечатления отменные. Доволен откровенными и острыми беседами, тем, как он умело противостоял ее «натиску», отстаивая социалистические идеалы. Отзывается о М. Тэтчер как об умном, прямолинейном политике. Подчеркивал, что нашему руководству очень нужны личные контакты с западными лидерами, увы... Было явно видно, что Горбачев доволен визитом, впечатлением, какое он произвел на М. Тэтчер.

Да и она, говорили позже, делилась в своем окружении: «С этим человеком можно работать». Думаю, комментарии здесь излишни.

1985. От «ускорения» к этому сладкому слову – «перестройка»

Первые месяцы нового года сложились драматически. Состояние здоровья К.У. Черненко осложняется. Болезнь легких. Чтобы облегчить затрудненное дыхание, по совету врачей сосет какие-то таблетки. Ходит с трудом. Заседания Политбюро непродолжительны, дабы не утомлять Генсека. Намеченные визиты за рубеж каждый раз откладываются. Константин Устинович не может себе позволить выехать в области или республики Союза. Встречи и приемы высоких гостей для него все более обременительны. И ему, и нам тяжело.

3 января. Политбюро. Перед заседанием ждем его, как всегда, в Ореховой комнате, примыкающей к приемной Генерального секретаря и залу заседаний Политбюро. Входит К.У. Черненко, его поддерживает прикрепленный. Не стал, как обычно, садиться за круглый стол в этой комнате, а сразу прошел в зал заседаний. И, не здороваясь, как принято, с секретарями ЦК и кандидатами в члены Политбюро, сел в кресло. Устал, сделав всего двадцать шагов. Ведет заседание.

Об очередной сессии Верховного Совета СССР. Согласились с повесткой и порядком проведения. О предстоящей встрече А.А. Громыко с Дж. Шульцем. Андрей Андреевич очень кратко информирует о нашей позиции. Ряд вопросов

экономического характера, в том числе о снижении цен на автомобили «москвич» и «нива». О государственной программе создания и развития вычислительной техники. Все очень коротко. Управились за час.

После Политбюро разговаривали с Горбачевым. Настроение неважное. Говорит: «Видно, и Пленум по техническому прогрессу придется отложить. Как быть с предстоящим заседанием ПКК в Софии? К.У. Черненко ехать туда не сможет. Но продолжает готовиться?!»

8 января Горбачев вновь завел разговор на эту тему: «Что же делать? Смотри, какой состав Политбюро, где опора?!» Я с ним согласился, но не понял тогда подтекста слов Михаила Сергеевича, ведь он уже готовился в преемники.

Здесь сделаю отступление.

К.У. Черненко был утвержден заведующим Общим отделом ЦК в 1965 г. В первые же годы его работы действовавшие тогда в обкомах партии так называемые особые сектора, которые вели делопроизводство, были переименованы в общие отделы. Финансово-хозяйственные сектора – в финансово-хозяйственные отделы. Это подняло их престиж, хотя функции не изменились. До 1971 г. я с К.У. Черненко не встречался. Среди партийных работников в аппарате о нем шла молва как об исключительно трудолюбивом, дотошном человеке. Говорили, что он пользуется особым доверием Л.И. Брежнева, с которым работал в Молдавии, а затем в Верховном Совете СССР.

С годами К.У. Черненко приобретал все большее влияние в «коридорах власти». Где-то с 1972 г. в ЦК все больше складывалось мнение: если хочешь решить какую-либо серьезную проблему, надо заручиться поддержкой К.У. Черненко.

Он настойчиво повышал роль общих отделов в обкомах. По-моему, в 1973 г. в ЦК прошло большое трехдневное совещание заведующих общими отделами ЦК компартий союзных республик, обкомов и крайкомов КПСС. На совещании выступил Л.И. Брежнев. Говорилось о большой роли общих отделов, о том, что от них зависят четкость работы партаппарата, качество подготовки вопросов на бюро и секретариат. Что контроль за делопроизводством – это не только форма, но необходимая мера, обеспечивающая своевременное исполнение партийных решений.

Я работал в это время в Воронеже. Раза два-три, бывая в ЦК, заходил по каким-то вопросам к К.У. Черненко. Принимал он вежливо, но сдержанно, как-то даже безразлично. Правда, все вопросы решал. Столы в его кабинете всегда были завалены бумагами. Столбом стоял сигаретный дым, он курил беспрерывно, а на столе – неизменный стакан крепкого чая.

В 1974 г. я лишний раз убедился в том, каков истинный вес Черненко в ЦК. Дело было так. В то время активно обсуждались проблемы совершенствования структуры управления в сельхозорганах. Было много претензий к Сельхозтехнике. У нас в Воронеже возникла идея передачи снабжен-

ческих функций из СХТ в Госснаб, организации там Сельхозснаба. Кроме того, были разработаны предложения об углубленной производственной специализации и реорганизации сельхозорганов в Центре и на местах. Упор делался на повышение самостоятельности районного и областного звена, передаче им ряда функций Центра.

Я подготовил соответствующую записку, расчеты, схемы и привез эти материалы к Ф.Д. Кулакову. Он внимательно все прочел, задал много вопросов. Предложения ему понравились. Я говорю: «Хорошо, Федор Давыдович, тогда доложите об этом Л.И. Брежневу». Он задумался. «Нет, так не выйдет». Снял телефонную трубку, позвонил К.У. Черненко и стал объяснять ему, что-де в Воронеже подготовили интересные предложения, разработали схему совершенствования управления сельскохозяйственным комплексом. Надо бы с ними познакомиться Л.И. Брежнева. А лучше, если б Леонид Ильич принял В. Воротникова. Что ответил К.У. Черненко, я не знаю. «Давай, – говорит Кулаков, – иди к Черненко, он все устроит». Я удивился. Секретарь ЦК, член Политбюро звонит заведующему отделом и просит! Почему бы ему самому не позвонить, не зайти к Л.И. Брежневу и все объяснить?

Поднялся на шестой этаж к К.У. Черненко, передал материал. Тот не стал ничего смотреть: «Оставь, я все сделаю». Действительно, через несколько дней меня вызвали к Л.И. Брежневу. Материалы у него. Я рассказал о наших предложе-

ниях. Брежнев начал читать документы, но вскоре отвлекся от текста, заговорил о текущих делах. Вспомнил, что раньше был так называемый ГУТАП, который занимался снабжением сельского хозяйства техникой. И дела тогда шли хорошо. Мои материалы были разосланы по Политбюро с положительной резолюцией Л.И. Брежнева. Но идея эта так и не была реализована.

Правда, вскоре в Воронеж приехал А.А. Ежевский – председатель Союзсельхозтехники. Очень сговорчиво и заинтересованно отнесся к нашим просьбам. И был решен ряд поставленных нами вопросов пополнения области техникой, строительства станций техобслуживания в животноводческой сфере и др. То есть польза все-таки была.

Мои отношения с К.У. Черненко в определенной мере укрепились во время пребывания его в декабре 1980 г. на съезде Компартии Кубы в Гаване во главе делегации КПСС. Следует подчеркнуть, что и там К.У. Черненко в беседах с руководителями Кубы, делегациями других стран не скрывал свои особые отношения с Л.И. Брежневым, то, что у него есть свои каналы связи с Генсеком. Заявлял по тому или иному поводу: «Нет вопросов. Как приедете – позвоните мне. Я все устрою».

Нормальными, но не более были наши отношения и после моего возвращения в Союз. И в период работы в Краснодарском крае, и затем в Совмине РСФСР. Он всегда по первой просьбе принимал меня для беседы. Выслушивал информа-

цию, просьбы или предложения. Относился к моим соображениям с доверием, в чем-то помогал, что-то откладывал. Однако особого интереса к делам РСФСР не проявлял.

9 января. Неожиданное сообщение о внеочередном заседании Политбюро. Приехал в Кремль. Собрались в кабинете К.У. Черненко, а не в зале заседаний. Были члены Политбюро и еще несколько человек, по-моему, В.И. Долгих, Б.Н. Пономарев и еще кто-то, то есть не в полном составе.

К.У. Черненко сидел за длинным столом, в торце. Поздоровался не вставая. Затем сказал примерно следующее: «Есть необходимость обсудить положение. В последнее время я много передумал, пережил, вспомнил всю свою жизнь. Многие годы она шла рядом с вами. Но возникают вопросы, решение которых нельзя отложить. Вы прочитали записку Е.И. Чазова? (Ее нам предварительно дали прочесть. Это была короткая, примерно на две трети страницы, записка о состоянии здоровья К.У. Черненко.) Я не могу сам единолично принимать решение. Думал, может, уйти?» Н.А. Тихонов, затем В.В. Гришин, А.А. Громько подали протестующие реплики: «Зачем торопиться? Надо подлечиться, и все».

Константин Устинович продолжал: «До слез обидно. Так хочется работать. Но пусть скажет Евгений Иванович».

Е.И. Чазов кратко подтвердил, что К.У. Черненко нуждается в отпуске и серьезном лечении. Нужна госпитализация, обследование. О поездке на ПКК в Софию не может быть и речи.

Естественно, что все члены Политбюро высказались за это. Решили, что руководству соцстран надо сообщить все как есть, не вуалировать причину. Объяснить, что в настоящее время К.У. Черненко приехать не может по состоянию здоровья, ему требуется лечение. Что касается Пленума по техническому прогрессу – снять.

Затем обсудили несколько вопросов. А.А. Громыко доложил об итогах встречи с Д. Шульцем. Отметил, что встреча была трудная. «Главный вопрос – СОИ. Это не оборона, а агрессивные действия. Макфарлейн говорит мне: „Мы не собираемся нападать. Поверьте“. Я ему отвечаю: „Почему же вы нам не верите, а мы должны полагаться на вашу совесть? Нужна четкая взаимная договоренность“».

По ранее высказанному предложению Н.А. Тихонова решили подготовку основных направлений на пятилетку завершить к 1 марта, а Пленум провести в апреле. Еще раз подтвердили, что главное внимание надо сосредоточить на подготовке XXVII съезда. Срок его созыва – октябрь, самое позднее – декабрь 1985 г.

Опять заговорил К.У. Черненко: «Главное, что меня радует, это наше единство, сплоченная работа. Ничто не подрывало этого единства. Спасибо за поддержку. Это важно не только для меня, но особенно для страны и внешнего мира. Все оставшиеся силы отдам партии. Буду помогать врачам преодолеть нездоровье».

Заседание продолжалось примерно час. Черненко устал

еще больше. Попрощались с ним и разошлись. Осталось тягостное чувство.

Дня через два М.С. Горбачев в беседе вспомнил об этом Политбюро. Говорит, что К.У. Черненко в ЦКБ, ему стало чуть лучше.

12 января, это было в субботу вечером, мне на дачу позвонил Константин Устинович. Говорит трудно, неразборчиво. Поинтересовался, как идут дела, как ликвидируются последствия морозов. Я коротко рассказал. Не дослушав, неожиданно поздравил с Новым годом (может, по старому стилю?), пожелал успехов. Я высказал взаимные пожелания, главное – здоровье. Вот и весь разговор.

22 января был у М.С. Горбачева в ЦК. Обсуждали вопросы зимовки, состояние теплоснабжения. В ряде регионов продолжались сильные морозы. Он рассказал о беседе с К.У. Черненко (его по настоятельной просьбе отпустили из ЦКБ на дачу). «Волнуется, нервничает, что нездоровье угнетает, а дел много. Видимо, его „заводят“, – говорил Михаил Сергеевич, – так ли ведет работу Горбачев в отсутствие Генсека». Говоря мне все это, Горбачев сам нервничал, спрашивал: «Ну что они хотят? (Кто? Неизвестно.) Ведь ты же видишь, как я, да и все мы работаем. Стараемся, чтобы было лучше, ни у кого нет никаких задних мыслей, стремления вырваться вперед и т. д. Главная забота – „жила бы страна родная“». (Это было любимое выражение, кредо Горбачева.)

В начале февраля К.У. Черненко несколько раз появлял-

ся на работе на короткое время. А 7 февраля даже вел заседание Политбюро. На нем подвели итоги соревнования за 1984 г. Рассмотрели ход подготовки к севу. К.У. Черненко распространил записку о сотрудничестве стран СЭВ. Но, по моему, уже на другой день – опять в ЦКБ.

7, 8 и 9 февраля находился в Волгоградской области. Посетил заводы «Красный Октябрь» и тракторный. Побывал в пригородных колхозах. Везде беседы с людьми. Выступил с отчетом как депутат ВС РСФСР на собрании избирателей Краснооктябрьского округа.

13 февраля М.С. Горбачев на совещании с членами Политбюро информировал о реакции Запада на обстановку у нас: «Там предвидят осложнения в связи с нездоровьем К.У. Черненко. Строят различные домыслы. Идет спекуляция. Пытаются воздействовать на общественное мнение в стране. Необходимо сейчас проявлять сдержанность. Не дать повода для провокаций».

Состоялись встречи кандидатов в депутаты Верховного Совета: М.С. Горбачева – 20 февраля; Н.А. Тихонова – 21 февраля в Москве.

Встреча К.У. Черненко намечалась на 22 февраля. Но о его участии в этом собрании не могло быть и речи. Он находился в больнице. Собрание состоялось в зале пленумов в Кремле. Вел собрание секретарь МГК В.В. Гришин. Сказал речь. Несколько человек выступили. Я не помню, как решался вопрос об участии в этой встрече членов Политбюро. Но

состав был определен, это точно. Кроме Гришина, там присутствовали: Горбачев, Громыко, Лигачев, Кузнецов, Зимянин. Я на этом собрании не был.

Вечером **1 марта** была обстоятельная беседа с М.С. Горбачевым по проблемам экономического состояния страны и России. Говорили о необходимости коренных преобразований в сельском хозяйстве. Вновь и вновь Горбачев возвращался к обстановке в Политбюро, сетовал на предвзятое отношение к его инициативам со стороны некоторых «старых членов Политбюро». Убеждал в своем стремлении поддержать Черненко и т. п. Обо всем – эмоционально, повторяя, что его главная забота – о стране, об авторитете партии, Политбюро.

4 марта я с делегацией РСФСР вылетел в СФРЮ.

Цель – рассмотреть планы сотрудничества с Сербией и Черногорией и подписать соответствующие документы.

В Белграде состоялись встречи с Брониславом Иконичем, Душаном Чкребичем, Иваном Стамболичем. Затем делегацию принял Али Шукрия – председатель Президиума ПК СКЮ.

8 марта – в Титограде, столице Черногории. Там переговоры с Радиваном Брайовичем. Беседа с Марко Орландичем.

10 марта. Вечером, во время переговоров, примерно в 19:40 по местному времени мне передали, что позвонили из посольства – необходимо немедленно возвращаться в Москву, там чрезвычайные обстоятельства, и я должен прервать

визит. Прямой закрытой связи из Титограда ни с Москвой, ни с посольством в Белграде не было. Причину вызова в Москву мне не сообщили. Но догадка меня посетила. Видимо, произошло непоправимое с К.У. Черненко.

В Титограде мы быстро завершили переговоры, подписали договор о сотрудничестве. Погода была очень плохая, снегопад, видимости нет. С трудом вылетели, но Белград по метеоусловиям не принял. Самолет сел в Киеве для дозаправки. Было около 3 часов ночи, через руководство аэропорта Борисполь мне передали от предсовмина УССР А.П. Ляшко, что скончался К.У. Черненко.

11 марта в 5:30 наш самолет приземлился в Москве.

В 8:00 я связался с ЦК, никого из руководства там еще не было. Переговорил с заведующим Общим отделом ЦК К.М. Боголюбовым. Он сказал, что К.У. Черненко скончался вчера, в 19:40. Вечером состоялось заседание Политбюро, образована комиссия по организации похорон, председатель комиссии – М.С. Горбачев.

Примерно в 9:40 мне позвонил М.С. Горбачев. Спросил, как долетел. Потом более подробно рассказал, что произошло вчера. «На Политбюро собрались в 20:30, в основном обсуждались вопросы организации похорон. Даны необходимые поручения. Просидели, говорит, за полночь, готовили документы для публикации и т. п. Сегодня предстоит основная работа». Я спросил, был ли разговор о преемнике К.У. Черненко. М.С. Горбачев ответил: «Официального обсужде-

ния не было, но некоторые члены Политбюро (кто – не сказал) звонили и говорили о намерении возложить этот груз на меня. Как ты?» Я ответил: «Конечно, в нынешнем составе это Горбачев». Он: «Ну ладно. Будем из этого исходить. Через час встретимся».

В 11:00 в ЦК под председательством М.С. Горбачева состоялось заседание комиссии по организации похорон К.У. Черненко. Одобрили текст публикации сообщения от ЦК, Верховного Совета и Совета Министров, некролог. Обсудили обращение к народу. Был подробно расписан весь порядок организации похорон.

В 15:00 – Политбюро. До заседания у меня ни с кем из товарищей никаких обсуждений, обмена мнениями о кандидатуре на пост Генсека не было. Заседание проходило спокойно. За торцевым столом сидел М.С. Горбачев, но не по центру стола, а как-то сбоку, вроде готов, если надо, уступить место.

Собственно, никакой дискуссии не было. Первым встал А.А. Громыко и внес предложение о рекомендации Пленуму на пост Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. Коротко, четко дал характеристику Горбачеву. Один за другим все члены Политбюро короткими репликами поддержали эту кандидатуру. Какого-то обсуждения, альтернативных кандидатур, тем более борьбы, столкновений взглядов на Политбюро не было. Я не знаю, может быть, какие-то закулисные процессы и шли, во всяком случае, мне это не бы-

ло известно. (Отсутствовал на Политбюро В.В. Щербицкий – он еще не возвратился из США.) М.С. Горбачев коротко поблагодарил за доверие, сказал, что окончательное решение за Пленумом ЦК. Заседание продолжалось минут тридцать.

В 17:00 состоялся Пленум ЦК. Открыл его М.С. Горбачев.

Слово взял А.А. Громыко и от имени Политбюро предложил избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачева. Дал ему более развернутую характеристику. Пленум единодушно поддержал эту кандидатуру. М.С. Горбачев выступил с короткой речью по самым принципиальным вопросам, в которой уже просвечивались оттенки политики, развернутые позже на апрельском Пленуме.

Было ли решение избрать Горбачева неожиданным? Нет. Участники Пленума были готовы к возможной смене политического руководства, знали о тяжелой болезни К.У. Черненко. Первая же кандидатура, которая естественно встает в такой ситуации, – второй секретарь ЦК, а им, по сути, и был Горбачев.

Впоследствии возникали разговоры о том, что этот пост якобы рассчитывал занять В.В. Гришин. Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть их, так как никаких известных мне внешних проявлений этого намерения со стороны В.В. Гришина или других членов Политбюро не было. У меня спрашивала корреспондентка Би-би-си Норма Перси: «Вот на встрече с избирателями вместо Черненко доклад делал Гришин, и люди могли подумать, что сам Черненко выбрал

себе на замену Гришина». Я ответил, что невозможно сейчас сказать о замыслах К.У. Черненко. Думаю, что ни в Политбюро, ни в ЦК, ни в Москве В.В. Гришин не имел достаточно высокого авторитета, и его кандидатура могла бы вызвать протест. А что касается встречи с избирателями, то здесь все логично. Коль скоро К.У. Черненко выдвинут кандидатом в Верховный Совет РСФСР от одного из округов Москвы, собрание проходит в Москве, то его ведет и выступает с речью первый секретарь МГК, представляя кандидата – Генерального секретаря ЦК. Ну а насколько льстива и вдохновенна была эта речь – вопрос другой.

Что касается опубликованных записок Е.К. Лигачева, где он говорит о заседании Политбюро вечером 10 марта, где якобы сложилась очень тревожная атмосфера, что в воздухе витал этот вопрос, то, возможно, так и было. Я на этом Политбюро не присутствовал. Но ведь никаких конкретных действий со стороны членов Политбюро не было. Что же касается внутреннего состояния и устремлений каждого, то кто их знает? Действительно, это факт, что выход М.С. Горбачева после кончины Ю.В. Андропова в феврале 1983 г. на вторую роль в партии был воспринят некоторыми членами Политбюро неоднозначно. Это, во-первых, Н.А. Тихонов, в определенной мере В.В. Гришин или еще кто-то. Наиболее открыто такая позиция проявлялась на первых порах. Потом внешне все как будто встало на свои места. М.С. Горбачев вел Секретариат, а в отсутствие К.У. Черненко и Политбюро.

Но особенно в период осложнения болезни К.У. Черненко, когда тот находился в больнице и был оторван от конкретных дел, ему (об этом со мной делился Горбачев) иногда передавалась не совсем достоверная информация. Что касается активности М.С. Горбачева, которая преподносилась как стремление «проявить себя», показать свои возможности, то для этого, думаю, были основания. Вообще же, скорее всего, все сведения такого рода Константин Устинович получал не от членов руководства партии, а от людей из своего окружения, его помощников, и в том числе от давнего соратника К.М. Боголюбова. Таким образом, мне конкретно ничего не было известно о каких-то разногласиях среди членов Политбюро, когда готовились предложения о Генсеке. Считаю, что «интуицию», «атмосферу» и т. п. нельзя считать аргументами о происходившей якобы внутри Политбюро борьбе за лидерство 10 и 11 марта 1985 г.

13 марта. Похороны К.У. Черненко у Кремлевской стены.

До 19 марта я с М.С. Горбачевым не встречался. Он не звонил. У него было много встреч и бесед с руководителями стран, прибывшими на похороны.

19 марта. Заседание Секретариата ЦК, которое вел новый Генсек.

После обсуждения вопросов повестки дня коротко выступил М.С. Горбачев. Он говорил, что прошедшие в стране пленумы обкомов партии были единодушны в поддержке

ке линии ЦК. В принятых решениях, в письмах, адресованных ЦК, подчеркивалось стремление ускорить экономические процессы, социалистическое развитие страны. Укреплять ответственность, дисциплину, улучшать функционирование всех государственных организаций, то есть «настрой на дела».

«Нам важно все это осмыслить и выработать план действий, – отметил Горбачев. – Год важный, пятилетка грядет – тем более. Требуется серьезная работа с верхним эшелоном руководства, в отраслях, в партии, в республиках. Надо готовиться к съезду».

После Секретариата он позвал меня, состоялась продолжительная беседа. Обменялись мнениями по организации работы с материалами предстоящего Пленума. Горбачев незамедлительно стал разбираться с кадрами, с людьми из окружения К.У. Черненко. Завел речь о реконструкции аппарата ЦК. «Аппарат разбух невероятно. Особенно Общий отдел, полно бездельников». Стал рассуждать о необходимости поездки по стране. «Видимо, в первую очередь надо поехать в Ленинград. Seriously раздумываю над темой выступления там». И в заключение излюбленная тема – обстановка в сельском хозяйстве. «Надо собрать руководителей АПК, обсудить с ними принципиальные вопросы». Разговор, в общем, был доверительный, дружеский. Желание – работать. Всеми своими словами он подчеркивал, что заряжен на реализацию своих идей – совершенствование социалистическо-

го общества в СССР. Позже я убедился, что к моменту избрания Горбачева Генсеком у него не было ясной и четкой концепции необходимых перемен. Он был в поиске и принимал немало спонтанных решений.

21 марта. Заседание Политбюро. Вел М.С. Горбачев.

Обсудили итоги его бесед, а также Тихонова, Громыко и Пономарева с иностранными делегациями. Отмечали высокий их уровень, корректность, деловой настрой. Подчеркивали, что это импонировало собеседникам. Чувствовалось, что они хотят не упустить свой шанс, ведь в Союзе появился малоизвестный, новый руководитель. М.С. Горбачев: «Нам внешнюю политику менять не надо, она завоевала авторитет, требуется лишь значительно ее активизировать». Вот такой был начальный настрой.

О подготовке Пленума ЦК и съезда. О чем говорил Горбачев? «Мартовский Пленум воспринят правильно. Единодушная поддержка линии ЦК. Много предложений, пожеланий. Есть какое-то ожидание скорых позитивных перемен. Стремление к интенсификации производства, динамизму, техническому прогрессу, то есть повышать активность, разбудить застой. Нужна конкретная работа. Меньше пустословия, парадности, больше внимания людям, социальным проблемам. Подтягивать дисциплину, одновременно создавать условия для высокопроизводительного труда. Членам Политбюро, секретарям ЦК требуется работать более активно, творчески, укреплять единство».

За повесткой. В связи с тем, что на днях должна состояться первая сессия Верховного Совета РСФСР 11-го созыва, обсудили кадровые вопросы о руководителях республики. Дополнительно к ранее согласованным изменениям Горбачев поднял вопрос о замене А.М. Калашникова (зампреда СМ РСФСР). Предложил на его место заведующего Отделом строительства ЦК КПСС И.Н. Дмитриева. Это предложение активно поддержал Лигачев. Я согласился. Лишь позже стало понятно, что освобождалось место в ЦК для Б.Н. Ельцина, которого вскоре утвердили в должности заведующего Отделом строительства.

26 и 27 марта состоялась 1-я сессия Верховного Совета РСФСР 11-го созыва. Председателем Президиума Верховного Совета избрали В.П. Орлова. Сложил полномочия Совет Министров РСФСР. Образовали новое правительство, Председателем Совета Министров назначили В.И. Воротникова.

4 апреля. Заседание Политбюро. Вел М.С. Горбачев.

Обсудили главные направления в работе партии, которые следует вынести на предстоящий Пленум ЦК. Горбачев советовался с коллегами.

О мерах борьбы с пьянством и алкоголизмом. Докладывал вопрос М.С. Соломенцев, вооружившись цифрами, с экскурсом в историю этой проблемы. В принципе все были за, но возникли споры о методах и сроках реализации предложенной программы, суть которой была в административных ме-

рах: сокращение производства, ограничение мест и времени торговли винно-водочной продукцией и т. п. Е.К. Лигачев призывал сократить площади выращивания винограда винных сортов.

После заседания Политбюро в беседе со мной Горбачев вернулся к вопросу о подготовке Пленума ЦК. «Он должен открыть дорогу к съезду. Надо дать идеи, набрать проблемы, которые были бы в центре предвыборной кампании к съезду. Тезис ответственности за дело, об иждивенчестве. Интенсификация производства, технический прогресс. Новые формы совершенствования хозяйственного механизма. Более строгая кадровая политика. Обновления требует и редакция Программы партии». Было ясно, что он ищет нестандартный подход к Пленуму, а затем и съезду.

15 апреля вечером позвонил М.С. Горбачев. Рассказал о беседе с Н.А. Тихоновым. «Обсуждали проблемы сельского хозяйства. О необходимости совершенствования системы управления АПК по вертикали – от РАПО до Совета Министров. Основная цель – связать с производством все критерии (план, материально-техническое обеспечение, капитальные вложения, экономические стимулы). Дифференцировать систему управления АПК в районе, области, республике. Больше прав делегировать вниз. Разгрузить Центр. Ликвидировать ряд центральных сельскохозяйственных структур и т. п. К разработке предложений подключить Сельскохозяйственный и Экономический отделы ЦК. Затем прове-

сти совещание в ЦК. Тихонов заинтересовался этой идеей. А ты как считаешь? Поверь, нельзя дальше терпеть такой разноречивой и бесхозяйственности на селе».

Я выслушал его, сказал, что надо все серьезно обдумать, наложить предложения на фактическое положение в сельском хозяйстве. Выразил сомнения в целесообразности сразу объединять все организационные структуры, связанные с селом. Надо ли ослаблять сельскохозяйственные органы Центра? «В общем, давай думай, – резюмировал собеседник. – Для меня эта необходимость ясна уже давно».

Мне представляется целесообразным сделать отступление от хронологического изложения материала и рассказать о том, как готовились и проходили заседания Политбюро.

Примерный перечень вопросов для обсуждения на Политбюро рассматривался заранее на квартал или полгода вперед. Конечно, этот перечень нередко сильно изменялся. Жизнь требовала решения дополнительных вопросов, и они вносились на Политбюро. Повестка дня и необходимые материалы (справки, записки, проект постановления, замечания к нему и т. п.) рассылаются заранее, иногда за неделю – десять дней, чаще за два-три дня до заседания. Можно дать письменные замечания, предложения или высказать их на Политбюро. Много оперативных вопросов рассылается для голосования «вкруговую» (такие материалы поступают почти ежедневно). Доставляют их фельдсвязью специально вы-

деленные сотрудники Общего отдела ЦК. Бывают и особо доверительные документы, с которыми знакомят лишь тех товарищей, кого «распишет» Генеральный секретарь. Установлено правило: если кто-то из членов Политбюро считает, что по рассылаемым на голосование документам следует обменяться мнениями на Политбюро, то этот вопрос вносится для очного обсуждения. Иногда принимаются решения срочного характера в аэропорту, театре, на совещании и т. д., и затем это решение голосуется, а текст вносится в очередной протокол Политбюро.

Заседания Политбюро проходили в Кремле. Вход в здание через так называемое «крылечко» у Кремлевской стены и на третий этаж. Там расположены кабинет Генерального секретаря и зал Политбюро. По традиции заседания проходят один раз в неделю, по четвергам, начинаются в 11 часов дня (говорят, когда-то было в десять). Кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК заходят в зал заседаний из общей приемной, где собираются приглашенные.

Генеральный секретарь из кабинета, через свою приемную проходит в Ореховую комнату, где его ожидают члены Политбюро (только). Здесь за круглым столом идет короткий предварительный обмен мнениями по некоторым вопросам повестки дня, взаимная информация по каким-либо важным событиям. Иногда возникают и дополнительные темы для беседы, и обсуждение подчас затягивается на 20–30 минут.

Затем Генеральный секретарь и члены Политбюро прохо-

дят в зал, и все рассаживаются за длинным столом заседаний. Место у каждого известно. Ближе к председательствующему размещаются члены Политбюро, затем кандидаты и далее – секретари ЦК. Рассадка, так сказать, по принципу старшинства, то есть по продолжительности пребывания в этом органе.

При Ю.В. Андропове и К.У. Черненко заседания, как правило, были непродолжительными – полтора, два, максимум три часа. Перерывы не делались. В ходе заседания участникам разносили чай, кофе и небольшие бутерброды.

Когда Генсеком был избран М.С. Горбачев, заседания Политбюро стали более продолжительными. Сначала они шли 4–5 часов и тоже без перерыва. А потом начиная с 1987 г. часто затягивались надолго, до позднего вечера. Стали делать перерыв на обед, примерно в два часа дня. Обедали здесь же, в Кремле, на втором этаже, в комнате у Свердловского зала, за одним столом. Обед обычный – три блюда, занимал 20–30 минут.

На первых порах М.С. Горбачев создавал на Политбюро весьма демократическую, товарищескую обстановку. Был внимателен, приветлив, общителен. Позже стал более вальяжен, раздумчив, говорил не торопясь, с паузами. Мог позволить себе резко оборвать выступавшего, меньше вслушивался в суть сказанного. Со временем в нем все больше укреплялись позерство, самолюбование, склонность к громкой фразе. Он становился все более и более многословным. Ему

льстило внимание, нараставшая на первых порах популярность. Правда, на заседаниях давал возможность высказаться всем желающим. Чем дальше, тем больше все это представлялось как псевдодемократия. Говори, мол, говори, все равно толку мало. Многие пожелания так и повисали в воздухе. Он вроде бы их и не замечал. В ходе дискуссии были споры, иногда резкие. Обо всем этом мне еще не раз придется говорить, рассказывая о том, как шли заседания Политбюро, какие позиции по тому или иному вопросу занимали Горбачев и другие партийные руководители.

20 апреля. Очередная беседа с Горбачевым по телефону. Я одобрительно в основном высказался по поводу разосланного накануне проекта его доклада на предстоящем Пленуме ЦК. Сказал, что есть и замечания, я их послал в ЦК. Напомнив о его поручении – снять жесткие ограничения, установленные для членов садово-дачных кооперативов, – информировал, что подготовлены предложения о значительном расширении норм строительства домиков на участках, других хозяйственных построек и т. п. Он: «Хорошо, рассмотрим на ПБ».

Горбачев спросил мое мнение о возможном расширении состава Политбюро. В частности, он наметил избрать членами Политбюро Н.И. Рыжкова и Е.К. Лигачева, перевести из кандидатов в члены Политбюро В.М. Чебрикова, кандидатом в члены Политбюро избрать С.Л. Соколова. Секретарем

ЦК по сельскому хозяйству – В.П. Никонова. Выдвижения я поддержал. Поговорили о необходимости общей активизации всей деятельности партии. Укрепление состава Политбюро должно этому помочь.

23 апреля. Памятный апрельский Пленум ЦК. Повестка. «О созыве очередного съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением». Докладчик М.С. Горбачев.

Его доклад на Пленуме ЦК 23 апреля 1985 г. известен.

Основные тезисы заключались в следующем. Подтверждение приверженности В.И. Ленину, упор на его идеи при определении стратегии и тактики. Верность социалистическим идеалам. Необходимость дальнейшего совершенствования общества развитого социализма. Преимущество социалистического курса, разработанного XXVI съездом КПСС. Отметил успехи во всех областях общественной жизни, особенно после 1983 г., а также имеющиеся существенные недостатки, неиспользованные резервы.

Говоря о концепции перестройки хозяйственного механизма (обращаю внимание – пока только хозяйственного механизма), подчеркнул необходимость дальнейшего развития централизованного начала в решении стратегических задач, Горбачев призвал смелее идти на расширение прав предприятий, а также местных органов власти, их заинтересованности в развитии производства.

В докладе были рассмотрены конкретные текущие задачи во всех сферах деятельности. Определены роль и место

КПСС в решении задач ускорения социального и экономического развития страны. Докладчик подтвердил и основные направления внешнеполитической деятельности – идти ленинским курсом мира и сотрудничества. Резко, критически охарактеризовал политику руководства США.

Вот вкратце суть доклада. Хотя в нем пока не идет речь о коренной, радикальной перестройке экономики и политической реформе, но определенная новизна в подходе к проблемам чувствуется.

Прения открыл Щербицкий. Затем выступили Гришин, Кунаев, Воротников, Шеварднадзе, Зайков и другие товарищи. У меня не сохранилось заметок об их выступлениях. Но, помнится, они были выдержаны в традиционном ключе. Это относится и к моей речи.

О чем говорил я? Поддержал положения и выводы доклада. Отметил некоторые успехи в промышленности, сельском хозяйстве РСФСР. Указал на имеющиеся недостатки, упущения, трудности. Подчеркнул необходимость интенсификации и существенного технического обновления производства. В ряде отраслей используется старое, изношенное оборудование. Большую часть капитальных вложений необходимо направлять на техническое перевооружение, реконструкцию, в новые технологии. В этом отношении нас значительно опережают на Западе. Далее были высказаны замечания о состоянии нашего сельского хозяйства. Предложил разработать программу совершенствования всего механизма управ-

ления народным хозяйством.

Все здесь вроде нормально, если смотреть с позиций апреля 1985 г. Однако в выступлениях, да и в докладе еще мало анализа, нет ясного видения перспективы. Присутствует какая-то «зашоренность». Речь идет в основном о тех проблемах, которые видимы, лежат на поверхности. Может быть, это вначале и правильно, так как упор на решение этих задач и дал некоторый положительный эффект в 1985–1987 гг. В этом и проявилось значение Пленума. Ну а дальше? Нужна была четкая концепция перестройки, практическая организация дела, идеологическое обеспечение и т. п. Вот тут и пошли шатания, уклоны, спешка, ошибки, просчеты, перекосы, и покатались благие намерения под откос. Сами? Или их умело подтолкнули? В чем и предстоит разобраться.

На этом Пленуме перевели в члены Политбюро В.М. Чебрикова, избрали членами Политбюро Е.К. Лигачева и Н.И. Рыжкова, кандидатом в члены Политбюро С.Л. Соколова, секретарем ПК по вопросам сельского хозяйства – Никонова В.П.

6 мая очередное заседание Политбюро. Вел М.С. Горбачев.

После серьезной переработки был представлен проект технической реконструкции Горьковского автозавода на 1986–1990 гг.

Рассмотрели меры расширения геолого-разведочных работ на нефть и газ. В который раз обсуждалась проблема

нерациональных расходов хлеба, зерна. Одобрители предложения по развитию садоводства и огородничества.

М.С. Горбачев информировал Политбюро о состоявшемся на днях совещании в Варшаве стран ОВД и о продлении договора на 20 лет. Рассказал о своей беседе с В. Ярузельским, который дал анализ всех этапов развития Польши и отношений с нами. По его мнению, общество в Польше находится на переходном этапе. Недостатки в экономике, политике, работе с кадрами, о которых говорилось в нашем письме от декабря 1984 г., его сильно задели. Считает, что многие наши выводы поспешны. Информация не всегда была достоверной. После выборов сейма он намерен приблизить Раковского и Барчиковского. В экономике будет сделан крен в сторону развития кооперативного движения. Самое сложное в политике – это костел. Влияние католицизма среди населения Польши огромно.

После Политбюро зашел к Горбачеву. Говорил о предвзятом отношении к РСФСР со стороны экономических и финансовых органов Союза, которые неоправданно завышают плановые показатели по Российской Федерации, республика-де большая, выдержит. О том, что начаты переговоры с Кубой о ее участии в лесозаготовках на Дальнем Востоке.

Горбачев поделился своими планами о необходимости укрепления кадров в Министерстве обороны. Мало внимания министерство уделяет социальным условиям жизни семей военнослужащих. «Нам надо вообще разобраться с обо-

ронкой». Повторил, что намерен первым делом поехать в Ленинград, затем, возможно, в Новосибирск. Планирует в июне или июле провести совещание по техническому прогрессу, а потом побывает на Северном Кавказе. Беседа была спокойная, доверительная.

13 мая позвонил Горбачев. «Знаешь, начинаю разгрести завалы в аппарате. Общий отдел подмял в ЦК всех. К.М. Боголюбов вел себя недостойно. Фальсифицировал, что он участник Великой Отечественной войны. Получал незаслуженные регалии, выплаты за документы официального плана присваивал. Надо его освобождать от работы». Затем повел разговор о работе Оборонного отдела – «много претензий от руководителей крупных КБ, оборонных заводов. Был обстоятельный разговор с Г.В. Романовым. Ведь он, как секретарь ЦК, курирует оборонку. У него нет хороших контактов с оборонными министерствами. Есть к нему претензии и в личном плане – по поводу некорректного поведения в некоторых зарубежных поездках. Буду ставить вопрос о его замене». Я сказал Горбачеву, что надо обсудить это на Политбюро. «Конечно, обязательно обсудим», – ответил он.

14 мая. Политбюро. Вел М.С. Горбачев.

Перед началом заседания, в Ореховой, он информировал членов Политбюро о недостатках в руководстве оборонными отраслями промышленности со стороны Отдела ЦК и ведающего этими вопросами секретаря ЦК Г.В. Романова. (Его на заседании не было.)

«Нет должной связи Оборонного отдела ЦК с ОКБ, предприятиями. Упускают контроль над разработкой новой техники. Военные иногда заказывают устаревшие виды вооружений. Г.В. Романов ведет дело пассивно. Идут жалобы со стороны ряда главных конструкторов, министров ВПК. Знаете вы и о его недостатках в личном плане. Если не возражаете, то я побеседую с ним и внесу предложения». Согласны.

17 мая М.С. Горбачев возвратился из поездки в Ленинград. Беседа в аэропорту. Доволен пребыванием там. Понравилась экономическая программа ленинградцев. По его мнению, активно и напористо работает секретарь обкома Л.Н. Зайков. Линию ЦК в Ленинграде поддерживают. Встретили его там с воодушевлением. Горбачев, говоря об основных задачах ускорения экономического и социального развития страны, впервые упомянул и о необходимости «психологической перестройки кадров, умов хозяйственников».

23 мая. На Политбюро по предложению Горбачева заведующим Организационным отделом ЦК утвердили Г.П. Разумовского.

Второй вопрос. О Г.В. Романове. (Сам он на Политбюро не был.) Горбачев коротко доложил. Сказал, что «состоялся большой разговор с Григорием Васильевичем. Он не вполне адекватно оценивает ситуацию, хотя и признает за собой определенные недостатки. В итоге, после некоторого раздумья, Романов написал заявление в Политбюро с просьбой об освобождении от работы».

Особого обсуждения не было, но некоторые товарищи в репликах поддержали предложение об отставке Г.В. Романова. Думаю, что все понимали – им двоим не ужиться в Политбюро. Это, собственно, был первый шаг Горбачева по «расчистке» состава Политбюро. И это была первая наша уступка молодому Генсеку.

Затем заслушали доклад Н.А. Тихонова «Основные направления социально-экономического развития страны на 1986–1990 годы и до 2000 года». Тихонов считает, что по основным показателям 11-я пятилетка будет выполнена. План на 12-ю пятилетку: темпы роста национального дохода – 20–22 %, объема промышленной продукции – 21–24 %, сельского хозяйства – вдвое. Задача: в 2000 г. выйти на уровень промышленного производства США. (Опять идеи: «догнать и перегнать»?!)

Обсуждение было активным и критичным. Что говорил Горбачев: «Основа – решительное ускорение темпов социально-экономического развития. Экономика – стержень работы партии и Политбюро. Проект плана можно взять за основу. Проработать, разослать по республикам и в сентябре – на Пленум. Сомнения вызывает обоснованность темпов социально-экономического развития. Нужен более вдумчивый подход к научно-техническому прогрессу. Не жалеть средств на это. Вряд ли оправданно так много капиталовложений направлять на новое строительство. Нужен упор на обновление активной части основных фондов. Надо сбалансировать план

с ресурсами. Чрезмерно велики запросы валюты на сельское хозяйство, надо вести дело рациональнее».

Я направил записку с замечаниями и выступил. Сказал: «Трудно сравнить достигнутый уровень развития нашего общества с другими странами. Мы не имеем сопоставимых показателей даже для Политбюро. Поэтому как оценить реальность прогнозов? Например, рост национального дохода 20–22 % не даст возможности создать необходимый фонд накопления (в проекте намечается повышение удельного веса этого фонда). В таком случае будет причинен ущерб фонду потребления. Надо прояснить эту проблему. Если есть возможность ускорения темпов социально-экономического развития, то надо использовать все до конца. Если нет, то не надо брать завышенные обязательства. Зачем обманывать себя и народ?»

24 мая у М.С. Горбачева.

Он недоволен докладом Н.А. Тихонова. «Незрелое выступление. Слабо готовился. Не смог ответить на многие вопросы». Обсудил с ним программу моей поездки в Канаду. Передал мне текст послания Б. Малруни с приглашением посетить Москву.

26 мая. Вылетел с делегацией в Канаду.

На следующий день в Оттаве: встречи с министром иностранных дел Дж. Кларком, министром торговли Дж. Келлэгроном. Прием и беседа с премьер-министром Канады Брайаном Малруни.

28 мая. Обстоятельный разговор у меня в резиденции с министром, председателем Пшеничного комитета Г. Мейером о поставках зерна.

Затем закрытая встреча делегации с членами парламента Канады в комитете по внешней политике и обороне. Выступил, ответил на вопросы. Острая полемика по правам человека.

В совпосольстве – дружеская беседа с Уильямом Каштаном.

Последующие три дня провели в провинции Альберта, с которой у РСФСР побратимские связи. Продолжительные переговоры с премьер-министром провинции П. Логхидом и его министрами о сотрудничестве. Побывали на опытной сельхозстанции в Летбридже, на заводе по переработке рапса, на ферме, где готовят элитные семена зерновых. Потом перелетели на север, в Заполярье. Там интересный комплекс по добыче нефти из нефтеносных песков, нефтеперерабатывающий завод. Работа вахтовым методом, благоустроенное жилье гостиничного типа. Посетили Калгари. Везде встречали нас приветливо.

1 июня из Монреаля вылетели в Москву.

4 июня. У М.С. Горбачева. Рассказал о впечатлениях от поездки в Канаду. Необходимо продолжать политические контакты, развивать экономическое сотрудничество. О переработке нефтесодержащих песков. О специализации фермерских хозяйств и т. д. Он улыбался: «Я там везде уже бы-

вал». Затем Михаил Сергеевич информировал, что идет активная подготовка к совещанию по техническому прогрессу. Просил меня подключиться к этой работе.

11 июня открылось Всесоюзное совещание с участием секретарей ЦК КП республик, обкомов партии, министров, а также ученых, специалистов, руководителей предприятий. Тема – «Об ускорении темпов научно-технического прогресса». Это было как раз то самое совещание, которое решили провести вместо долго готовившегося Пленума ЦК.

Доклад Горбачева был опубликован. В нем раскрыты проблемы научно-технического прогресса, внедрения передовых технологий, оборудования, говорилось о борьбе с рутинной, бюрократизмом, безответственностью. Здесь Горбачев подчеркнул как главную задачу «совершенствования управления хозяйством».

Совещание продолжалось два дня. Было немало интересных, содержательных и критичных выступлений, дельных предложений.

Выступил и я. Говорил о необходимости корректировки научно-технической и инвестиционной политики. «Меняется, например, территориальная структура распределения производительных сил. Нефтедобыча идет на север, следовательно, растут затраты. Глубина отбора нефтепродуктов растет медленно – нет средств и материальных ресурсов для развития нефтезаводов». Рассказал об опыте нефтяников Канады – «скважины законсервированы, экономят свои природ-

ные запасы, но при этом там перерабатывают нефтеносные пески, хотя это и требует больших затрат. Такие возможности есть и у нас, но они не используются. На железорудных месторождениях накопились колоссальные запасы в отвалах полиметаллической руды. Это большое богатство, и необходима комплексная переработка сырья. Но нас „душат“ текущие заботы.

Требуется более рациональное формирование территориально-производственных комплексов. Нужно знать и учитывать специфику регионов. Особое внимание Дальнему Востоку. Мы же азиатская на две трети страна, надо повернуться на восток. Необходимо создать отделение Академии наук по типу Сибирского и на Дальнем Востоке, а также и на Урале». (Эти отделения АН были позже образованы.)

14 июня. Несмотря на мои возражения, что это не функция Секретариата – слушать отчеты хозяйственных органов, по настоянию Е.К. Лигачева была рассмотрена работа Совета Министров РСФСР по улучшению жилищно-коммунального обслуживания населения. Докладывал Н.И. Масленников. Попикировались мы с Егором Кузьмичом на этом совещании достаточно. Как «обслуживать» без средств и ресурсов, так как все зацентрализовано в союзных органах?

Лигачев начал развивать активную деятельность. Он стал напористо пробиваться вперед, используя «повышение роли Секретариата». В чем затем перестарался. Это создало для него немало проблем и конфликтов, в том числе с Н.И. Рыж-

КОВЫМ.

17 июня позвонил М.С. Горбачев. Беседа шла о текущих делах, обстановке в сельском хозяйстве. Потом Горбачев перевел разговор на государственные и политические дела. «Сколько предстоит работы! Надо собираться с духом. Наши планы – это вопрос жизни государства». И как итог беседы – вывод о том, что надо работать над укреплением кадров на разных уровнях. По сути, он готовил базу для серьезной перетряски кадров. Что и было затем сделано.

20 июня. Заседание Политбюро.

Обсуждение итогов Всесоюзного совещания 11–12 июня.

А.А. Громыко: «Критики было много. Говорили открыто. Мы честно определили – где, на каком уровне находится страна. Но и доклад, и выступления были оптимистичны. Теперь дело не в создании комиссий, а в работе партии и народа».

Н.И. Рыжков: «О существовании проблем уже говорили. Основной вопрос – кадры. Надо разобраться с кадрами, именно они обеспечивают выполнение любой программы. Кого продвинуть, кому помочь, а кого освободить. О приоритетах. Я бы определил сейчас – машиностроение. Надо подумать о совершенствовании управления. Согласен с Михаилом Сергеевичем, здесь есть вопрос».

Е.К. Лигачев: «Совещание показало, что партия не уходит от острых проблем. Решая экономические вопросы, она не оставляет в стороне социальные задачи, как в империалисти-

ческих странах, а наоборот. Главное – практические шаги. Они „стоят дюжины решений“», – напомнил он слова В.И. Ленина.

М.В. Зимянин: «Пропагандистские и идеологические кадры не имеют достаточной научной, технической вооруженности. А ведь сегодня требуется последовательное идеологическое обеспечение всех мероприятий по новой технике».

Выступили практически все члены Политбюро, секретари ЦК. Суть большинства из них – удовлетворение итогами совещания. Подняли давно назревшую, крупную проблему. Дан обстоятельный анализ, определены необходимые меры. Теперь – за работу.

М.С. Горбачев: «Согласен с товарищами. Сейчас важно не медлить, решительно идти вперед. Надо наваливаться основными силами: Политбюро, Секретариат, Совет Министров. Необходимо, чтобы высказанные на совещании идеи были заложены в пятилетний план на всех уровнях – от Союза, республики, области до района и предприятия.

Особо хочу сказать о хозяйственном механизме управления. Надо исключить то, что позволяет предприятиям уходить от ответственности за результаты своей деятельности. И еще – кадровое и идеологическое обеспечение намеченного». Подытоживая сказанное, он подчеркнул: «Сегодня нам нужны единомышленники, активные, целеустремленные, последовательные в претворении в жизнь решений

ЦК».

С 24 по 27 июня я побывал в Мордовской АССР и Пензенской области. Объехали много хозяйств в сельских районах. Посетили ряд предприятий, НИИ. Везде встречи и беседы с людьми. Проблем уйма.

М.С. Горбачев в эти дни был на Украине. Выступил **26 июня** в Днепропетровске, а **27 июня** в Киеве. Говорил, что «для решения задач ускорения необходима перестройка в деятельности всех, каждого работника». И еще: «Не рынок, не стихийные силы, а план должен определять основные стороны развития народного хозяйства». Такова была тогда его позиция, позднее он коренным образом изменил ее.

29 июня. Политбюро. Вел М.С. Горбачев.

О предстоящем Пленуме ЦК и сессии Верховного Совета СССР.

Обсуждали вопрос о Председателе Президиума Верховного Совета.

Горбачев: «С 1977 г. у нас вновь восстановилась практика совмещения постов Генсека и Председателя Президиума ВС. Этот опыт себя оправдал. Но сейчас, на этапе огромного разворота преобразований в стране, мне необходимо сосредоточить внимание на делах партии. В КПСС предстоит сделать немало, главная задача – объединить все силы народа. Поэтому предлагаю рекомендовать Пленуму и сессии на пост Председателя Верховного Совета СССР А.А. Громыко, а Генсека – членом Президиума Верховного Совета».

(Я был согласен с Горбачевым. Но подумал, что это не экспромт, а такой вариант, наверное, был предложен Андрею Андреевичу в марте, когда решался вопрос – кто заменит К.У. Черненко? Именно Громыко предложил тогда Горбачева.)

Доводы Горбачева сочли правильными. Согласились и с другими рекомендациями по составу Президиума ВС. Затем он предложил на пост министра иностранных дел Э.А. Шеварднадзе. Возражений не было.

Рассмотрели предложения о кадрах ЦК. Секретарем ЦК по вопросам оборонных отраслей промышленности рекомендовать Л.Н. Зайкова. Секретарем Ленинградского обкома – Ю.Ф. Соловьева. Секретарем ЦК – Б.Н. Ельцина, одновременно оставив его в должности заведующего Отделом строительства ЦК, в которой он работал с апреля с. г. (У меня нет в дневнике и не сохранилось в памяти, когда принимали решение об утверждении Б.Н. Ельцина заведующим Отделом строительства ЦК. Возможно, это было в мое отсутствие.)

1 июля. Пленум ЦК. Рассмотрены вопросы сессии Верховного Совета. Одобрили предложения Политбюро (о А.А. Громыко, Э.А. Шеварднадзе, Л.Н. Зайкове, Б.Н. Ельцине и др.). На Пленуме никто не выступал. Вопросов не было. На состоявшейся затем сессии Верховного Совета эти рекомендации были приняты.

5 июля. Политбюро. На этом заседании по предложе-

нию Горбачева заведующим Идеологическим отделом ЦК утвердили А.Н. Яковлева. (До заседания Политбюро Горбачев ни словом не обмолвился, что намерен взять в аппарат ЦК КПСС А.Н. Яковлева. Во всяком случае, мне ничего не было известно.)

Я знал, что до работы послом в Канаде А.Н. Яковлев двадцать лет работал в ЦК. Был первым заместителем заведующего Отделом пропаганды. Но почему-то отдел долго работал без заведующего, а А.Н. Яковлева в этой должности не утверждали. Я с ним знаком не был. Отзывы о нем слышал. Говорили, что он хорошо владеет пером – пишет выступления, доклады для руководства ЦК. В общении ровен, но держится на расстоянии. Другие оценивали его как человека сложного – себе на уме. При утверждении на Политбюро вопросов к нему не было.

На этом же заседании ПБ, то есть спустя три месяца после избрания, Горбачев внес предложения о распределении обязанностей между секретарями ЦК. Е.К. Лигачев – второй секретарь. Он же ведет Секретариат и курирует Отдел оргпартработы, работу аппарата ЦК. Н.И. Рыжков – Экономический отдел, Л.Н. Зайков – отделы оборонной промышленности и машиностроения, В.И. Долгих – Отдел тяжелой промышленности и энергетики, И.В. Капитонов – отделы торговли и легкой промышленности. В.П. Никонов – Сельскохозяйственный отдел, Б.Н. Пономарев – Международный отдел, а К.В. Русаков – Отдел сотрудничества с партиями соц-

стран, М.В. Зимянин – отделы идеологический и культуры, Б.Н. Ельцин – Отдел строительства.

С 17 по 21 июля я находился в Новосибирске и Томске.

В Новосибирске была созвана Всесоюзная конференция «Развитие производительных сил Сибири и задачи ускорения научно-технического прогресса». Докладчик В.И. Воротников.

Конференция шла два дня. Ее выводы послужили важной основой для разработки проектов перспективного развития народного хозяйства Сибири. Материалы конференции были обобщены и направлены в Госплан СССР, ГКНТ и Совмин РСФСР.

В Томской области я побывал на селе, а также в г. Томск-7 на знаменитом химкомбинате. В филиале СО АН СССР.

26 августа. В ЦК у Горбачева. Он недоволен работой Минсельхоза и Минплодоовощхоза СССР. «Министры мало активны, много нареканий с мест. Следует подумать о ценах на продукцию животноводства и хлеб. Поставлю этот вопрос на совещании в Целинограде. Нельзя дальше государству нести убытки, тем более следует повышать не только розничные, но и закупочные цены, чтобы заинтересовать крестьян». Я полностью за это. Затем он высказал пожелание в связи с моей поездкой в СРВ: «Претензий к ним много, но не надо особенно нажимать. Важно сохранять единство, подумать над расширением экономических связей – мы должны помочь им занять людей».

29 августа я вылетел с делегацией во Вьетнам. На другой день прибыли в Ханой. Вечером встреча с руководством страны: Ле Зуаном, Чыонг Тинем, Фам Ван Донгом в президентском дворце. В основном это был дружеский обмен мнениями по политическим и экономическим проблемам наших стран, внешнеполитической ситуации.

1 сентября выехали на ГЭС Хаобинь. Совместное строительство большого и сложного гидротехнического комплекса в горной местности. Важный и нужный Вьетнаму объект.

3 сентября – в Хошимине (бывший Сайгон). Из аэропорта поехали в Вунгтау. Там на совместном предприятии по добыче нефти на шельфе океана и ее переработке «Вьетсовпетро» состоялся детальный разбор хода строительства. Информация специалистов, нефтяников, взаимные претензии, прогнозы.

4 сентября в Хошимине подписали соглашение по латексу, простились с До Мьюем, который сопровождал нас, и вылетели в Москву.

5 сентября. В ЦК у Н.И. Рыжкова. (Горбачев в поездке по Сибири.) Информировал его о Вьетнаме. Проблемы сотрудничества: энергетика, нефть, каучук, цитрусовые, легкая промышленность. Рыжков попросил подготовить записку с предложениями.

Потом он повел речь о том, как организовать управление крупными регионами: Урал, Поволжье, Сибирь и другие. Говорю – стоит подумать, учесть опыт работы плановых ко-

миссий крупных экономических районов. Затем он сказал, что ряд товарищей ставят вопрос о передаче городских рынков потребсоюзу. Я возразил. Это снимет ответственность за рынки с городских властей. Как потребсоюз, работающий в сельских районах области, будет ими управлять? Зачем это надо? Поговорили также о проблемах снабжения Москвы. Система управления торговлей в городе разорвана: что в руках города, что – республики, что – Союза.

Короче, не надо торопиться, а внимательно со всем разобраться.

14 сентября мне позвонил В.В. Гришин. Без обычного менторского тона, просительно говорит, что «КНК Союза проверяет правильность приемки жилья в Москве в 1984 г., мол, есть приписки. Но почему нам, МГК, не доверяют самим принять меры? КНК требует данных от ЦСУ СССР. Нельзя ли поручить ЦСУ РСФСР „уточнить“ цифры?». Я возмутился: «О чем можно говорить, как это „уточнить“, то есть исправить липовый отчет? Это же подлог! Ведь ЦСУ РСФСР ведет учет на основании данных Москвы». В.В. Гришин вновь стал просить «разобраться».

После я позвонил в ЦСУ РСФСР П.Ф. Гужвину. Он ответил: «Дело в том, что только сейчас статуправление Москвы прислало записку и просит снять с выполнения плана 1981–1984 гг. большие объемы ввода жилья и социально-бытовых объектов. Мы не можем этого делать, ведь сейчас уже сентябрь 1985 г.». Значит, приписки были. Зачем же звонил

Гришин? Обычная манера – в Москве должно быть все хорошо. Видимо, хочет исправить ошибку, но чужими руками.

26 сентября состоялось важное заседание Политбюро.

Рассматривались проект новой Программы КПСС, изменения в Уставе партии и проект Основных направлений социального и экономического развития СССР на 1986–1990 гг. и до 2000 г.

В обсуждении проекта Программы КПСС участвовали почти все члены ПБ и секретари ЦК. Было высказано очень много замечаний, возражений. Затем М.С. Горбачев подвел итоги:

«Проект Программы в основе годится, требуются доработка и уточнения с учетом обсуждения. В документе изложен ряд новых положений. Он, по-моему, точен с теоретических позиций. Следует кое-что дополнить. Например, четче сказать об организующей роли рабочего класса, об отношениях КПСС с социал-демократическим движением, о развитии самоуправления, так как, действительно, народ должен более активно участвовать в управлении государством. Необходимо доработать раздел о социальной сфере, о том, что ожидает советских людей в перспективе. Акценты на труд, политическую стабильность, равенство наций, права человека, коллективизм. Вот важные моменты.

О высказываниях, касающихся ядерной угрозы. Они звучат панически. Не следует нагнетать страхи.

О коммунистическом движении. Социнтерн перехваты-

вает инициативу у компартий. Это надо доработать в проекте.

О сфере услуг, производственной инфраструктуре – нужно дать теоретическое обоснование их эффективности как „генератора развития экономики“. Итог – одобрить, доработать и внести 15 октября на Пленум».

По проекту изменений в Устав КПСС особых замечаний не было. Много претензий было к проекту Основных направлений. Что сказал Горбачев:

«Задачи 12-й пятилетки – важная стратегическая линия на будущее. Причем требуется продвигаться по нескольким направлениям: расширенное воспроизводство, социальные задачи, оборонные мероприятия. Под их решение необходимо подвести реальную базу. Где искать резервы? Наш национальный доход самый капиталоемкий, материалоемкий, энергоемкий. Вот где источники средств, позволяющие выходить на более эффективный путь. В этом отношении пятилетка – переломная. Но уже сейчас за счет лучшей организации, наведения порядка, дисциплины, воспитания, технических решений можно сдвинуть дело. Повсеместно бытует привычка – дай, дай! Это звучит и сегодня.

Надо удержаться, не уступить нажиму, иначе разбалансируем экономику. О росте потребления. Думаю, пока это не следует форсировать, нет реальной возможности». Согласились.

В конце заседания Горбачев сказал, что Н.А. Тихонов об-

ратился с заявлением об отставке. Дал ему слово. «Ухудшилось здоровье. Врачи настаивают. Прошу перевести на пенсию. Подчеркиваю, что обстановка в Политбюро рабочая, теплая. Ценю взаимное доверие, поддержку, но прошу – в отставку».

Горбачев: «Такое заявление делает честь Николаю Александровичу как коммунисту. Мы с ним обстоятельно обсуждали этот вопрос. Н.А. Тихонов со всей ответственностью относился к обязанностям председателя Совета Министров, отстаивал позиции правительства». Сказали добрые слова о Н.А. Тихонове и другие товарищи. Решили – освободить его от обязанностей председателя Совета Министров. Рекомендовать избрать Н.А. Тихонова делегатом на XXVII съезд и в ЦК.

На пост председателя Совета Министров М.С. Горбачев предложил кандидатуру Н.И. Рыжкова. Все поддержали. Коротко, волнуясь, сказал несколько положенных при этом фраз Н.И. Рыжков.

Решили рекомендовать Президиуму Верховного Совета (до сессии) своим указом освободить Н.А. Тихонова и назначить Н.И. Рыжкова.

14 октября в ЦК, в зале Секретариата состоялось совещание по совершенствованию управления агропромышленным комплексом. Были приглашены секретари ЦК компартий союзных республик, секретари ряда обкомов партии, ученые и специалисты ряда министерств.

Горбачев умело преподнес реорганизацию АПК. По форме вышло, что предложения внесли В.П. Никонов, З.Н. Нуриев, В.А. Карлов, так как обсуждали их записку в ЦК по этому вопросу.

С информацией выступил М.С. Горбачев: «Вопрос очень сложный, но он назрел, надо решать. Управление АПК разобщено, отрасли централизованы. Это создает большие помехи. Проблемы агропромышленного комплекса – сельского хозяйства и переработки, обслуживания зависят от местных органов. Надо наделить их основными правами. Но у кого-то взять. У кого? Отобратить власть у министерств, они консервативны, забюрократчены. Надо разукрупнить центральные органы. Ряд министерств ликвидировать. Считаю, что изложенные в „записке трех“ предложения приемлемы. Вопрос о структурах – иметь Агросектор или Агропром. Прошу высказываться».

В.П. Никонов: «Я за Агропром. Объединить шесть министерств. Четко определить права и обязанности на каждом уровне руководства. Планирование вести в общем народно-хозяйственном плане. В центре и республиках иметь не управления, а отделы в АПК. Не командовать. Дать свободу крестьянам».

Выступили секретари: Щербицкий, Кунаев, Манякин, Вайно, Гроссу, Мураховский, Усманходжаев, Пономарев, Лутак и другие.

Обоснованно, критически говорил Щербицкий, негатив-

ные моменты реорганизации подчеркнули Кунаев и Манякин. Остальные – за.

Взял слово и я с такими рассуждениями: «Минсельхоз, Минзаг, Сельхозтехнику, Минпищепром, Минмясомолпром, Минсельстрой – все объединить! От района до Москвы! Разумно ли так резко ломать? Нет, не разумно. О Минводхозе – куда его? Я против того, чтобы включать в АПК пищевую промышленность. Это самостоятельная отрасль, нельзя ее передать под опеку района. Многие ее предприятия работают не только на область, но и на республику, на страну. Теперь о Сельхозтехнике – развалится сложное, многоотраслевое хозяйство, обслуживающее село. Надо ли это делать? Строительство, в том числе Межколхозстрой, – на подъеме, идет ежегодный прирост, зачем же эту кооперативную организацию упразднить? Минзаг – это же госресурсы! Кто же будет отвечать? Отдел АПК? Абсурд. Мы в РСФСР не будем трогать Минзаг. Отдадим ему переработку зерна, хлебопечение. Но сохраним. Короче: прежде чем решать, надо еще раз все взвесить. Мне говорят, что Вайно – за, а ты против, но что для РСФСР значит пример Эстонии? Ведь это же по масштабам область России. В области такой опыт попробовать и мы согласны».

Горбачеву не понравилось мое выступление, были с его стороны и недовольные реплики. В заключение он подчеркнул, что «высказанные мысли носит в себе много лет, все продумал. Дело в том, чтобы убрать громоздкий аппарат, а

не просто провести механическое объединение. Цель – создать принципиально новые органы. Разработать нормативы. Главное – все полномочия отдавать вниз, чем выше – тем меньше показателей». Договорились – начать разработку предложений на основе записки и состоявшегося обмена мнениями.

Так началась реформа в сельском хозяйстве.

В дальнейшем практика подтвердила, что организационная ломка аграрного комплекса была чрезмерной. В районах, областях развилось местничество. Они перестали заниматься республиканскими предприятиями пищепрома. После ликвидации Сельхозтехники уровень обслуживания сельскохозяйственных машин и оборудования снизился. Позже начали восстанавливать районные объединения СХТ, кое-где воссоздали что-то вроде МТС, так как хозяйства и фермеры были не в состоянии обеспечить ремонт техники. В РСФСР сохранили Минзаг как Министерство хлебопродуктов. Строительный комплекс реорганизовали в государственно-кооперативный концерн. А позже восстановили и Министерство сельского хозяйства России. Идея АПК была в принципе приемлема, но подошли к ней с наскока, поэтому и наломали дров.

15 октября. Пленум ЦК КПСС. Повестка дня: «О проекте новой редакции Программы КПСС, изменениях в Уставе КПСС. Основные направления экономического и социального развития СССР в 1986–1990 годах и до 2000 года».

(Материал был заранее разослан членам ЦК.)

М.С. Горбачев сделал короткий доклад на 30 минут. Обосновал концепцию ускорения как суть экономической программы партии. Обсуждение было не очень широким. Никто из членов Политбюро не выступал, так как все вопросы были уже согласованы.

Приняли постановления Пленума ЦК. Рассмотрели оргвопрос.

Освободили Н.А. Тихонова от обязанностей члена Политбюро, Н.И. Рыжкова – от обязанностей секретаря ЦК в связи с назначением Председателем Совета Министров СССР. Избрали вновь назначенного председателя Госплана СССР Н.В. Талызина кандидатом в члены Политбюро. (Горбачев отправил в отставку Н.К. Байбакова.)

После Пленума, **16 октября**, ко мне в Совет Министров заходили секретари обкомов – Г.И. Усманов, Г.В. Колбин, В.С. Мураховский, И.К. Полозков, Ю.И. Литвинцев, А.Ф. Пономарев и другие. Обсуждали итоги Пленума, проблемы реорганизации сельского хозяйства. Мнения неоднозначные. На другой день: В.Н. Игнатов, В.И. Калашников, В.В. Бакатин, Ю.В. Петров, Е.М. Подольский, Ф.В. Попов. И так всегда, секретари и председатели идут в Совет Министров РСФСР за поддержкой, с проблемами и заботами. (Так что давние рекомендации Ю.В. Андропова о необходимости тесного контакта с руководством местных партийных и советских органов реализовались.)

23 октября был в ЦК у Е.К. Лигачева.

Обсуждали предложения по АПК. Согласились, что необходимо поэтапно подходить к реорганизации. Но из моих возражений он поддержал только то, что относилось к Пищепрому. Настойчиво убеждал меня, что нет необходимости создавать партийно-советские звенья в укрупненных регионах Сибири и на Дальнем Востоке (идея Горбачева). «Я согласен, что это промежуточное звено осложнит работу партийных комитетов областей с ЦК КПСС». Сказал ему, что «есть мнение Рыжкова об образовании региональных структур управления экономикой. Мы в Совмине чувствуем потребность в координации народного хозяйства больших экономических районов (Урал, Сибирь, Поволжье и др.). Такое взаимное тяготение есть и в областях. Но как это сделать? Что касается партийных структур, то в 30-е годы такой опыт был, но потом от этого отказались. Видимо, не зря».

Вечером – большая беседа с Ю.В. Бондаревым. Он возмущался, что «Союз писателей разбухает, принимаем „посредственности“ в члены союза. В то же время союз не помогает молодым талантливым поэтам, писателям, нередко их давит необъективность критики». Долго с ним говорили о недопустимости переброски северных рек и других проблемах экологии. «Особенно, – подчеркнул Бондарев, – меня беспокоят публикации в поддержку „духа времени“ – торопятся потрафить лидеру! Опять повторяется старое».

31 октября. Политбюро ЦК. «Об итогах заседания ПКК

и встречи руководителей соцстран в Софии». Информация М.С. Горбачева:

«Совещание ПКК в Софии создано после трехлетнего перерыва. Состоялся очень важный и глубокий разговор, который требует осмысления. Социалистические страны находятся сейчас на очень важном этапе развития внутренних и внешних процессов. ПКК осознал переломный характер ситуации и необходимость активизации совместных усилий в решении проблем, которые ставит время. Все задачи мы должны решать в рамках социализма. Отсутствие в последние годы необходимых контактов привело к тому, что некоторые соцстраны „занесло“, и это отрицательно сказалось на обстановке. Накануне Женевской встречи мы получили огромную поддержку наших позиций, инициатив. Согласовали единый подход наших стран. Очень активно выступали Г. Гусак и В. Ярузельский. Интересны и нюансы. Например, Э. Хонеккер выдвинул идею создания коалиции мира и разума. Т. Живков высказался против расширения контактов с ФРГ.

Вообще должен сказать, что в отношении их к СССР накопилось много проблем. По мнению Т. Живкова, „инерция будет чувствоваться, нужно время“. Все возмущались формой и существом „крымских встреч“ с Л.И. Брежневым, отмечая, что они были односторонними, не имели „обратной связи“. Основной их вывод – без СССР, без КПСС дело не пойдет. Надо и нам, ЦК, Совмину, Госплану иметь уточнен-

ную программу сотрудничества по всем линиям. Поручить подготовить ее и рассмотреть на Политбюро. Надо активнее работать с послами соцстран. Об отношениях с КНР – есть специфика, но надо налаживать отношения, приближать их к себе».

В своих выступлениях на этом Политбюро (Громыко, Шеварднадзе, Лигачев, Рыжков, Соломенцев, Алиев) в той или иной мере положительно оценили встречу лидеров соцстран в Софии и принятый там документ. Говорили о позитивной реакции к принятому у нас курсу в ряде стран Европы. Итог: одобрить деятельность делегации.

За повесткой. Горбачев стал говорить о недостатках политико-воспитательной работы в Министерстве обороны (честь и достоинство офицера, дисциплина, объективность даваемой информации, уровень боевой подготовки). Критически оценил работу Главпура.

10 ноября. В ЦК у М.С. Горбачева. Около двух часов беседовали об агропроме. Мои доводы – нельзя все перестроить одним махом. Повторяя обоснования, высказанные мною на совещании в ЦК КПСС 14 октября, развивая, детализируя их, с учетом специфики Российской Федерации, пытался переубедить Горбачева. Кое с чем он согласился. «В каждой союзной республике могут быть свои подходы. Но дело в принципе, нельзя цепляться за привычное, надо перешагнуть через него. Поверь, что все будет лучше». Я вновь стал переубеждать его. Тогда, исчерпав доводы, он заявил:

«Виталий Иванович, неужели ты думаешь, что я хочу, чтобы было хуже, а?!» Пришлось мне отступить: «Ну хорошо, будем искать приемлемые решения». Горбачев: «Вот спасибо».

Потом мы еще не раз будем обсуждать проблему организации АПК в РСФСР с ним, Н.И. Рыжковым, В.П. Никоновым и В.С. Мураховским. Споров, взаимных обвинений было немало. Что-то удалось нам выторговать. Окончательное решение приняли лишь в конце года.

14 ноября. Политбюро. Вел М.С. Горбачев.

Рассмотрели проекты плана и бюджета страны на 1986 г.

Отмечалось недостаточное внимание к проблемам в социальной сфере. За прошедшее пятилетие не были освоены государственные капитальные вложения, выделенные на строительство объектов здравоохранения и культуры на общую сумму 14 млрд рублей. Из-за низкого качества выпускаемых товаров выросли сверхнормативные их запасы в торговле. Только за счет переоценки (уценки) товаров за пятилетие потеряно 12 млрд рублей.

Горбачев стал говорить о реакции Запада на наш подход к экономике. «Кое-кто ждет провала. План очень трудный. Это так. Но надо под план подводить базу, а не под так называемые реальные возможности снижать план. Дальше будет легче, почувствуем отдачу от технического прогресса. Сейчас необходим упор на ритмичность, дисциплину, эффективность производства». Проекты одобрили.

Обсудили нашу позицию к женевской встрече с Р. Рейга-

ном 18 ноября. Решили по ее итогам информировать социалистические страны.

За повесткой. Горбачев поднял вопрос о публикации статьи в связи с 90-летием А.И. Микояна. Это предложение идеологического отдела. Громыко поддержал: «Ясный человек, выдержанный революционер, принципиальный, активный». Напомнил о его усилиях во время Карибского кризиса 1962 г. Решили напечатать статью.

28 ноября. ЦК КПСС. Совещание первых секретарей ЦК компартий, обкомов и крайкомов. «О некоторых вопросах работы партийных органов в свете современных требований, вытекающих из внешнеполитической обстановки и внутренних задач». Докладчик – М.С. Горбачев.

О чем он говорил:

«Идеи к XXVII съезду. Все ожидают его с интересом. Надо сказать, что дал партии и стране апрельский Пленум. Реализуя его установки, мы предпринимаем практические шаги во внутренней и внешней политике. Вот некоторые актуальные проблемы.

Во-первых, о женевских переговорах. Р. Рейган маневрирует, он – порождение ВПК, самого правого, реакционного крыла. Суть его мышления не изменилась. Но наш нажим, сила, мировое общественное мнение оказывают и на него влияние. Он вынужден пойти навстречу. Для него это важно и потому, что в США дело идет к выборам. Наша политика – широкая, объективная, конструктивная – дала опре-

деленный политический и экономический эффект.

Второе. ЦК правильно определил – надо идти на расширение политических, экономических, идеологических контактов с соцстранами. В прошлом между нами накопилось много проблем. Принятые меры позволили снять наслоения. Мы понимаем свою ответственность. Если дела идут хорошо – заслуга СССР, плохо – также вина Союза. Это звучало на встречах. Отсутствие необходимых экономических связей с нами толкает их в объятия Запада. Сейчас дело идет в нашу сторону, но очень трудно. Венгрия, Польша завязли глубоко. Я. Кадар говорит, что экономическая зависимость вынуждает их идти на политические уступки.

Значительная активизация европейского направления нашей политики сказалась и на советско-американских отношениях. Растет и наше сотрудничество с развивающимися странами. Ищем пути улучшения отношений с КНР, чтобы она не отделяла себя от соцлагеря.

Таким образом, мы смотрим на мир не только через призму отношений с США. Коренных изменений в отношениях с ними не произошло, хорошего от них ждать нечего. Военное противостояние сохраняется. Вывод: партийные организации должны крепко держать в своих руках оборонные дела. В народе есть сомнение: не обманут ли нас США? То есть нужно укрепление обороны. Это для нас святая святых.

О внутренних делах. Важность 1986 г. Если не пойдем, не примем меры, то сразу начнем терять позиции. Нужен упор

на темпы, интенсификацию производства, совершенствование методов хозяйствования, технический прогресс. Необходимы новые подходы и методы работы. Их надо освоить всем, всей партии.

С мест продолжает идти сглаженная информация, рапорты о победах, встречаются и приписки. Благодушные, нет самокритики. А жизнь идет не гладко. Надо повышать ответственность.

Теперь о ситуации в сельском хозяйстве. Решение о перестройке в АПК принято. Надо провести ее в короткие сроки. В Центре – только стратегические вопросы, не надо лезть в колхозы и совхозы. Это дело области, района, хозяйств – куда вкладывать деньги. Но если берешь права, то и носи ответственность. Продовольствие – это центральный вопрос политики, вопрос возможностей социализма, не только экономический».

Слушая тогда Горбачева, я был солидарен с его анализом и выводами, касающимися позиции ЦК по внешнеполитическим вопросам. Импонировали и новые подходы к решению внутренних проблем, хотя радикальная ломка в агрокомплексе меня сильно беспокоила.

Вечером в ЦК у меня состоялся трудный разговор с Горбачевым, Рыжковым, Никоновым и Мураховским. Обсуждали сначала структуру союзного АПК: отделы, подотделы, группы по отраслям. А потом наши предложения – по РСФСР. Долго спорили. Мои доводы в пользу поэтапного

управления агропромом как в Союзе, так и в Российской Федерации не нашли поддержки. Согласились на отраслевые главки в Агропроме РСФСР, о Министерстве хлебопродуктов – еще подумать. Кадровые и другие оргвопросы поручили рассмотреть у Н.И. Рыжкова.

10 декабря. Утром в Совмине СССР у Н.И. Рыжкова.

Можно сказать, это была заключительная беседа о структуре АПК в РСФСР, штатах, кадрах, отчислениях и т. д. Присутствовал и В.С. Мураховский. Я опять стал объяснять специфику республики. Они – мне возражать. Мураховский, назначенный недавно председателем Агропрома СССР, исчерпав доказательства в пользу намеченных реформ, стал длинно рассуждать вообще о неограниченных возможностях РСФСР. Я не сдержался, вспылил и наговорил ему грубостей. Постепенно все успокоилось. Николай Иванович пошел на ряд уступок, и в основном договорились. Сохранили Минхлебопродуктов, Главнечерноземводстрой, условились разрешить в республике, в АССР, краях и областях иметь (по их усмотрению) объединения пищевой и мясо-молочной промышленности. Приняли наши предложения по кадрам.

13 декабря позвонил М.С. Горбачев. Сначала он высказал мнение по некоторым вопросам плана развития народного хозяйства в 1986 г., поинтересовался, что ожидаем в РСФСР по итогам 1985 г. Я ответил. Потом перешел к основной теме. Стал говорить, что «идут в ЦК КПСС письма от москвичей, есть высказывания актива, в коллективах о В.В.

Гришине. Общественное мнение восстает против него – барство, показуха, лозунги вместо дела. Добраться до него руководителям предприятий, секретарям райкомов невозможно. Назрел вопрос о его замене. Я беседовал с некоторыми членами Политбюро. Они такого же мнения. Как ты?» Я не стал возражать. «Ну, договорились».

19–21 декабря провел в Тульской области.

Побывал на известном машиностроительном заводе имени Рябикова, в Музее оружия, где представлены образцы стрелкового вооружения со времен Петра I, охотничье, спортивное оружие. Восхищен тульскими мастерами всех времен. Затем на комбайновом заводе, в швейном объединении «Чайка» и в пригородном колхозе.

Несколько часов пробыли в «Ясной Поляне». С трепетом осматривали дом и усадьбу Льва Николаевича Толстого – этот святой для русского человека уголок. Долго стоял у его могилы – небольшого холмика на заснеженной лесной полянке. Возложил цветы.

Условились с директором музея и руководством области подготовить проект постановления СМ РСФСР для решения ряда поставленных ими вопросов по «Ясной Поляне» и городу Тула.

21-го принял участие в работе городской отчетно-выборной партийной конференции. Вечером возвратился в Москву.

23 декабря. Политбюро ЦК в кабинете у М.С. Горбачева.

Были только члены Политбюро, Разумовский и Ельцин.

Горбачев информировал, что он имел с В.В. Гришиным трудную беседу. «Виктор Васильевич неадекватно воспринимает ситуацию вокруг него. Попросил подумать. Ну а потом принес заявление об отставке». Решили – освободить от обязанностей члена Политбюро. Внести вопрос на Пленум ЦК. Вопрос о его работе в МГК рассмотрит их Пленум. (Самого В.В. Гришина на Политбюро не было.)

Генсек предложил рекомендовать первым секретарем Московского горкома партии Б.Н. Ельцина. Он не возражает. (Жест в сторону Ельцина.) Тот подтвердил. Решили – согласиться.

Затем Горбачев рассказал о письмах А.Д. Сахарова по поводу Е.Г. Боннэр. «Пишет, что она серьезно болеет. Необходимы консультация и лечение за рубежом. Просит разрешить поездку». Возражений нет.

В связи с предложением ЦК КП Грузии и поручением Политбюро обсудили в Совете Министров РСФСР вопрос об организации специальных строительных подразделений для сооружения перевалочной дороги от Орджоникидзе в Грузию, через Кавказский хребет. Эту идею, на которой настаивали и экономически обосновывали грузинские руководители – Э.А. Шеварднадзе, З.А. Патаридзе, потом сама же грузинская сторона отвергла. Дорога объединила Северную и Южную Осетию, что в условиях нарастания межнациональных противоречий грозило отторжением Южно-Осетинской

автономной области от Грузии.

1986. М.С. Горбачев набирает темпы. Идеи, новации, успех

Набранные в 1985 г. темпы активной, напряженной работы, собственно, без каких-то пауз продолжались и в 1986 г.

Уже **2 января** состоялось первое заседание Политбюро.

О ходе обсуждения проекта новой Программы КПСС и поступивших предложениях. Разговор повел М.С. Горбачев:

«Интерес к документу огромный. Его поддерживает подавляющее большинство приславших свои замечания и предложения. В общем, материал богатый. Чувствуется и определенное недопонимание некоторых положений Программы.

Сейчас появилось много политической трескотни – о социальном прогрессе, дисциплине, ответственности. А на деле перестройка пока идет медленно на всех уровнях, а кое-где и вообще никак. Думаю, следует нам устроить разговор с первыми секретарями. Подтянуть практические дела».

Слова Горбачева о том, что «...на деле перестройка идет медленно, кое-где никак», – это, по сути, одно из первых общих упоминаний в его рассуждениях о происходящих в партии и стране процессах как о перестройке. До этого в 1985 г. он иногда говорил «о необходимости психологической перестройки кадров, умов хозяйственников», считая это од-

ним из условий решения главной задачи – ускорения социально-экономического развития общества. Позже, 6 февраля 1986 г., на Политбюро при обсуждении проекта доклада на XXVII съезде он выскажется о том, что «надо перестраиваться. Мы все чувствуем такую потребность по себе».

На XXVII съезде КПСС в докладе им был провозглашен главный стратегический курс партии – «на ускорение социально-экономического развития страны», и именно в этой связи говорилось о «необходимости глубокой перестройки хозяйственного механизма, который начинается с перестройки сознания, а это прежде всего относится к кадрам».

И лишь в апреле 1986 г. (то есть спустя год после апрельского 1985 г. Пленума ЦК), выступая в Тольятти, Горбачев обстоятельно и детально изложит идею «коренной перестройки всех сфер жизни общества». Речь шла о перестройке в мышлении, психологии, организации, стиле и методах работы. И еще: «Перестройка должна охватить всех – каждое рабочее место, каждый коллектив, орган управления, партийные и государственные органы. Включая правительство и Политбюро».

Думаю, что эта глобальная идея ему была подброшена. Кем? Скорее всего, «свежим» идеологом, возвратившимся в отдел в июле 1985 г., – А.Н. Яковлевым. Такой всеохватный лозунг Горбачеву понравился, пришелся по вкусу. Именно с этого времени слово «перестройка», обозначающее процесс обновления советского общества, и пошло гулять по стране

и за ее пределами.

До середины 1986 г. по инерции сохранялась и формула ускорения социально-экономического развития страны – в печати, в высказываниях и документах. А на собраниях нередко просили разъяснить: перестройка должна обеспечить ускорение или, наоборот, – ускорение перестройку? Об ускорении Горбачев говорил и на июньском 1986 г. Пленуме ЦК, но потом общий лозунг «перестройка» заглушил этот «главный стратегический курс», провозглашенный на XXVII съезде партии.

На заседании Политбюро 2 января 1986 г. были подведены некоторые итоги работы Секретариата и Политбюро в 1985 г.

Докладывал Е.К. Лигачев. Он отметил активную и продуктивную работу Секретариата и Политбюро ЦК в решении текущих дел, обсуждении перспектив внутренней и внешней политики страны. Примерно в таком же духе высказались все участники заседания, отмечая лишь некоторые недостатки. Действительно, в работе Политбюро чувствовался подъем, активность, стремление быстрее продвигаться по широкому фронту. Бралась то за одну, то за другую экономическую проблему, стремясь решать их с помощью новых организационных форм.

Выступил в заключение Горбачев: «Состоялся обстоятельный партийный разговор. Что поучительно? Никто не может заменить ответственную, масштабную работу Полит-

бюро. Мы не можем и впредь уклоняться от острых частных или перспективных вопросов. Потенциал Политбюро заключается не только в коллективной работе, но и в личной активности, ответственности, инициативе каждого члена ПБ, секретаря ЦК. За прошедший после марта прошлого года период мы увидели лицо каждого в его делах, в работе, в связях с народом, поездках, выступлениях».

На этом заседании с критических позиций обсудили работу наших загранучреждений. Посольства малоактивны. Держим за рубежом массу представительств различных министерств. Какой толк от них? Следует упорядочить работу всех загранслужб.

Обменялись мнениями по советско-американским отношениям. Генсек говорил, что «необходимо действовать в духе Женевы. Осуществлять дипломатическое давление. США несколько приглушили критику в наш адрес, создают видимость диалога. Но реальных шагов с их стороны не было ни в Женеве, ни в Вене, ни в Стокгольме».

7 января после Секретариата зашел к Лигачеву. (Горбачев был в отпуске.) Завел разговор о том, что в Совете Министров СССР и отделах ЦК усиленно продвигается идея организации союзных министерств: автомобильного транспорта, речного флота, автомобильных дорог. Я сказал, что эти предложения активно продвигает В.И. Долгих. Он в свое время заручился поддержкой Н.А. Тихонова. Минлегпром Союза (Клюев) носится с идеей объединить у себя в министер-

стве ряд подотраслей легкой и текстильной промышленности. Настойчиво убеждает меня в важности этой затеи. Я категорически против и тех и других предложений. Они ведут не к укреплению самостоятельности республик, а к излишней централизации. Необходимо, наоборот, делегировать из Центра больше оперативных прав на места. Лигачев со мной согласился.

(Впоследствии эти намерения в ПБ и СМ не были поддержаны.)

10 января. Принял посла Франции г-на Р. Дюма. Доброжелательная беседа о традиционном советско-французском сотрудничестве. Оценка международной обстановки. (Вскоре Дюма был назначен министром иностранных дел.)

14 января. Политбюро ЦК. Вел Е.К. Лигачев.

Рассмотрели записку четырех (С.Л. Соколов, Э.А. Шеварднадзе, Л.Н. Зайков, В.М. Чебриков) и проект заявления М.С. Горбачева (он в отпуске) по поводу новых важных инициатив Советского Союза по разрядке международной напряженности. Имеется в виду опубликовать его завтра, 15 января.

Суть предложений – взаимная и полная ликвидация ядерных вооружений за 15 лет. Предусматривается: 1. За 5–8 лет вдвое сократить ядерные вооружения, достигающие территории друг друга (максимально оставить 6000 зарядов). Ликвидировать в европейской зоне ракеты средней дальности (РСД), как баллистические, так и крылатые. Прекратить

ядерные испытания. При этом поставить условие – не вести работы в США по СОИ. На втором этапе (с 1990 г. в течение 5–7 лет) – подключить к разоружению другие державы. Вначале заморозить. После 50-процентного сокращения СССР и США ядерного оружия следующий шаг – ликвидация всеми ядерными державами тактического оружия (то есть с дальностью действия до 1000 км). Все ядерные державы прекращают испытания. Запрет создания нового ядерного оружия. 2. Этот этап начинается с 1995 г. Завершение ликвидации всех видов ядерного вооружения до 2000 г. Для чего разработать процедуры уничтожения ядерного оружия и контроля над этим процессом. Помимо основных предложений мы берем на себя обязательства продлить до 31 марта мораторий на испытания – под национальным и международным контролем. И предлагаем после этого срока США также прекратить ядерные взрывы. 3. Дать импульс женевским переговорам, в том числе о СОИ. 4. Ликвидация химического оружия (под международным контролем). 5. Сокращение обычных вооружений (венские переговоры) и конференция по мерам доверия (Стокгольм) – о порядке проведения маневров с извещением и т. п. 6. Азиатский театр. Предложения по изменению обстановки в Азии. Итог – важный политический эффект и экономические возможности, которые открывает разоружение.

Таковы были наши инициативы. обстоятельно обсуждали детали этого проекта. И согласились с предложениями.

Необходимо быть готовыми и к локальным решениям. Самое главное – ликвидация РСД в Европе, это основная опасность.

Затем коснулись некоторых подходов руководства, имевших место в прошлом. Громыко и Лигачев отметили, что иногда принимались волевые решения, не согласованные с членами Политбюро. Ряд вопросов вообще был вне контроля Политбюро. Некоторые организации, ведомства, территории и лица пользовались, так сказать, особым статусом, были вне критики.

Понедельник, 20 января, мне исполнилось 60 лет. Накануне опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда.

Утром Горбачев тепло поздравил с юбилеем и награждением, пожелал здоровья, успехов. Заходили: Рыжков, Зайков, Маслюков, Афанасьев, Месяц, Лемаев, Ежевский, Ломако, Катушев и другие.

22 января, вечером позвонил Горбачев, он вернулся из отпуска. Рассказал о беседе с секретарем Кемеровского обкома. Там неважная обстановка со снабжением продовольствием. Надо им помочь. Решили взять из резерва. Потом он вновь повел разговор о реорганизации сельскохозяйственных органов. Убеждал меня в правильности принятых мер. Я ответил: «Мы серьезно подходим к проведению реорганизации, но не надо спешить. Необходимо время. Пока же на селе идет перестановка стульев, а это вредит делу. Даст ли

такой радикализм отдачу?» Он недоволен: «Надо шире, масштабнее подходить к реальным проблемам. Твои сомнения не оправданны. Уж что-что, а сельское хозяйство я знаю!» Так закончился и этот разговор.

23 января. Политбюро ЦК. Вел М.С. Горбачев.

В связи с переходом Ельцина на работу в Московский горком КПСС вместо него заведующим Отделом строительства ЦК утвердили А.Г. Мельникова – первого секретаря Томского обкома партии – по предложению Лигачева.

Вдруг Горбачев поднял вопрос о замене В.В. Федорчука – министра внутренних дел СССР. Обоснование: работает пассивно, дает мало информации, и вообще надо, мол, укрепить руководство МВД. Тогда я не понял истинную причину. Федорчука я не знал. Все согласились. Лишь значительно позже, в разговоре со мной М. Горбачев возмущенно говорил о неблагоприятной роли Федорчука в сборе компромата на него. Особенно он упирал на провокационные действия в этом деле Щелокова, но также и В.В. Федорчука.

По окончании заседания М.С. Горбачев сказал несколько слов о моем 60-летию и вручил мне награду – орден Ленина и «Золотую Звезду» Героя Социалистического Труда. Коротко поздравил А.А. Громыко. Я поблагодарил. На этом церемония завершилась без принятых ранее групповых фото и съемок телевидения.

6 февраля. Политбюро ЦК. Вел М.С. Горбачев.

Рассмотрен проект политического доклада на XXVII

съезде.

Члены Политбюро, секретари ЦК внесли ряд предложений, редакционных правок, уточнений. Горбачев сказал, что «коллективный поиск путей и способов решения огромных задач, стоящих перед партией и страной, можно считать завершенным». Важно, что ввели раздел о многомерности и взаимозависимости современного мира, с этого начинается доклад. Суть переломного момента во внутренней и внешней ситуации, тенденции и наша линия определены верно. Здесь у нас единство. То, что надо перестраиваться, мы почувствовали на себе. За словом должно быть дело. Беда в том, что даже после апрельского Пленума опять возникла новая плеяда болтунов, говорильня. Поддакивают, поддерживают, но ничего не делают. Чего-то выжидают. Чего? Надо, чтобы на съезде получился разговор, адекватный докладу, созвучный времени. А если будет разрыв? Тогда выходит, что „авангард оторвался от армии“. Надо „вытянуть уровень“ съезда. Здесь важны роль и выступления членов Политбюро». (Он явно призывал нас: поддержите меня, мне нужна поддержка съезда.)

Доклад одобрили с учетом обмена мнениями.

Рассмотрели дополнительные предложения по тексту новой программы КПСС. Тоже решили в основном одобрить.

Думаю, что работа над материалом доклада окончательно сблизила Горбачева с Яковлевым. Дело в том, что именно Яковлев по сути возглавил группу и сам весьма активно ра-

ботал над текстом доклада. Он, безусловно, не только уловил и нестандартно изложил замыслы Генсека, но и внес в доклад свои идеи, пока в общем, завуалированном виде. Надо сказать, что доклад произвел впечатление на делегатов съезда. Этим Яковлев оказал немалую услугу Горбачеву.

11 февраля. Секретариат ЦК. Вел Е.К. Лигачев.

В повестку опять набрали массу хозяйственных вопросов. По существу Секретариат подталкивает Совет Министров. Надо ли так? Чувствуется настороженность Рыжкова, он недоволен вмешательством Лигачева в дела Совмина. Какие вопросы сегодня:

О подготовке предложений по развитию производства приборов для научных исследований.

Об опыте работы Белорусской железной дороги по ускорению перевозок и ремонту транспорта.

О расширении работ по использованию в народном хозяйстве самораспространяющегося высокотемпературного синтеза (СВС).

Все эти вопросы в компетенции правительства. На Секретариате, как я уже говорил, слушали отчеты Совминов республик, министерств, разбирали технические проблемы, оперативные производственные вопросы и т. п. Говорили на Политбюро, что это не дело Секретариата, но Лигачев активно тянет на себя и хозяйственные, и организационно-партийные, и идеологические вопросы. Такие его устремления в дальнейшем обернутся против него самого.

В январе – феврале начали появляться материалы в печати, в том числе в «Советской России», «Московской правде», «Литературной газете», с критическим разнесом ряда партийных, советских организаций, отдельных лиц и ситуаций. В них были не столько критический анализ, объективный разбор проблем, предложения, как исправить положение, сколько хлесткие, иронические сентенции. А зачастую и сарказм, издевка, стремление «размазать» виновников. Об этом шла речь на Политбюро, Секретариате, в беседах с М.В. Зимяниным.

Возмущала такая беспардонность, недопустимое нагнетание страстей псевдореволюционной фразой. С другой стороны, и в ЦК, парткомах прибегали к окрику, безосновательным нотациям, поучениям. В ответ на резкую реакцию ЦК журналисты стали защищать «честь мундира». Их выпады стали еще более грубыми, что исподволь кое-кем и поощрялось. Так «демократизировалась» пресса.

18 февраля. Пленум ЦК. О проекте политического доклада ЦК съезду.

Докладчик М.С. Горбачев. Основные тезисы:

«Последние годы в стране стали нарастать трудности в экономике, в социальной сфере. Проблемы обострялись быстрее, чем их решали. Причина тому – инертность, застылость, бюрократизм. В руководстве партии и страны жила психология – улучшать, ничего не делая. Новая ситуация требует новых решений. Выработанная апрельским Плену-

мом ЦК стратегия ускорения не сводится лишь к экономическим задачам, она требует социальных перемен, преодоления застоя и консерватизма.

Задача состоит ныне в том, чтобы преодолеть неблагоприятные тенденции в экономике. В первую очередь это относится к топливно-энергетическому комплексу, легкой промышленности, инвестиционной политике. Уже в 13-й пятилетке люди должны почувствовать улучшение в снабжении продуктами. Для этого разработана программа радикальной перестройки в АПК. Надо также поддержать принцип самоснабжения (?!). Республика, область обязаны сами заботиться о себе».

Далее Горбачев изложил предложения о перестройке хозяйственного механизма. «За Центром оставить решение основных целевых задач. Самостоятельность предприятий значительно расширить. Поставить их в прямую зависимость от эффективности работы. Определить рамки прав и обязанностей на всех уровнях.

В центр работы поставить социальную политику, охватывающую все стороны жизни людей. Нужно поднять права, инициативу и ответственность Советов за положение дел на подведомственной территории. О партийно-организационной работе. Уйти от парадности, восхваления, замалчивания недостатков».

Обсуждения доклада не было. Постановили: утвердить политический доклад, проект новой редакции Программы

КПСС, проект Устава КПСС. Вынести их на рассмотрение XXVII съезда КПСС.

Также без обсуждения одобрили доклад Рыжкова «О проекте основных направлений экономического и социального развития страны на 1986–1990 годы и до 2000 года».

Пленум принял решение освободить В.В. Гришина от обязанностей члена Политбюро. Избрать Б.Н. Ельцина кандидатом в члены Политбюро, освободив от должности секретаря ЦК. Освободить К.В. Русакова от обязанностей секретаря ЦК по состоянию здоровья. Вынести ему благодарность за активную работу.

25 февраля. Начал свою работу XXVII съезд КПСС.

Политический доклад ЦК КПСС сделал М.С. Горбачев.

Содержание доклада известно, он был опубликован в печати. В этих записках, где речь идет о Пленуме ЦК, состоявшемся 18 февраля, изложены тезисы доклада, касающиеся внутренней политики.

Считаю нужным привести высказанные в докладе некоторые оценки современного международного положения.

«Метрополия империализма – это США. Оттуда идет поток одурманивающей информации. Капитализм – уродливое чудовище XX века... США пытаются, и небезуспешно, подчинить союзников своему диктату. Характерной особенностью времени является экономический монополизм. Он развивается за счет эксплуатации природных ресурсов и дешевой рабочей силы развивающихся стран. Вот где лежит ответ

на утверждения, что „рука Москвы“ виновата в социальных и политических взрывах в этих странах... Международная политика СССР носит открытый, честный, ленинский характер. Тому свидетельство – последние мирные, конструктивные инициативы Советского Союза. Вашингтонская администрация остается глухой к призывам разума».

(Такова была позиция КПСС, высказанная Генсеком в феврале 1986 г.)

На съезде с докладом «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и до 2000 года» выступил Н.И. Рыжков.

Обсуждение докладов было активным, заинтересованным.

Выступили многие члены Политбюро и секретари ЦК КПСС: Воротников, Щербицкий, Ельцин, Слюньков, Кунаев, Громько, Лигачев, Соломенцев, Чебриков, Шеварднадзе, Алиев, Соловьев и другие товарищи.

В работе съезда принимали участие делегации партий многих стран.

Съезд приветствовали: Ф. Кастро, Ле Зуан, В. Ярузельский, Г. Гусак, Э. Хонеккер, Я. Кадар, Т. Живков, Н. Чаушеску, Ж. Батмунх, Ж. душ Сантуш, К. Фомвихан, А. Куньял, Менгисту Х. Мариам, Г. Плисонье, Г. Мис, Г. Холл, Х. Самрин, Атос Фава, У. Каштан и другие гости.

Съезд завершил работу 6 марта.

На организационном Пленуме ЦК Генеральным секрета-

рем ЦК КПСС избрали М.С. Горбачева. Были переизбраны все члены Политбюро ЦК и кандидаты в члены Политбюро ЦК. Секретарями ЦК дополнительно избраны: А.П. Бирюкова, В.А. Медведев, А.Ф. Добрынин, Г.П. Разумовский, А.Н. Яковлев.

Не очень было понятно, чем вызвана необходимость иметь двух секретарей по идеологическим вопросам: Зимянина и Яковлева. Это станет ясно несколько позже. Горбачев не осмелился на Пленуме освободить от работы талантливого профессионала и уважаемого в партии человека – Зимянина. И Генсек подставил к нему своего протеже – Яковлева, который все более «обласкивал» М.С. Горбачева своими демократическими идеями. Пройдет несколько месяцев, и Зимянина отправят в отставку.

Председателем ЦК избрали М.С. Соломенцева.

Что можно сказать сегодня? Идеи того съезда в последующие годы постепенно (по основным, стратегическим направлениям) исправлялись, переиначивались, искажались как в экономике, так и в политике. Как во внутренних, так и во внешних, международных вопросах. По существу, если говорить прямо, то решения XXVII съезда были в конечном счете отброшены и на вооружение взята прозападная буржуазно-демократическая идеология общественного развития. Внешние и внутренние вдохновители и организаторы такой «перестройки», воздействуя на общественное мнение, на партию и ее лидера Горбачева (чему он, собственно, не очень

сопротивлялся), сумели переломить исторически оправданный путь социалистического развития страны.

Вечером 10 марта в ЦК у М.С. Горбачева.

Обмен мнениями об итогах съезда. Горбачев на подъеме, доволен. «Такой съезд был нужен партии. Политбюро взяло на себя историческую ответственность. Важно, что перестройка – это инициатива партии, а не стихия. Необходимо наращивать усилия. Речь идет не о кампании. Это долговременная программа. Ускорение должно охватить политические и экономические процессы. Атмосфера съезда выплеснулась в народ, на улицу. Именно о таких результатах, как помнишь, шел разговор на Политбюро. Мы должны отойти от привычных стандартов. Сейчас основная цель – реализовать решения XXVII съезда. Народ поверил нам. Это очень ответственно, мы не можем обмануть его ожидания».

Я информировал его о том, что ожидаем в первом квартале. «В сельском хозяйстве, в колхозах и совхозах дела хотя и медленно, но улучшаются. Заметные подвижки в промышленности, социальной сфере. Пока с трудом перестраивается управление агропромышленным комплексом. (Упрекнул меня: „Сам не перестроился“.) Да, это верно. Я не согласен с такой радикальной ломкой. И хотя смирился, осадок в душе есть».

Он продолжал свои размышления. «Для нас очень важен 1986 г., да и вся пятилетка. Вопрос стоит так, что если провалимся, не справимся с обязательствами, данными народу,

то проиграем борьбу за социализм, за умы людей, за авторитет партии, страны. Так серьезно стоит вопрос». Вот такими высокими историческими категориями мыслил наш Генсек. Беседа в целом была доброжелательная. Он немного посетовал на поверхностные, неглубокие выступления на съезде некоторых товарищей из Политбюро. Сказал: «Надо обновлять состав».

12 марта 1986 г. Совместно с Госпланом СССР направил в Совмин Союза предложения о необходимых мерах по комплексному освоению зоны БАМа. Строительство дороги близится к концу, а хозяйственное освоение отстает. В этих предложениях предусматривалось создание в зоне БАМа материально-технической базы сельского хозяйства для обеспечения снабжения населения продуктами. Строительство металлургического завода в Хабаровском крае (Солнечногорский ГОК) для более полного использования всех других компонентов оловянной руды. Предприятия по комплексной переработке древесины. Ускоренная разработка угольных месторождений, в частности разрез «Денисовский» в Якутии, завод ДСП и арболитовых изделий. Апатитовый и фосфорный заводы и другие.

13 марта. Политбюро ЦК. Вел М.С. Горбачев.

Основной вопрос – итоги XXVII съезда КПСС.

Высказывания Горбачева:

«Съезд оправдал ожидания партии и народа. Подтвердились слова Ленина, что самая верная политика – принципи-

альная. Это позволило нам выработать и политическую линию, и методы, способы реализации этой линии. И что важно? То, что происходит сейчас, делается по инициативе партии, а не на стихийной основе. Да, был застой, инертность и т. п., это обстоятельство было замечено партией, оценено, и приняты практические решения. В итоге поднялась активность народа – и политическая, и трудовая.

Съезд раскрыл потенциал социализма. Теперь – реализация его решений. Нельзя сегодня жить и работать, как вчера. Браться за планы 1986 г. и пятилетки. Если проиграем пятилетку, то проиграем борьбу за социализм, за умы людей, за авторитет партии, страны.

О перспективных вопросах. Каковы они? Это совершенствование хозяйственного механизма. Повышение роли Советов, более демократическая избирательная система и другие. Мы вправе быть удовлетворены итогами XXVII съезда. Он оправдал ожидания».

Следующий вопрос.

Решили по предложению Н.И. Рыжкова создать в Совете Министров Бюро по топливно-энергетическому комплексу. (До этого было образовано Бюро по машиностроению.) Так начала формироваться дополнительная бюрократическая надстройка в аппарате Совмина. Число отраслевых бюро росло, они искали себе работу – стали «дергать» министров, вмешиваться в работу министерств. Министры возмущались этой дополнительной «инстанцией».

27 марта. На заседании Политбюро очередная новация.

Обсудили предложение Госснаба (Л.А. Воронина) о переводе предприятий и КБ ряда министерств на условия снабжения через оптовую торговлю. Повод – есть сверхнормативные запасы некоторых видов продукции. Поэтому можно отказаться от практики распределения материальных ресурсов, освободить от этого Госснаб. Долго готовились. Открыли в Москве и на местах специализированные магазины оптовой торговли. Но оказалось, что при постоянном дефиците материалов, комплектующих, при строго централизованной государственной системе планирования и т. п. это «рыночное звено» внедрить невозможно. Идея Воронина вскоре провалилась.

3 апреля. Политбюро ЦК.

В Ореховой Горбачев информировал об обстановке вокруг Светланы Аллилуевой (дочери Сталина). Напомнил, что «в свое время она обратилась с просьбой разрешить ей вернуться в Союз. Такое разрешение было дано. Она приехала в Москву с дочерью. Предоставили квартиру, установили пенсию, предложили работу. Она что-то пыталась предпринять. Восстановились некоторые старые знакомства. Но вскоре затосковала, стала возмущаться то одним, то другим. Недовольна обликом Москвы. Говорит, что представляла ее не такой. „Такая Москва“ ей не нравится и т. д.

Написала письмо, просила дать возможность переехать в Грузию. Это, мол, родина моих родителей. Я хочу приоб-

щить к грузинской земле, ее людям и свою дочь. Мы, продолжал Горбачев, договорились с грузинскими товарищами, и С. Аллилуева переехала с дочерью туда. (Не помню только, в Тбилиси или Сухуми.) Шеварднадзе занимается этим делом, позаботился о том, чтобы ее там окружили вниманием, опекой со стороны творческой интеллигенции. (Присутствовавший в Ореховой комнате Шеварднадзе подтвердил это. Сказал, что на первых порах она была довольна, как говорится, ожила. Дочь определили в школу, у нее там появились хорошие товарищи. Девочка она общительная, приветливая.) И вдруг С. Аллилуева вновь занервничала, стала вести себя бестактно по отношению к окружающим. Устраивала сцены дочери. Проявилось какое-то ревнивое отношение к ней – из-за того, что та адаптировалась в Грузии, а она сама нет. И вот пишет уже не первое письмо. Говорит, что поторопилась, ошиблась, что не может оставаться в Союзе и просит разрешить выезд в Англию».

Посоветовались и решили не чинить никаких препятствий. Если С. Аллилуева хочет – может ехать. (Вскоре она покинула Союз.)

По повестке дня.

«Записка Талызина и Мураховского по вопросам мелиорации».

Я хотел напомнить, что проблема мелиорации Среднеазиатских республик и регионов юга России обсуждалась в директивных органах СССР уже много раз. В 1985 г. Полит-

бюро не возвращалось к этому вопросу. Однако Минводхоз СССР уже начал вести подготовительные работы по строительству каналов, и в СМИ вновь появились резкие публикации против переброски части стока северных и сибирских рек.

7 января я принял академика А.Л. Яншина, известного советского геолога и эколога. Он стал обоснованно доказывать порочность этой идеи. Я сказал Александру Леонидовичу, что солидарен с ним. И мы докажем, что мелиорацию земель юга России можно вести, не трогая северные реки. Сибирский вариант, считаем, вообще неприемлем.

При обсуждении 17 февраля на Политбюро проекта «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1985-1990 годы» также встал вопрос об этих реках. Решили в «Основных направлениях» не акцентировать внимание на этой проблеме. Рассмотреть проект после подготовки необходимых экономических расчетов.

И вот Политбюро обсуждает записку Госплана и АПК СССР.

Талызин и Мураховский выдвинули как главную задачу орошение земель Волгоградской, Ростовской областей. Их предложения.

Канал Волга – Чограй берет начало из реки Волги у села Соленое Займище и через Калмыкию подает 2,0 куб. км воды в Чограйское водохранилище на реке Кума. Канал Волга – Дон берет начало у г. Волжска из Волгоградского водо-

хранилища и подает 5,0–5,5 куб. км воды в Дон в районе волгодонского водораздела. Там уже ведутся работы.

Авторы записки считают, что для этих целей необходима подпитка Волги за счет северных рек. Возник серьезный спор. Я категорически возразил. «По нашим расчетам, отбор воды из Волги (суммарно) составит не более 5,5–6,0 куб. км, что можно обеспечить, не трогая северные реки. Иначе в этой зоне возникнут серьезные экологические последствия. Надо учесть к тому же, что с начала 80-х годов идет ежегодный рост баланса стока Волги. То есть начался многолетний цикл подъема, что уже грозит земельным угодьям и населенным пунктам побережья Каспийского моря. Считаю, что пока следует ограничиться строительством канала Волга-Чограй, используя для этого имеющиеся ресурсы Волги. Отбор 2,0 куб. км воды при годовом балансе 250–260 куб. км не требует никакой подпитки из рек Онеги и Сухоны. Что касается сибирских рек – Оби и Иртыша, то от этой идеи надо отказаться».

Горбачев: «Согласиться с доводами Виталия Ивановича. Сибирские реки, повторяем еще раз, – вообще не трогать».

Минводхоз продолжал доказывать правомерность своих намерений.

В июне вопрос о продолжении проектирования перераспределения стока сибирских рек и ведении подготовительных работ по северным рекам обсуждался на заседании президиума Совмина СССР.

Споры здесь носили еще более яростный характер. Мнения разные, но большинство, в том числе и я, – против. Дискуссию завершил Рыжков: «Экономически проекты не проработаны. Расчет затрат занижен. Речь только о канале и воде, а использование воды – на что? Какой эффект? Неизвестно. Вывод. Тему сибирских рек прикрыть. Каналы из Волги прорабатывать, но без варианта переброски северных рек».

Это решение в августе 1986 г. одобрило и Политбюро ЦК. (Я подробно остановился на этой проблеме еще и потому, что в 2002 г. вопрос о сооружении канала в Сибири вновь поднял Ю.М. Лужков.)

4 апреля принял Г.А. Ягодина – Минвуз СССР. Он многословно убеждал в необходимости коренной реформы высшего образования. И как «важнейшее условие» реформы предлагал объединить все вузы в единую систему Госкомобразования. «Это не дело, – доказывал он, – что высшие учебные заведения МПС, Минкультуры, Морфлота и т. п. не входят в систему Минвуза СССР». Я возразил ему: «Есть отрасли с особой спецификой. Нельзя отрывать вузы от МПС, морского флота, например. Там их база, учат студентов на судах, железных дорогах и т. п. Или как можно, скажем, консерватории, ГИТИС, студии МХАТа, Малого театра, имени Вахтангова оторвать от театров? И зачем вам это?» Далее он заговорил о создании базовых (элитных) вузов. О создании региональных центров в областях и т. п. Сказал, что надо осмыслить, не торопиться ломать. Это легко. Сложнее по-

строить. В общем, инициатив реформировать образование всегда было достаточно.

10 апреля. Политбюро ЦК.

Горбачев долго и обстоятельно говорил о своих впечатлениях от поездки в Куйбышевскую область. «Не предполагал, что это такой крупный промышленный и сельскохозяйственный центр. Большая концентрация рабочего класса. Мощное машиностроение, нефть, химия. Куйбышев – пролетарский город. Активность трудящихся высокая. Все выплеснулось на улицы. Народ полностью поддерживает линию партии. Но явная пассивность областного руководства.

ВАЗ в Тольятти – технологические и экономические новации, но уже Минфин им ставит палки в колеса. Современнейшие станки выпускает станкозавод. Высочайший уровень и культура производства на оборонных заводах. И убогая, устаревшая технология на предприятиях легкой промышленности. Очень поучительная поездка».

О предложениях по реформе высшей школы. «Материал сырой, надо доработать и смотреть еще раз. Не надо торопиться создавать суперминистерство. Стремиться объять в центре все и вся. Давайте еще раз посмотрим. И масса запросов. Их следует соизмерить с реальными возможностями».

Стоит сказать несколько слов о выступлении М.С. Горбачева в Тольятти, оно имеет принципиальное значение. Этот материал в печати был озаглавлен «Быстрее перестраиваться, действовать по-новому».

И по-моему, именно здесь, в Тольятти, он высказался за комплексный подход к перестройке как обновлению всех сторон жизни нашего общества. Определил ее как решающее условие претворения в жизнь планов партии. «Надо начинать прежде всего с перестройки в мышлении и психологии, в организации, стиле и методах работы... Если мы сами не перестроимся... то не перестроим и экономику, и нашу общественную жизнь в духе съезда...»

Подчеркиваю, что под перестройкой он понимал и провозглашал именно реализацию решений XXVII съезда партии. Вот база, основа перестройки. Какой смысл в этот термин был вложен им и его окружением позже? Там ничего от XXVII съезда не осталось.

24 апреля. Политбюро ЦК.

О ходе обсуждения итогов XXVII съезда КПСС в партийных организациях.

Горбачев рассуждал о проблемах перестройки. «Дело движется, есть и результаты, растет интерес и активность людей, но процесс идет медленно. Говорят, нужно время. Да, нужно. Но сколько? Для решения каких задач? Много разговоров, говорильни. Идет поток бумаг с мест (особенно в Агропроме). Ведь для того, чтобы навести элементарный порядок, не надо много времени. Необходимо больше внимания к конкретной работе. Не нужно зря дергать людей. Работа аппарата идет часто вхолостую, обюрокрачена. В государственных структурах надо сократить аппарат и начать с ЦК.

Многое зависит от кадров. Это большой и принципиальный вопрос. Видимо, следует нам провести Пленум ЦК о работе с кадрами».

Так начался подход через проблему кадров к другим принципиальным организационным и идеологическим вопросам, которые позже, в январе 1987 г., были обсуждены на Пленуме ЦК.

28 апреля. Утром сообщили, что в 10:30 внеочередное заседание Политбюро ЦК. Повестка дня: авария на Чернобыльской АЭС.

(Накануне, 27-го, я узнал, что на АЭС в Украине произошла авария, но достоверной информации у меня не было.)

Горбачев: «На Чернобыльской АЭС ночью в субботу произошла тяжелая авария. Выведен из строя четвертый энергоблок. Об этом стало известно в ЦК и Совете Министров в 5 часов утра 26 апреля. Правительственная комиссия под председательством Б.Е. Щербины находится на месте аварии. Информация противоречивая».

Предоставил слово В.И. Долгих:

«Мне ночью 26 апреля позвонил Фролышев – зам заведующего Отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС и сообщил, что по докладу директора АЭС Брюханова примерно около 2 часов ночи на четвертом блоке при проведении каких-то опытных работ произошла авария. Был взрыв, пожар. Разрушены конструкции четвертого блока. Есть жертвы. Пожар потушен. Но якобы реактор не пострадал, его за-

глушили.

Я, – продолжал Долгих, – сразу поставил в известность М.С. Горбачева, Н.И. Рыжкова. Решили образовать комиссию во главе с Щербиной, зам Председателя Совмина. Первая группа специалистов вылетела в Чернобыль (через Киев) в 9 утра, вторая группа – члены комиссии – вылетела в 16:00, а Щербина, находившийся в это время в Сибири, добрался до Чернобыля лишь поздно вечером. Там находятся Майорец, академик Легасов, представители Минсредмаша, проектных институтов.

Ночью на 27-е в Москве стало известно, что авария значительно тяжелее, чем информировали сначала. Поврежден реактор. Резко возрастает уровень радиоактивности. 27-го принято решение об эвакуации населения из поселка АЭС г. Припяти. Подключены отряды ГО и МВД. Приняли меры для завала реактора – идет его засыпка песком, свинцом». Вот таково примерно было сообщение Долгих.

Возникли вопросы. В чем причина? Никакой ясности. Говорят, проводились какие-то эксперименты перед остановкой блока на ремонт. По просьбе комиссии решили подключить Минсредмаш, ядерщиков из Челябинской области, от А.П. Александрова, Минобороны и всех, кого нужно. Дать предложения о первоочередных мерах для ликвидации последствий аварии. Позаботиться о людях. Поддерживать постоянную связь с Щербиной. Завтра информировать Политбюро. Дать сообщение в печати от Совета Министров Союза.

На этом обсуждение закончили.

29 апреля, снова в 10:30 Политбюро ЦК.

Более обстоятельная информация Долгих:

«Обстановка на АЭС катастрофическая. Реактор фактически разрушен. Идет активный выброс графита. Температура ядерного топлива в реакторе растет. Уровень радиации необыкновенно высокий. Получили большую дозу облучения и госпитализированы свыше ста человек. Они отправлены в Москву, помещены в больницы Третьего управления Минздрава СССР. Радиоактивность распространяется. Первая (очень предварительная) схема после замеров: языки радиоактивных выбросов обнаружены в северо-западном, северном и южном направлениях. На расстоянии 4–5 км от Чернобыльской АЭС.

Предложения, принятые на месте комиссией совместно с учеными и специалистами:

1. Продолжать заброс реактора: песок, бор, свинец.
2. Детальное обследование и дезактивация территории. Санитарная обработка и эвакуация людей.
3. Контроль воздушной среды. Направление потока воздуха меняется. Разнос неравномерный. Необходимо расширить поиск и проверку уровня радиоактивного заражения.
4. Образовать постоянную группу связи с Чернобылем.
5. Ограничение зоны до 10 км по радиусу. Контроль въезда.
6. Комиссию Щербины необходимо на днях менять, так

как набрали большую дозу радиации. Использовать вахтовый метод работы комиссии».

Затем заслушали информацию: Госгидромет – Израэля, ГО СССР – Алтунина, Минздрав – Буренкова, МПС – Гинько, Генштаб ВС – Ахромеева, АН СССР – Александрова, МВД – Власова.

Суть объяснений А.П. Александрова. Авария небывалая, аналогов нет. АЭС типа РБМК. Помимо внешней радиоактивности, самое главное – не допустить контакта ядерной массы с водой. Расплав идет вниз (там под реактором, под мощной бетонной плитой расположен бассейн с водой). Тогда – гремучий газ и катастрофа. Требуется срочное решение.

При обсуждении предъявлены серьезные претензии к ГО, Минздраву. Дезактивация организована плохо, примитивно. Нет оборудования и материалов. К зоне сильного загрязнения радионуклидами нельзя подойти. Нет защиты людей и техники от радиации. Недостаточно четко организована проверка состояния и медобработка людей.

Горбачев: «Предложения комиссии поддержать. Образовать в Москве оперативную группу Политбюро для осуществления координированных работ всех ведомств и регулярного рассмотрения предложений и просьб комиссии. Оперативная группа: Н.И. Рыжков, Е.К. Лигачев, В.М. Чебриков, С.Л. Соколов, В.И. Долгих, А.В. Власов. Да, давайте еще включим в ее состав В.И. Воротникова, – добавил

Горбачев, – наверняка будет нужна помощь от РСФСР. Для обеспечения информации подключить А.Н. Яковлева. (Собственно, он и обрабатывал тексты официальной информации об аварии для печати.)

Ю.А. Израэлю – ускорить обследование территории и воздуха. Дать карту загрязненности. С.П. Буренкову – сделать все для обследования людей в зоне и лечения. Дать объективную информацию в печать и за рубеж, в том числе МАГАТЭ – направить 30 апреля».

Вечером 29 апреля первое заседание группы Политбюро по Чернобылю. Участвовали: Ахромеев, Алтунин, Израэль, Александров, Буренков и др. И пошла работа – тяжелейшие проблемы. На этом заседании Ю.А. Израэль сообщил, что стало меняться направление ветра. Пошли северо-восточные и восточные потоки. В Смоленской области в воздухе отмечается повышенная радиация. Но ее уровень пока не опасен. Израэлю поручено расширить зону наблюдений.

30 апреля, утром на Президиуме Совмина РСФСР образовали республиканскую оперативную группу во главе с В.К. Гусевым. Затем я связался по ВЧ со Смоленском (Клименко), Брянском (Вой строченко), Калугой (Улановым), Калининском (Татарчуком), Псковом (Пушкаревым) и др. Рассказал о сообщении Израэля и просил проинформировать, какова обстановка в областях. В Пскове и Калининском все нормально. В Смоленской и Калужской областях отмечено небольшое повышение уровня радиации в воздухе. Прибы-

вают люди из зоны ЧАЭС. Идет их обследование и обработка. В Брянской области выявлено несколько пятен на поверхности почвы. Очаги локализованы. Я сказал, что при Совмине образована оперативная группа, надо регулярно ее информировать об обстановке. Создать и в областях свои комиссии. Обеспечить контроль обстановки и принятие необходимых мер.

О результатах разговора с руководителями областей доложил Рыжкову, сказал, что обнаружено некоторое повышение радиации в отдельных точках Брянской, Калужской и Смоленской областей. Необходимо меры по обследованию принимать совместно с Госкомгидрометом.

Заседания оперативной группы Политбюро шли на первых порах практически ежедневно. Порядок работы был такой. Информация из Чернобыля об обстановке (была установлена прямая связь с правительственной комиссией, которую поочередно возглавляли Щербина, Силаев, Воронин, Маслюков и другие заместители Председателя Совета Министров СССР). Они докладывали о мерах, принимаемых на месте. Высказывали свои предложения о дальнейшей работе и необходимой помощи от центральных министерств и ведомств. Здесь же – согласование программы работ с учеными и специалистами институтов Академии наук, Минсредмашем, другими организациями.

Сразу же давались указания, принимались решения, определялись сроки и исполнители. (Вел заседание Н.И. Рыж-

ков.)

Какие были основные вопросы?

1. Госпитализация и лечение пострадавших, обследование, дезактивация и эвакуация населения из зоны радиоактивного заражения (сначала в радиусе 10 км, а затем 30 км вокруг АЭС). Обеспечение необходимыми медикаментами, оборудованием, средствами защиты и т. п. Развертывание медицинских отрядов в районах радиоактивности.

2. Глушение очага радиоактивных выбросов – кратера разрушенного ядерного реактора четвертого блока АЭС – путем заброса песком, свинцом, бором (по состоянию на 2 мая было сброшено такого груза более 5 тысяч тонн).

3. Принятие мер по снижению температуры расплава ядерного топлива в реакторе (она там была около 2500 градусов Цельсия и затем снизилась до 300 градусов) с целью предотвращения проникновения его вниз и соединения с резервуаром с водой. Откачка воды и сооружение шахтным методом мощной бетонной охлаждаемой плиты под реактором.

4. Не допустить радиоактивного заражения Припяти и подпочвенных вод. Обваловка берега и сооружение защитной многокилометровой шпунтовой стенки.

5. Дезактивация территории АЭС и всех районов радиоактивного загрязнения в УССР, БССР, а затем и в РСФСР, где загрязнение было выявлено позднее.

6. Организация охраны зоны, пропускного режима, железнодорожного объезда. Обеспечение вахтового метода ра-

боты большого числа привлеченных рабочих и специалистов.

7. Размещение, бытовое обустройство и трудоустройство населения, эвакуированного из загрязненной зоны.

8. Меры контроля качества продуктов, обеспечение чистыми продуктами. Порядок ведения сельскохозяйственных работ в зонах невысокого радиоактивного загрязнения и много других проблем.

Уже **7 мая** стал вопрос о том, как обеспечить консервацию четвертого блока по завершении работ. О конструкции и методах сооружения саркофага для длительной, на десятки лет защиты заглушенного реактора.

Вот такая небывалая беда обрушилась на нашу страну.

Предварительно причина аварии была определена как грубое нарушение правил эксплуатации АЭС руководством и персоналом станции. Позже выявились просчеты и недостатки в конструкции реактора, в средствах безопасности, допущенные проектировщиками. Безответственность в вопросах взаимодействия при эксплуатации атомных электростанций между Минэнерго и Минсредмашем.

Особое возмущение вызывало то, что по существу не была разработана ни государственная, ни отраслевая программа действий в ситуации, которая возникла вследствие катастрофы на АЭС.

Все инженерные решения, организационные меры принимались спонтанно, в невероятно сложных условиях. Счет

шел на часы и минуты. Выявилась несостоятельность и отсутствие необходимых возможностей борьбы с последствиями катастрофы со стороны органов гражданской обороны, Министерства обороны, на первых порах Минздрава, Госкомгидромета, органов власти на местах.

8 мая. Политбюро. Вел М.С. Горбачев.

Решили рассмотреть опыт оборонных отраслей по обеспечению качества изделий. Информация Ю.Д. Маслюкова.

Он рассказал, что на предприятии забота о качестве начинается с входного контроля материалов и комплектующих изделий. Наряду с требованиями к исполнителям, их ответственности работает система стимулов за высокое качество. Оценка качества идет по всей цепочке от проекта до готовой продукции, по всему технологическому циклу. ОТК и приемка заказчика вооружены объективными средствами контроля и т. п.

И вот после такого краткого, но всеобъемлющего по своей сути объяснения всего комплекса мер, гарантирующих высокое качество оборонной продукции, при обсуждении на Политбюро был выхвачен один момент. Важный, но далеко не единственный. Поднять роль Госстандарта в обеспечении качества. Стал вопрос, что для этого нужно. Ответ – ввести государственную приемку на предприятиях и санкции за низкое качество.

Я выступил против госприемки. «Это будет подмена и ОТК, и исполнителя. Качество создается в производстве.

Контроль только констатирует результат. Разве в этом дело? Причем и Госстандарт к этому не готов, ведь наши стандарты (ГОСТы) отсталые. Надо их поднять на современный уровень. Затем отработать проекты, технологии, документацию, определить, как обеспечить соблюдение технологической дисциплины, иметь средства объективного контроля».

Но на Политбюро пошла речь в ином плане. Госприемка – вот выход! Поручили – подготовить предложения.

Далее. Об инициативе Ленинграда о дальнейшей интенсификации промышленного производства и переходе на двухсменную работу. Горбачев ухватился за эту идею. Суть – за счет максимального использования станочного оборудования ускорить, так сказать, его оборот, быстрее и даже принудительно заменять устаревшее, обновлять его новым, более высокопроизводительным. Выгода: сокращаются средства на ремонт оборудования, высвобождаются дополнительные производственные площади, и, следовательно, не надо строить новые производственные корпуса. Вот такая была нарисована заманчивая картина.

Правда, переход на двухсменную работу требовал решения и социальных вопросов: изменения режима работы больниц, детских учреждений, городского транспорта, организация питания и т. п. Стали ссылаться на опыт НРБ, ГДР и других социалистических стран. (Вообще – напали на золотую жилу. Такие строили планы!) Решили: одобрить инициативу ленинградцев и развернуть самую активную работу по

распространению этого опыта. Так родились еще две новые инициативы в пакете «частичных» экономических мер: госприемка и ускорение обновления активной части основных средств. Обе они вскоре заглохли.

13 мая. Большой Кремлевский дворец. Съезд кинематографистов.

Открыл съезд один из ветеранов кино, известный кинорежиссер из Ленинграда Е.И. Хейфец. Начало довольно спокойное. Пошли выступления – Баталов, Шенгелия и др. Остро, критично, но без перехлестов. (Я был на съезде до 14 часов.)

Вечером и на следующий день на съезде разгорелись страсти. Был поставлен вопрос об изменении организационных форм кинематографа, о материальной и творческой самостоятельности киностудий. Ряд представителей так называемой демократической интеллигенции резко выступили против идеологии и практики социализма в Советском Союзе, против руководящей роли КПСС. Это было начало конфронтации деятелей культуры.

Съезд шел три дня. Руководителем союза кинематографистов вместо Л. Кулиджанова избрали Э. Климова. Полностью обновился и весь состав правления. Так «молодые, талантливые, горячие» одержали победу. Горькой оказалась впоследствии эта победа и для них, и для нашей кинематографии. Однако съезд дал толчок, спровоцировал аналогичный подход, оценку положения и выводы на состояв-

шихся позже съездах некоторых других творческих союзов. Эта «демократическая волна» расколола творческие организации. Мнимая свобода обернулась буквально бедствием для подавляющего большинства актеров, режиссеров, писателей, художников и других деятелей культуры.

15 мая. Политбюро ЦК.

В Ореховой. Информация Горбачева о письмах из Казахстана: «Идет поток жалоб на неправильное поведение Кунаева. Окружил себя земляками. Везде его люди. Неумное восхваление его личности. Коррупция. Требования к ЦК разобраться в обстановке в республике. Необходим анализ ситуации в Казахстане». Сказал, что дал поручения.

По повестке. Повторно рассматривали проект постановления об усилении борьбы с нетрудовыми доходами. Договорились – в принципе одобрить. Затем конкретное решение примут Совмин СССР и Президиум Верховного Совета.

Необходимость усиления борьбы с нетрудовыми доходами: спекуляция, сдача в наем помещений, посреднические услуги и др. – была продиктована возмущением населения. Но на местах методы борьбы принимали подчас уродливые формы. Привлекали к ответственности не тех, кого стоило бы. То же и по индивидуальной трудовой деятельности. Ставили цель – расширить возможности бытового обслуживания населения. А на практике опять – запреты, заслоны и т. п. В итоге и то и другое решения не дали желаемых результатов.

22 мая на Политбюро Горбачев поставил вопрос о требовании руководства и народа Узбекистана. Отменить решения ЦК и СМ об увековечении памяти Ш. Рашидова. «В республике вскрылось много злоупотреблений, взяточничества, коррупции и т. п., о которых он знал и прикрывал виновных». Согласились. Поручить рассмотреть руководству республики и доложить ЦК.

Заслушали информацию Рыжкова об обстановке вокруг ЧАЭС.

«Госкомгидрометом была представлена очередная уточненная карта радиоактивной загрязненности местности. Она уже сильно отличалась от первоначальных. Определелись две основные зоны. Первая – около 900 кв. км с загрязнением более 20 миллирентген в час. Вторая – около 200 кв. км с загрязнением от 5 до 20 миллирентген в час. Значительно удлинился язык радиоактивности на запад, мощное пятно на северо-восток и частично на юг. Предложено из первой зоны полностью вывести население. Из второй – вывод временный, возможно на 5–6 месяцев. Всего речь идет о 33 населенных пунктах в УССР и 40 – в БССР. Общая численность 15 тысяч человек». (О территории РСФСР тогда вопрос не стоял. Такое требование появилось лишь в июле.) Подытоживая сказанное, Рыжков указал на требование Госкомгидромета и Мин здрава полностью закрыть зону Чернобыльской АЭС радиусом 30 км для доступа.

Предложения были одобрены. Горбачев поручил подгото-

вить постановление ЦК и Совета Министров со всеми рекомендациями и мерами, касающимися ситуации вокруг ЧАЭС.

За повесткой. Горбачев поднял вопрос о положении в Афганистане. (До этого там произошла смена лидера НДПА. Не без усилий советского руководства был «отозван» в Москву Б. Кармаль. Его авторитет в Кабуле резко упал. Генсеком НДПА в начале мая избрали М. Наджиба. Характеризовали его положительно.) Горбачев заявил: «Надо серьезно подумать, как выходить из афганской ситуации. Вопрос стоит очень остро для нас во внутреннем плане – население Союза обеспокоено этой войной, несем потери, накладно в экономическом отношении. Также и во внешнем плане – нас представляют агрессорами. Дело это непростое. Как достойно выйти из этой ситуации?» Насколько я помню, именно тогда и был поднят вопрос о возможном выводе войск. Горбачева поддержали все товарищи из Политбюро.

С 27 мая по 1 июня находился с делегацией в МНР на XIX съезде МНРП.

В первый день состоялась беседа делегации с членами Политбюро и секретарями МНРП во главе с Ж. Батмунхом.

28-го начал работу съезд МНРП. С отчетом ЦК выступил Ж. Батмунх.

Мне было предоставлено слово первому из гостей для приветствия.

31 мая. Встреча один на один с Ж. Батмунхом. Обсужде-

ние ряда направлений сотрудничества. По поручению Горбачева я поставил перед Ж. Батмунхом вопрос о сокращении советских войск в Монголии. Нет нужды держать в МНР такой контингент. Он отнесся положительно, заявив, что эта акция сейчас будет одобрена народом.

В Улан-Баторе мы побывали на предприятиях, посетили НИИ животноводства, осмотрели достопримечательности города.

Во время съезда имел беседы с И. Сабо – ВСПР, К. Барчиковским – ПОРП, С. Тодоровым – БКП, Х. Камачо – КП Кубы, П. Матичем – СКЮ.

20 июня. Очередное заседание Политбюро ЦК.

О мерах по повышению роли и усилению ответственности Советов за ускорение социально-экономического развития страны. Идея Горбачева:

«Что обеспечит перестройку? Правильная научно обоснованная внутренняя политика, включение в работу всего народа. Как? Через хозяйственный механизм – в экономику. Теперь же через Советы необходимо включить народные массы в политический процесс. Это определенного рода призыв к политической активности масс. Ранее робкие попытки были, но толку мало, так как они были половинчаты, непоследовательны. Почему? „А не подорвем ли авторитет партии, дав Советам все права?“ Вот в чем была суть. Все строилось на партийном давлении, партийной ответственности. В Советах права были урезаны. Сейчас – попытка рас-

крыть потенциал Советов, дать им возможность управлять на подведомственной территории.

Решение должно соответствовать концепции XXVII съезда. В этом смысле представленный проект надо доработать. Так, планирование и использование ресурсов в подведомственных хозяйствах отдать Советам полностью.

Возникает вопрос. Готов ли аппарат Советов к дополнительным правам? Надо заинтересовать и материально. Нужны, конечно, и новые юридические, правовые нормы для истинной демократизации. Гарантии? В партийном руководстве – это надо даже усилить в проекте».

Вот так начала продвигаться идея демократизации Советов, передачи им властных функций. Принятое, после доработки, постановление было полумерой и не решало целевой задачи. Эта идея была реализована через формирование новых государственных структур, через политическую реформу. Уже с конца 1987, в 1988-1989 гг. политические реорганизации отвлекли внимание от экономических реформ. Без подготовленной правовой и экономической базы, без учета традиций, особенностей страны такой радикальный поворот от экономики к государственно-политическому реформированию – одна из основных причин разрыва горизонтальных и вертикальных связей, как государственных, так и хозяйственных структур в стране. Именно это породило политическую нестабильность, экономика стала заложницей политики. Такая мера подтолкнула союзные республики к деклара-

циям, а потом и действиям за самостоятельность, независимость, суверенитет. Здесь корень и межнациональных конфликтов.

На этом заседании было рассмотрено предложение о привлечении оборонных предприятий к изготовлению современного оборудования для технического перевооружения легкой и пищевой промышленности. Так, исподволь, начался неподготовленный процесс конверсии.

3 июля. Политбюро ЦК. Вел М.С. Горбачев.

Доклад Б.Е. Щербины о причинах Чернобыльской катастрофы:

«Исходная причина – неудовлетворительная программа экспериментов и затем ошибки эксплуатационного персонала. Обстановка безопасности. Случаи отказов и сбоев были и ранее, но не получали должной оценки. Программа экспериментов была разработана Ростовским институтом Гидропроект и не согласована с соответствующими органами Союзатомэнерго и Минсредмаша. Были две попытки проведения экспериментов и раньше, но не доведены до конца. Директор и заместитель главного инженера по науке в подготовке программ не участвовали. Выбрали неудачное время для проведения опыта – ночь с пятницы на субботу. Смена персонала была в 24:00. Эксперимент начали примерно 26 апреля в 1:00. Решили совместить испытания теплоэлектрической части энергоблока с проверкой реактора на вибрацию. Поэтому реактор перед испытаниями не был остановлен. Ав-

томатическая система защиты была заблокирована (кто это сделал – неизвестно).

Время взрыва – 1 час 23 минуты 42 секунды. До этого уже была ситуация, когда требовалось остановить реактор, но этого не сделали. Налицо серия непростительных нарушений.

Ошибки эксплуатационников – да. Но они наложились на серьезные недостатки конструкции. Расчетный коэффициент возможного развития мощности – коэффициент реактивности – на практике оказался значительно выше, чем заложено в проекте. Это прямая ошибка в расчетах. Заключение по конструкции: реакторы являются потенциально опасными. Авторы: институт имени Курчатова (Доллежалъ, Емельянов). Межведомственный Совет при АН свои функции не выполнил. Госатомнадзор – работал пассивно. Положение о правах и ответственности этого комитета составлено неудачно. Минэнерго – обстановкой на АЭС не владеет. Все внимание министерства на экономические показатели работы АЭС, а не на обеспечение безопасных условий. Связь Минсредмаша и Минэнерго недостаточная».

После выступали: Брюханов (директор АЭС) – о проведении эксперимента не знал. Мешков (заместитель министра среднего машиностроения) – вина эксплуатационников. РБМК – конструкция нормальная, необходимо только изменить отдельные детали. Шашарин (заместитель министра энергетики) – РБМК требует серьезной доработки. Дальней-

шее сооружение их следует прекратить. Кулов (Госатомнадзор) – безопасность реактора к техническим нормам, существующим в стране, привести невозможно. Но при строгом соблюдении эксплуатации можно обеспечить безопасность. Славский (Минсредмаш) – вся вина в том, что не надо было проводить эксперимент. Реактор РБМК – хорош, работает стабильно уже 30 лет. Дело в исполнительской дисциплине. Александров (АН) признал, что требуется доработать конструкцию, чтобы ликвидировать положительную реактивность РБМК. Но эксплуатировать их можно с соответствующей предварительной и затем окончательной доработкой. В принципе надо ужесточать требования АЭС по безопасности. Майорец (Минэнерго) с выводом комиссии согласен. Легасов (АН) – реактор РБМК международным и отечественным требованиям не соответствует по ряду параметров. В Институте ядерной физики основа – физическое направление – последнее время была ослаблена. Привел убедительные примеры разобщенности, нескоординированности деятельности самих подразделений института и связей с другими научными центрами.

Затем выступили члены Политбюро.

Горбачев:

«Это пока первое рассмотрение на Политбюро. Сейчас только оценки и поручения. Мы понесли огромные потери: физические, экономические, политические. Запад пытается дискредитировать нашу страну, технику, науку, произ-

водственные возможности. Но нельзя согласиться и с технически упрощенным подходом, благодушными настроениями, которые проявились в выступлениях некоторых товарищей на Политбюро. Произошло чрезвычайное событие. Мы несем ответственность за оценку и обоснованность выводов и решений по этой аварии. Вызывает огорчение и недоумение такое препирательство руководителей ведомств. Это недопустимо. Нужна правдивая позиция. Авария – следствие недостатков в эксплуатации, производстве и строительстве, научно-технических решений, в управлении. Вот комплекс проблем, породивших аварию. Предложение комиссии следует принять.

О конкретной ответственности: Брюханова, Шашарина, Емельянова, Мешкова, Кулова – всех освободить от работы. Майорца – наказать. Славскому, Александрову – указать.

Дать правдивую оценку катастрофе и конкретные, многоплановые рекомендации о дальнейшей работе с АЭС. Сейчас основное внимание – ликвидации последствий аварии.

Об итогах работы Политбюро опубликовать сообщение тогда, когда будет отработан проект (два-три дня). Надо отметить людей, работавших героически». Согласились.

4 июля. Продолжительная беседа у Горбачева в ЦК.

Обсудили с ним обстановку в сельском хозяйстве. Прогноз урожая низкий (валовой сбор зерновых по РСФСР составит примерно 105–107 млн тонн). Он: «Необходимо максимально собрать зерно в Сибири. Надо кому-то поехать ту-

да?» Я: «Побываю сам». – «Хорошо».

Об использовании всех сверхплановых заготовок продуктов животноводства на местное снабжение в области. (Мухомовская идея. Ее Горбачев поддержал.) Я не согласен: «Нельзя республике жить и не иметь резерва для поддержки Севера и промышленных центров. Может быть, повременить и начать с 1987 г.?» Он – согласен.

Горбачев поделился впечатлениями о пребывании в Варшаве. «Обстановка в Польше сложная. Войцех Ярузельский пока пользуется авторитетом. Но растет движение Леха Валенсы – „Солидарность“».

Затем он заговорил о недавнем заседании Политбюро по Чернобылю: «Е.П. Славский – неадекватно воспринимает реальную ситуацию, то же и А.П. Александров. В Институте ядерной физики обстановка сложная. Яркая фигура – В.А. Легасов, он лично сделал больше всех для ликвидации катастрофической ситуации на ЧАЭС. Умный и принципиальный ученый. Высокоэрудированный, интеллигентный человек».

С 14 по 18 июля находился в Западной Сибири.

Цель – оценить состояние посевов зерновых и прогнозы урожая.

В Омской области – Таврический, Павлоградский, Русско-Полянский районы, на границе с Казахстаном. Хлеба в хорошем состоянии. Затем НПО «Колос», спецхоз «Лузинский». В Омске посетил НПО «Полет». Зашли на рынок, в

некоторые магазины. Провел совещание областного актива по проблемам сельского хозяйства.

В Курганской области. Проехали по полям хозяйств нескольких сельских районов, завершив Щадринским. Там полдня провел у Терентия Семеновича Мальцева, великого агронома – полевода, как он себя называет, академика и удивительно простого, доброго человека. Хлеба у него отличные. Отвел душу в долгих беседах с ним по проблемам села – переживает старик за неполадки в стране, что молодежь тянет в город: «Кто же будет трудиться на земле?»

Использовал возможность и в Кургане побывал в НИИ ортопедии и травматологии у профессора Г.А. Илизарова, этого чудесника медицины. В завершение поездки провел совещание с активом в обкоме партии.

23 июля у М.С. Горбачева.

Информировал его о впечатлениях от поездки. Пока виды на урожай в Западной Сибири хорошие. Хуже обстоит дело в Поволжье и областях Черноземья. Обсудили меры по развитию базы жилищно-коммунального хозяйства. Он согласен: «Подготовь проект постановления на ПБ».

Затем. Заседание Оперативной группы Политбюро.

Рассмотрели записку Госкомгидромета, Минздрава и Минобороны. Наряду с вопросами по зоне ЧАЭС они считают необходимым ужесточить нормативы допустимой радиоактивности в других районах загрязнения радионуклидами; в этой связи о дополнительном выселении жителей из 49 на-

селенных пунктов в БССР, УССР и впервые – в РСФСР, в Брянской области. Поручено рассмотреть эти предложения с Советами Министров союзных республик и доложить.

Утром на следующий день – оперативная комиссия СМ РСФСР.

Проинформировал о вчерашнем заседании. Решено срочно направить бригаду специалистов в Брянск и параллельно готовить предложения совместно с Госкомгидрометом, Минздравом, строителями, Агропромом и другими ведомствами здесь, в Москве.

11:00. Политбюро в Кремле.

Разбор деятельности редакции журнала «Коммунист».

Позже стало ясно, что «новые» идеологи в ЦК решили прибрать журнал к рукам с помощью Горбачева. За что он критиковал редакцию? «Слаба основа теоретического анализа современных процессов. Философские вопросы сегодняшнего дня, исторические аспекты развития партии, экономический механизм – все это не находит отражения в журнале. Ученые не дают на них ответа. Идеологическому отделу ЦК и Секретариату детальнее вникнуть в работу редакции».

Обсудили предложение Мураховского об изменении системы учета и реализации мясопродуктов, закупаемых у населения и поступающих в госресурсы. (Рыночные фонды не устанавливать, а определять только поставки в союзный фонд. Остальное – как хотят.)

Говорю: «Сейчас лишь 27 областей поставляют мясопродукты в союзный фонд, а 69 – по разрядке Совминов республик – в другие, в основном промышленные области и края, находящиеся на дотации. Как быть с ними? Кто обеспечит поставки им?» Это ваше дело – таков ответ.

Несмотря на возражения дотационных республик, а также УССР, РСФСР, Москвы, Ленинграда, под напором «новаторов» решили – надо в принципе поддержать. Я не согласился с этим решением.

Мои доводы:

«Что это даст? Раньше закупки мяса и молока у населения проводили через потребсоюз и они реализовались в области как дополнительные ресурсы к выделенным рыночным фондам. Сейчас эти закупки ведут колхозы и совхозы, и они входят в зачет плановых закупок. Таким образом, хозяйства вместо развития собственного животноводства легко выполняют план, скупая скот у населения. Это не только не прибавило, а сократило объем мясопродуктов, реализованных в госторговле и на рынке. Я это прогнозировал. Госагропром все-таки решил по-своему. Что вышло? Бумажные игры. Проценты выполнения плана закупок выросли, а мяса не прибавилось.

Теперь предлагают следующий шаг – перестать планировать рыночные фонды. Уже сейчас области-поставщики срывают не только республиканские, но и союзные поставки. Дотационные области оказались в трудном положении. Разве

можно сравнить объемы сверхплановых закупок, например, в Воронежской и Куйбышевской областях. При равном проценте перевыполнения плана областные прибавки мяса к рыночным фондам будут равны 3:1. Вот результат «системы самоснабжения».

Рассмотрели вопрос о качестве телевизоров, выпускаемых заводом «Экран» Минрадиопрома СССР в Куйбышеве (инициатива Горбачева, побывавшего там). Он решил на этом примере «проучить» министра. И на Политбюро стал грубо, оскорбительно поучать П.С. Плешакова, одного из лучших министров-оборонщиков, крупного ученого, недавнего руководителя большого КБ – разработчика новейших бортовых и наземных радиосистем. Было очень неловко всем. Это Политбюро выбило Петра Степановича из колеи.

30 июля. Совещание в СМ РСФСР по Брянской области. Были: Израэль, Буренков, Щепин, Ильин, Ермин, Табеев, Горшков, Трубилин, Потапов, а также Поручиков (председатель Брянского облисполкома) и Зеболов (секретарь Брянского обкома партии). После длительного, обстоятельного обсуждения приняли рекомендации Минздрава, Госкомгидромета, согласованные с руководством Брянской области. Эвакуировать четыре села (3-я зона): Княжевщина, Н. Мельница, Барсуки и Прогресс; в десяти селах (1-я и 2-я зоны): установить строгий режим питания и ведения сельскохозяйственных работ. Им и остальным селам 1-й и 2-й зон выделить дополнительные фонды на чистые продукты.

(Вот еще пример того, что республике необходимо иметь резерв!) Согласованные предложения были направлены в Совмин СССР.

С 7 по 9 августа находился в Калининской области.

Опять цель – сельскохозяйственная тематика. Посетили хозяйства Конаковского, Раменковского, Кашинского районов. Совхозы неплохо обустроены. Идет уборка, урожай ячменя низкий, как и других зерновых. В селе Верхне-Троицкое зашли в дом-музей М.И. Калинина. Беседа с жителями, старики помнят Михаила Ивановича по-доброму.

В Калининском побывал на двух текстильных комбинатах. В обкоме провел совещание по организации уборки урожая зерновых.

14 августа. Политбюро ЦК.

Об итогах поездки М.С. Горбачева на Дальний Восток. Он отметил: «Значение региона огромно. Цивилизация продвигается к Тихому океану. Интересы США и западных стран там большие. Необходимо и нам по-новому посмотреть на Дальний Восток. Экономическое и политическое значение региона – там создан немалый производственный и научный потенциал. Но реализуются возможности плохо. Промышленность развивается однобоко, много социальных проблем даже в Комсомольске, даже на оборонных заводах. Отстает сфера обслуживания. Надо поработать с Министерством обороны над тем, чтобы открыть Владивосток. Совмину Союза и РСФСР, Госплану разобраться и готовить постановле-

ние ЦК по Дальнему Востоку и по БАМу». Я подал реплику: «Открытие Приморья сулит немало проблем. Следует поработать их, прежде чем принимать решение».

О прекращении проектных работ по переброске части стока сибирских и северных рек. Поставили крест на этой проблеме.

Об организации Министерства атомной энергетики СССР. Принять.

О мерах по совершенствованию хозяйственного механизма в строительстве. Сократить управленческие штаты на 50 %. Образовать республиканские министерства и полностью замкнуть строительство в союзных республиках. Кроме РСФСР, здесь четыре общестроительных министерства пока сохранить как союзные, имея в виду затем передать их также в республику.

За повесткой. Высказался Горбачев: «На местах люди считают, что борьба за дисциплину, с негативными явлениями притупилась. Многие вспоминают Андропова. Ослабла требовательность, критика. Печать замалчивает недостатки. Некоторым партийным комитетам демократия не по вкусу – привыкли править. Ослаблен спрос с хапуг, бюрократов, выпивох. Задача – не сходить с принципиальных позиций. Идем к Пленуму по кадрам. Это особенно важно. Кадры партии должны перестраиваться. В поездках – факты показухи. Контакты с людьми заорганизованы. Люди готовы участвовать в перестройке, но уже говорят: „Не пойдет ли это на

спад?“ Так как стиль местных организаций не меняется. Консерватизм. Нужно идеологическое и пропагандистское обеспечение наших инициатив. Недопустим разрыв между словом и делом. Надо делать упор на местные партийные организации».

Говорил Горбачев горячо, возмущенно. Хотя не со всеми его оценками можно было согласиться. Обсуждение он не открыл.

22 сентября. Политбюро. Собрались в Зале Секретариата ЦК.

Горбачев (после отпуска) информировал, что «сейчас главное – предстоящая встреча с Р. Рейганом в Рейкьявике». Какова обстановка? Состоялась беседа Шеварднадзе с Рейганом (был и Шульц) в течение часа. Р. Рейган передал письмо М.С. Горбачеву. В нем основная тема – разочарование после Женевской встречи.

Шеварднадзе добавил: «В беседе постоянная тема – права человека. Они особо просили не допустить утечки информации о содержании письма Р. Рейгана к М. Горбачеву, а сами по сути уже „пустили“. Наше мнение: встречу в Рейкьявике ускорить, так как Рейкьявик – это наша инициатива и шанс».

Рассуждения Горбачева: «Правые круги США не хотят снижения напряженности. Стремление – не дать нам осуществить нашу политику, как внешнюю, так и внутреннюю. Сорвать или затормозить социальные, экономические и другие меры, осуществляемые в Союзе. Наша задача – не выпускать

инициативу. Рейкьявик – это шаг в решении задачи».

25 сентября. Политбюро ЦК.

«Об актуальных вопросах перестройки».

Горбачев: «Политика ЦК народом поддержана. Она обеспечивается на уровне штабов, как хозяйственных, так и партийных, советских. (Вот когда, собственно, прозвучал его тезис „бить по штабам“.) Политический вывод – не останавливаться на полпути. Люди ставят вопросы остро, но без демагогии. Хотят разобраться во всем. Поэтому перестройка должна быть в центре нашей работы. Она должна охватить все сферы.

Вызывает беспокойство работа министерств. Минтяжмаш держит права, не дает ходу предприятиям. С.А. Афанасьев не понял перестройку до конца. Минпромсвязи – то же самое. Минстройдормаш – вроде готовится к реформе, но ничего не делает. Где же наша стратегия? Чем занимается комиссия Талызина? Где экономические ведомства? Где отделы и секретари ЦК, заместители Председателя Совета Министров?

Противники перестройки объединились в крике, чтобы дискредитировать, опорочить наши меры, посеять неудовлетворенность в народе. Конечно, дело не в политической оппозиции, ее у нас нет, а дело в консерватизме, косности мышления. Политбюро надо рассмотреть вопрос о ходе экономического эксперимента в промышленности. Собрать всех в Свердловском зале и разобраться.

Теперь. Об активизации деятельности трудовых коллективов. Институт философии (по информации А.Н. Яковлева) провел опрос. В успех реформы верят 44 % ИТР и 38 % рабочих, а 15 % вообще не знают о сути эксперимента. Надо ускорить разработку закона о предприятии. Нужен закон, направленный на перспективу, а не на сегодняшнее состояние. Агропром не понял сути идеи преобразования. На местах стали создавать укрупненный вариант РАЙЗО. Управлять должен Совет РАПО, а не председатель.

О партии. Все зависит от партии. Надо сокращать заседания, бумагу, справки, бригады проверок и „помощи“. Больше решать проблемы на местах. Основа – вопрос о кадрах. Если человек не верит, не может, не чувствует нужду и потребности людей – освобождать. Парторганизации не всегда объективны в оценках недостатков, не самокритичны. Все это требует глубокого анализа. Упор – на местные органы!

Вывод. Идти вперед, анализировать, активно решать проблемы».

Настоящий разнос устроил Генеральный секретарь. Эмоционально, с нажимом, угрозами. Не всегда объективно, но... самоуверенно. Такой метод накачек стал далее системой.

О создании Всесоюзной организации ветеранов войны и труда. Иметь структуры на всех уровнях – от Центра, республик до района, завода и т. д. Отнеслись положительно.

За повесткой. Горбачев: «О радиопередачах Би-би-си,

„Голоса Америки“ и других. Надо прекращать глушение. Это прямо относится к „третьей корзине Хельсинки“». Возражений нет.

29 сентября. У М.С. Горбачева.

Он информировал, что встреча в Рейкьявике состоится 11-12 октября. Долго обсуждали сельские проблемы. Уборку закончим за семь-восемь дней. Валовой сбор зерна будет 116–117 млн тонн, сдадим – 41,5 млн.

30 октября. Политбюро ЦК. Вел М.С. Горбачев.

«Проект государственного плана экономического и социального развития СССР и государственного бюджета на 1987 год».

Докладывал Н.И. Рыжков.

Широкое обсуждение: Лигачев, Долгих, Щербицкий, Воронников, Слюньков, Талызин и др. Немало критики, уточнений.

Горбачев: «План сформирован трудно. Осложнен внутренними проблемами и внешней конъюнктурой. Но база есть – план 1986 г. будет выполнен. Проект можно одобрить. 1987 год особый – 70-летие Октября. Нужно по-иному построить доклад на сессии (меньше цифр, довести суть узловых проблем). Дать возможность оценить проект плана Академии наук, ВЦСПС. Во главу угла – вопросы технического прогресса. Второе – социальная программа. Она не проста. Не допустить срыва.

На реконструкцию и техническое перевооружение напра-

вить 44 % капиталовложений, на 25 % сократить новое строительство. Финансовое положение в стране трудное. Денежная масса растет, а товарные ресурсы отстают от этого роста. Нужно жить по средствам. Не вносить новых постановлений ЦК, требующих затрат, не обострять финансовые проблемы».

31 октября. Продолжение заседания Политбюро.

О результатах расследования аварии теплохода «Адмирал Нахимов» и мерах по обеспечению безопасности морского судоходства. Это была совершенно нелепая ситуация, приведшая к тяжелейшей трагедии. Погибли сотни людей. Виновных – под суд.

О реакции на пресс-конференцию Г. Коля. (Статья в американской газете «Ньюсуик». Оскорбительный выпад в адрес М.С. Горбачева – сравнение с высказываниями Геббельса.) «Дать ответные публикации и направить ноту».

13 ноября. Политбюро ЦК.

«Итоги рабочей встречи руководителей партий стран – членов СЭВ».

Горбачев доволен:

«Встреча очень продуктивная, откровенная, конструктивная. Концепции ускорения, перестройки, человеческого фактора поддержаны ими. Наши оценки КПСС, ее роли и места нашли понимание. Согласились с тем, что следует укреплять связи в области партийно-организационной работы, культуры и идеологии, международных отношений. Вве-

сти в практику регулярные встречи секретарей ЦК по этим вопросам.

Шел разговор о необходимости серьезной перестройки деятельности СЭВ, ее совершенствовании. Они готовы сотрудничать, но больше на двусторонней основе. Поддержана друзьями идея о совместной встрече с участием стран Европейского сообщества (СЭВ и ЕЭС). Высказались за разработку специальной программы.

О 70-летию Октября. Решили теоретического документа не создавать. Но подготовить обращение к партии, ряд крупных пропагандистских мероприятий. Провести, например, неформальную встречу компартий, демократических и прогрессивных движений „Октябрь и мир“ или „Ленин и мир“. Они поддержали.

Позиция Румынии, особенно по международным вопросам, часто не совпадала с общим мнением».

Горбачев подчеркнул особую полезность бесед с Ф. Кастро, Г. Гусаком, В. Ярузельским, Я. Кадаром. Предложил содержание нашей политики по отношению к братским партиям довести до КПСС, может быть, информировать на очередном Пленуме ЦК. Политбюро одобрило итоги совещания.

Об обстановке в Афганистане. Вести дело к свертыванию военных действий. Затем постепенный вывод войск. Необходимы два года. МИДу направить записку послу Ю. Воронцову.

20 ноября. Политбюро ЦК. Вел М.С. Горбачев.

Об итогах совещания в ЦК по госприемке. Информация Вольского. Он рассказал о трудностях, сдерживающих организацию госприемки: не дают кадры в эту систему, медленно идет подготовительная работа. Предложил сократить ОТК и усилить аппарат госприемки. Подал реплику Рыжков: «ОТК надо сохранить, не отрывать от завода. Использовать опыт военных представительств на оборонных заводах».

Началось обсуждение. Выступил и я: «Качество обеспечивают: проект, техническая документация, технологическая дисциплина, организация труда, ответственность и заинтересованность исполнителя. Нельзя обеспечить качество, контролируя конечную продукцию. Неужели это не понятно тем, кто знает производство? Госприемка – это надуманный, бюрократический аппарат. Он ничего не даст». Меня поддержал Маслюков, отчасти и Зайков. Другие за госприемку.

Горбачев: «Надо предвидеть политические и социальные последствия принимаемых нами решений. Неприятие на местах госприемки – следствие неподготовленности. Нужно готовить людей, общественное мнение для реализации наших решений. Они должны видеть, понимать их полезность. Надо сейчас активнее вести подготовку производства, документации, оснастки, инструмента, кадров с тем, чтобы начинать уже сейчас, а с января официально ввести госприемку. Надо готовить и новые ГОСТы – это верно».

За повесткой. Горбачев информировал о негативных на-

строениях в Казахстане по отношению к Д.А. Кунаеву, что у него растет конфликт с Н.А. Назарбаевым. «Надо подумать о вариантах замены Кунаева».

1 декабря. Срочное совещание у Горбачева.

Были члены Политбюро, а также: Добрынин, Яковлев, Медведев, Ахромеев. О чем шла речь?

О созыве Пленума ЦК по кадровой политике.

М.С. Горбачев: «Время наиболее приемлемое – это конец декабря или начало января. Подготовить тезисы ЦК и разослать членам ЦК поскорее. Курс на ускорение – это неотложное требование проявляется еще более остро. Проблемы и трудности сейчас, особенно после XXVII съезда, стали проявляться в большей мере, чем предполагали. Начиная с партии и далее в экономике, в обществе – в духовной и идеологической сфере. Не изживается застой, консерватизм, благодушие, инертность. Снизу нарастает политическая и общественная активность. Что должно быть на Пленуме? Нужно ответить на вопрос – почему не везде понимают нашу политику. Речь идет об активе, коммунистах. Многие считают, не слишком ли мы требовательны, не спешим ли с новыми мерами. Надо разъяснить ЦК, чем это вызвано, что в настоящее время требуется, обосновать кадровую политику. Экономика, особенно технический прогресс, очень важна, но на Пленуме не сводить дело только к этому. Связать кадровую политику с социальными проблемами, идеологической работой, деятельностью административных органов. Вот это –

основная концепция доклада.

Обстановка в связи с нарушением США договора ОСВ-2.

Усиливается линия „давления на Советы“. Администрация США уже отбрасывает внешний камуфляж в угоду ВПК. Причины в основном внутренние, так называемый „ирангейт“. Нужна наша ответная реакция. Думаю, пока на уровне правительства. Их ссылка на нарушение нами договора – провокация, повод для оправдания позиции силы. Необходимо серьезная политическая оценка этих действий США как деструктивных шагов с их стороны. На фоне Рейкьявика еще более раскрывается истинная суть политики Рейгана. Теперь от нас ждут не только слов, но и действий в ответ на эту демонстрацию.

Может, – рассуждал Горбачев, – пока стоять на позиции политической борьбы? Наши контрдействия дадут им основание обвинить и нас, что-де мы этого и ждали! Думаю, сейчас надо сделать все, чтобы побудить сенат, конгресс повлиять на президента, на невыход США из ОСВ-2. Может быть, помимо заявления правительства дать послание комиссии Верховного Совета, включить печать, органы информации. Так?

Дальше. Что имеем вообще в отношениях с США? Надо более полно разобраться в ситуации в Америке. Скоро у них выборы, определяется отношение к администрации. Таким образом, с одной стороны, наше разочарование, мы таких действий и ждали, с другой – надежды. Возьмите наши куль-

турные контакты – реакция отличная. В то же время замалчивание наших политических выступлений, охота за подписчиками „Советской жизни“ со стороны ФБР. То есть нужен анализ. Поручить МИД, МО, КГБ, ЦК проработать и доложить. Необходимо осмотреться и по другим регионам».

Выступления участников совещания.

Добрынин: «Выход из ОСВ-2 – это попытка погасить критику, недоверие к президенту. Кризис в администрации имеет не внутренний („Уотергейт“), а внешний характер. Они хотят спровоцировать СССР и на этом фоне „объединиться народом с президентом США“».

Громько: «О США. Империализм не созрел, чтобы принять политическое решение о разоружении. Он боится соревнования с социализмом. Думаю, что „кризисной ситуации“ вокруг президента нет. Они ищут „козлов“. Переговоры с ними надо вести обязательно. Иначе это пойдет на руку ВПК».

Рыжков: «На Пленуме надо честно сказать ЦК, почему требуется через кадры выйти на эти проблемы. Дело не в амбициях руководства, а в объективной необходимости». О США – поддержал Горбачева.

Лигачев: «Нельзя сбросить со счетов огромную работу, проделанную предыдущими поколениями. Но в то же время нельзя не видеть застоя. 15 лет нет движения. Теперь – заостенелость сверху и чехарда с кадрами в среднем и нижнем звеньях. (Пермь, Казахстан, Украина.) О СОИ. Почему на-

роды мира должны страдать из-за нее? Связать надо разоружение и развитие. Ввести в переговоры новые силы».

Чебриков: «Необходимо высказаться на Пленуме по национальным вопросам. Осмыслить кадровую политику. Есть ряд негативных тенденций. Уровень образования кадров растет, казалось бы, это позитивный фактор, и в то же время, особенно в интеллигентской среде, немало „копания, возни, сопоставлений“ и т. п. Этот вопрос очень важный. Может, следует действительно практиковать обмен кадрами между национальными республиками».

Воротников: «Постановление Пленума должно быть политически острым и конкретным. Следует иметь в виду, что народ, конечно, поддерживает перестройку, но ждет и результатов. Прошло уже полтора года. Успехи незначительные. Есть нарекания на снабжение отдельными видами продуктов и товаров. Местные органы часто воспринимают проблемы с иждивенческих позиций.

Об отношениях с США. Об уступках – так называемых наших „шагах“ – надо очень внимательно отнестись и к их шагам. Чтобы не звучало как наша уступка их силовым приемам. Хотя контакты, приглашение к диалогу должно быть».

Шеварднадзе: «На Пленуме надо оценить негативные явления в партии и стране. Процесс идет сложный. По существу в партии была допущена девальвация ценностей. (Реплика М.С. Горбачева: «Но надо начинать с партии».) У нас у всех сидят сомнения, не теряем ли мы свой престиж, раз-

вивая демократические начала. Это надо преодолеть.

О США. Не утрачивать контакты. Но давать отпор, это обязательно. Об уступках. Их не было – по сути. Это были дипломатические уступки».

Яковлев: «Считаю, что авторитет КПСС сейчас не падает, а растет. Показатель – рост подписки на партийную печать (кроме „Литературной России“). Идет активная теоретическая деятельность. Надо развивать пропагандистскую работу. Крупной пропагандистской акцией должно быть 15 января – год со дня наших мирных инициатив. Причем следует объединить усилия, активизировать пропагандистскую работу с акцентом не на „мы“, а на „все“».

Заключение Горбачева:

«Итак. О позиции США. Дать заявление правительства СССР. Подготовить предложения о практических шагах с учетом новой ситуации. Поручить это членам Политбюро: Шеварднадзе, Чебрикову, Зайкову, а также Ахромееву и др., в том числе и анализ на будущее.

О Пленуме. Тезисы сделать и рассмотреть их на Политбюро.

О полемике с Бонном (он имел в виду реакцию на выступление Г. Коля) – мы дали им здорово. Пока на этом остановимся».

В конце совещания Горбачев поднял вопрос о А.Д. Сахарове: «Есть его письма. Спокойный тон, понимание своей роли как носителя важной государственной тайны. Прось-

ба его – о содействии в лечении Е. Боннэр. Мы согласились. Нам надо решить основной вопрос – о возвращении в Москву. Как это сделать? Поручить Г.И. Марчуку переговорить самому или попросить близких к Сахарову академиков в личном плане. Передать ему о доброжелательном отношении руководства, возможности возвращения в Москву, к активной научной деятельности и т. п. Достаточно его слова – не ставить вопрос о выезде. Так? Договорились».

Затем, по прошествии недели, может быть, больше, Г.И. Марчук рассказал о положительной реакции Сахарова на предложение. В середине декабря Горбачев позвонил Сахарову в Горький. Состоялся доброжелательный разговор. «Не пора ли вам возвратиться к более активной научной деятельности в Москве?» Сахаров согласился с тем, что не будет ставить вопрос о поездках за рубеж. Он выразил удовлетворение беседой и предложением возвратиться в Москву. Так была прекращена эта затянувшаяся «ссылка».

4 декабря. Заседание Политбюро ЦК.

Об итогах визита в Индию М.С. Горбачева.

«В международной политике акценты смещаются в Тихоокеанско-Азиатский регион. Важна здесь роль Индии и как одного из лидеров Движения неприсоединения, с позиции антиимпериалистической направленности ДН. Укрепление наших отношений имеет стратегическое и геополитическое значение. Индия объединяет страны региона и с точки зрения противодействия устремлениям США, экспансии Паки-

стана. Наши отношения уникальны и с политической и экономической сторон. Договоренности достигнуты очень важные, если их реализуем, это будет сильный прорыв в регион. Особо – личность Р. Ганди – умный, эрудированный политический деятель, патриот, тонко чувствующий попытки США прибрать к рукам, обыграть Индию. Он поверил в реальность нашей перестройки, в экономические преобразования у нас. Может, нам придется поступиться связями с другими странами в пользу Индии».

Одобрили текст заявления правительства СССР в связи с тем, что США нарушают договоренность по ОСВ-2.

11 декабря. На Политбюро Горбачев информировал о заявлении Д.А. Кунаева. Просит освободить от работы (возраст, здоровье). Михаил Сергеевич рассказал о беседе с Кунаевым, тот якобы негативно охарактеризовал Н.А. Назарбаева, считает, что нужно избрать первым секретарем ЦК КП Казахстана русского. Решили просьбу об отставке поддержать, по предложению Горбачева рекомендовать Пленуму ЦК КП Казахстана Г.В. Колбина (работал в Свердловске, в Грузии, сейчас первый секретарь Ульяновского обкома партии).

Рыжков доложил проект закона о социалистическом предприятии.

«Вводится выборность руководителя, декларируется единоначалие и демократическое управление (совет трудового коллектива), связь с Советами и профсоюзами, хозрасчет,

самоокупаемость и т. п.».

Обсуждение было неоднозначным. Возникли вопросы. Что такое выборность? Какова роль министерства – утверждать решение коллектива или оно окончательное? О СТК. Какова их связь и отношения с профсоюзными комитетами, ведь они заключают колдоговор с администрацией. О самоокупаемости. Какая окупаемость по нынешним ценам? Все сырьевые отрасли на дотации. И другие подобные вопросы.

Горбачев: «Возникло много вопросов. Нужно подходить к этому закону не только с экономических и технократических позиций. Необходимо политическое и теоретическое осмысление. Цель – реализация трудового потенциала страны через демократизацию управления экономикой. Объединить личные интересы с интересами социалистического общества. Надо правильно определить соотношение различных сторон демократического централизма на современном этапе. Решая задачу с предприятиями, важно зафиксировать и место Центра (Госплан, Минфин и другие министерства). Что они могут, а что не могут делать по отношению к предприятию. О соотношении государственной и социалистической собственности, которая передается предприятиям. Кто хозяин, как им владеет? Место общественных организаций? Не найдено. Получается, что выше всех СТК. Надо еще поработать над этим проектом».

Решили – отложить. Хотя Горбачев вначале и пофилософствовал, но уловил и практические проблемы в этом проек-

те. Однако пройдет время – этот закон будет принят и нанесет большой вред экономике, усилит политическую нестабильность в стране.

17 декабря. Мне позвонил М.С. Горбачев.

Рассказал, что Пленум в Казахстане прошел спокойно. Первым секретарем ЦК КП избрали Г.В. Колбина. Обстановка нормальная.

Спросил мое мнение о своей статье, которую разослал членам ПБ, она будет опубликована 19-го. Ответил, что послал свои замечания: «Позитивные моменты изложены, по моему, сдержанно. Это правильно. Следовало бы еще обратиться к оценке недостатков в прошлом: объективнее сказать, что было хорошо – то хорошо, что плохо – то плохо. Охаивать прошлое – грешно. Немного сократил бы раздел о текущих делах». Он помолчал, сказал – «ладно». И попрощался.

18 декабря. Очередное Политбюро ЦК.

До начала в Ореховой. Информация Горбачева о событиях в ночь на 18 декабря в Алма-Ате (по сообщениям оттуда):

«Толпа на площади, много молодежи. Несогласие с решением Пленума ЦК КП Казахстана об избрании Г.В. Колбина. Хулиганские действия. Попытки спровоцировать чисто националистические проявления по отношению к русским со стороны студенческой молодежи. Ответные меры – только блокирование площади. Число митингующих – около 2,5 тысячи человек. Произошли стычки. Есть пострадавшие, в

том числе и среди внутренних войск МВД. Поджоги автомобилей и магазина.

Ночью собрали в Алма-Ате актив 700 человек, то же на ряде предприятий. Призвали к противодействию негативным проявлениям, стабилизации обстановки. В других регионах республики относительно спокойнее. Определяется, кто руководит „возмущением“, – в основном из интеллигенции, сотрудники обкома, телевидения, преподаватели вузов.

Кунаев сам считал, что в республике нет достойного кандидата на пост первого секретаря. Но, по непроверенной информации, инициаторы выступлений – это его окружение. Говорил с Димашем Ахметовичем, он намекает, что инициатива – председателя Совета Министров Назарбаева (не думаю, считает Горбачев), он, мол, рвался к власти.

Сейчас, 18 декабря, площадь блокирована. Но вокруг около полутора тысяч человек. Толпы и в других районах города (около 5 тысяч). Подбрасывают идею массовой демонстрации в субботу и воскресенье».

После обмена мнениями с членами Политбюро вышли в зал заседаний. Горбачев кратко изложил суть вопроса. И продолжал:

«Необходимо локализовать конфликт. Важно избежать жестких мер. Но поручить МВД (Власову) все-таки подтянуть дополнительные силы.

Кунаев деморализован, безынициативен. Главное – не отождествлять негативные националистические проявления

с казахским народом. Подготовить объективную информацию в печать». Решили направить в Алма-Ату от Политбюро Соломенцева, Власова и Лушева.

Вечером позвонил Горбачев по селектору мне и другим членам Политбюро. Сказал, что «беседовал с Колбиным. Обстановка стала лучше. Был разговор и с Кунаевым – предупредил об ответственности, просил вмешаться в ход событий. Думаю, это поможет». Зачитал текст сообщения для печати. Согласились.

25 декабря. Политбюро ЦК. Вел М.С. Горбачев.

О порядке создания совместных предприятий с участием советских и иностранных организаций, фирм и органов управления. В принципе – поддержать. Но проработать: уровень рентабельности, процент прибыли, налогообложение, режим, условия и оплата труда наших рабочих.

Горбачев: «Решение о совместных предприятиях необходимо. Но условия должны предусматривать как наш интерес, так и интерес партнера. Продукция должна иметь экспортную направленность. Внимательно смотреть социальный аспект. Подготовить общественное мнение». С учетом обсуждения – проект доработать.

1987. В перестройку включились «свежие силы». Туда ли мы идем?

Это был насыщенный событиями, в некоторой степени даже рубежный год. Именно тогда начался крен перестройки вправо. Однако в 1987 г. в стране в определенной мере еще проявлялись положительные тенденции. Выросли экономические показатели в промышленности, хотя и медленно, со сдвигами, но разворачивалась работа по техническому перевооружению предприятий, по повышению качества продукции. Просматривались реальные подвижки в социальных вопросах, в производстве товаров для населения, в строительстве жилья. Начались, хотя и со скрипом, с издержками, преобразования в системе управления, в частности в сельском хозяйстве, в промышленности. Был принят ряд документов, расширяющих права предприятий, местных органов. Постепенно шли к децентрализации управления, разгружая верхние эшелоны власти.

Таким образом, в 1985–1987 гг. при всех имевшихся проблемах, допущенных ошибках, поспешно принятых и потом не всегда себя оправдавших решениях налицо был фактический подъем в развитии народного хозяйства и повышении уровня жизни народа. В 1987 году стал ускоряться процесс демократизации, люди стали раскованнее. Хотя даль-

нейшее подстегивание этого процесса создало в обществе много проблем. Рос авторитет М.С. Горбачева в стране и за рубежом.

Все эти обстоятельства вольно или невольно порождали поначалу определенную эйфорию, или, как мы тогда говорили, «революционный романтизм». Стремление ускорить это движение, быстрее пробежать этап к более радикальным преобразованиям явно превалировало в действиях руководства. Однако понимание конечной цели этих «радикальных» преобразований (как оказалось впоследствии) не только в обществе, но и среди членов Политбюро было разным. Лозунг М.С. Горбачева, неоднократно им повторяемый, вбиваемый в головы, что «осуществлять преобразования нужно только в рамках социализма», убаюкивал.

Процессы перестройки после январского (1987 г.) Пленума ЦК в руководстве, в партии, в обществе стали восприниматься неоднозначно. Терпение и выдержка, призыв подумать некоторым казались консервативными. Это была обманчивая тенденция, таившая в себе непредсказуемые последствия. Именно в 1987 г. зрела, а в начале 1988 г. конкретно проявилась мысль о том, что дальнейшее движение в области экономики, управления тормозится традиционно консервативным отношением к развитию демократии; что нужна немедленная и коренная государственно-политическая реформа, «истинная демократизация» государственных структур на всех уровнях. Обязательное разделение вла-

стей на законодательную, исполнительную и судебную по сути, а не по форме; что следует реорганизовать и структуру высших органов власти, дать суверенные права союзным республикам, рвущимся к самостоятельности, поднять правовой статус автономий, думать над возможными изменениями роли КПСС; снять с нее хозяйственные заботы, передать их Советам. Не исключалась вроде бы и многопартийность и т. д.

М.С. Горбачев настойчиво подталкивал: что же мы медлим! Смотрите, сколько возможностей открыто перед нами. Так давайте убыстрять шаг, двигать реформы! Попытки некоторых членов Политбюро не гнать лошадей, осмыслить, определить более детально программу экономических реформ, дать возможность людям понять полнее их роль и возможности, определить рамки демократических преобразований и т. п. обзывались консерватизмом. Предостерегающие голоса – не торопиться, учитывать реальности – звучали и с мест. Но несмотря ни на что, поезд демократизации, гласности, политических реформ набирал ход. И пошли наслаиваться одна проблема на другую. Стали, как казалось поначалу, быстро «разбирать» их. Но чем дальше, тем было сложнее. Узел проблем не только не развязывался, а затягивался туже. Порой и кончик нити в этом клубке не так легко было найти. В частности, не ослабевали, а затягивались, осложнились межнациональные проблемы. Всеохватывающий зуд суверенизации, проявившийся сначала в При-

балтике, Закавказье, а затем и в других регионах страны, невольно стал раскачивать Россию. Здесь тоже проявились федеративные проблемы.

Главная же беда состояла в том, что мы накрепко завязли в организационных процессах политических реформ. Причем политические реформы, реорганизация государственных структур шли накатом, одна за другой. Колоссального времени и внимания потребовали подготовка выборов депутатов всех уровней, проведение съездов, сессий, пленумов. Разъяснение людям сути и смысла проводимых перемен. В работу были включены все основные силы партии и Советов. В итоге мы не только не помогли экономике, а более того, отошли от экономических проблем в сторону, занятые словесными и бумажными баталиями.

А сейчас вернемся к началу 1987 г.

3 января в ЦК у Е.К. Лигачева. Он уже укрепился на второй роли в ПБ.

Высказал ему еще раз свои замечания о необходимости изменения новой системы зачета закупок у населения скота хозяйствами в счет госпоставок. «Колхозы, совхозы обязаны выполнять план по производству и заготовкам скота за счет развития общественного сектора. А зачет в план колхозу того, что он закупит у населения, – это самообман, так как эти ресурсы не получают потребкооперация и рынок». Он отмолчался.

Рассказал Егору Кузьмичу о телеграмме совпосольства из

США. Американская сторона предлагает Совмину РСФСР выступить с инициативой о налаживании контактов с губернаторами штатов. Мое мнение – в принципе за, но пусть инициатива будет с их стороны. В нынешних отношениях с США наш первый шаг может быть воспринят – вот, мол, напрашиваются.

Лигачев согласился. Позднее состоялся визит к нам губернатора штата Нью-Йорк М. Куомо. Моя поездка все откладывалась. Я так и не был в США.

6 января. Заседание Политбюро ЦК.

Обсудили итоги деятельности Политбюро и Секретариата в 1986 г. Повестку очередного Пленума ЦК сформулировали так: «О перестройке и кадровой политике». Провести его 27–28 января.

Горбачев: «Задача Пленума – активизировать перестроечную работу в партии: обкомах, горкомах, первичных парторганизациях. Демократизация, ответственность и права должны пробить себе дорогу. Особенно сейчас. Разве можно решить нынешние проблемы без опоры на коллективы?»

Обсудили вопрос о повышении зарплаты работникам высшей школы и улучшении материально-бытовых условий аспирантов и студентов вузов и средних специальных учебных заведений.

Рассмотрели рекомендации отделов ЦК об активизации и усилении действенности внешнеполитической пропаганды и контрпропаганды.

Горбачев выделил стержневые темы: «Социализм – альтернатива капитализму», «Социалистическая демократия – истинная демократия, а не лжедемократия капитализма», «Социализм – путь к миру и сотрудничеству». (Именно такая тематика предусматривалась Идеологическим отделом ЦК. Обращаю внимание читателя, что А.Н. Яковлев в книге «Обвал» утверждает, что он уже в 1987 г. понял, что от марксизма надо отказаться. Факты, о которых я здесь пишу, показывают, как «руководил» он тогда идео логической деятельностью партии, «защищая социализм и обличая капитализм».)

Об итогах беседы М.С. Горбачева с А. Куньялом: «Что высказал Куньял? Он обеспокоен процессами у нас. Не отходим ли мы от социалистических принципов. Я информировал его, что Политбюро усилило внимание к проблемам политики. Ведем углубленный анализ процессов развития общества. Что дает анализ? На каком-то этапе не были использованы преимущества социализма, в частности в плановой экономике. В силу ряда причин – и потенциал социалистической демократии. Партия берет на себя ответственность за эти упущения. Об этом мы и будем говорить на Пленуме. Сделаем более глубокие выводы из прошлого, дадим развернутую концепцию нашего развития. Будет сделан акцент на демократизацию нашего общества, оздоровление моральной атмосферы в нем на базе ценностей социализма».

15 января. У меня в Совмине опять был спор с В.С. Му-

раховским и В.П. Никоновым по поводу их требований (поддержанных Горбачевым), чтобы правительство РСФСР продолжило на 1987 г. порядок закупки скота у населения по так называемым договорным ценам. Я заявил: «Не понимаю этого, к чему обманывать себя и других. Сначала радетели села разрешили хозяйствам закупать у населения скот в счет плана заготовок. Я предупреждал, что на бумаге будет рост процента закупок скота колхозами и совхозами, на рынок же сократятся поставки и подскочат цены, а крестьяне пойдут за мясом в городские магазины! Это подтвердилось. Теперь пошли дальше – повысили закупочные цены. Они теперь фактически соответствуют комиссионным ценам потребкооперации. Но если кооперация перекрывает убытки за счет другой продукции, то договорные закупочные цены колхозам и совхозам компенсируются финансовой дотацией государством. Результат – еще более осложнилось финансовое состояние агропрома, но не дало прибавки мясопродуктов. Нельзя продолжать эту практику!»

Вот пример того, как старались показать в отчетах «успехи перестройки». Мои доводы не помогли, они настояли на выполнении решения союзного агропрома. Позиция Мураховского – протезе Горбачева – была ясна. Но мне было непонятно, почему В.П. Никонов примкнул к этой авантюре. Позже он разберется. Станет резко противиться «новациям» Горбачева. И вскоре поплатится – отправит его Генсек на пенсию.

19 января. Кремль. Заседание Политбюро ЦК.

Долго обсуждали тезисы и доклад к Пленуму ЦК «О перестройке и кадровой политике». Выступили все члены Политбюро, кандидаты и секретари ЦК. Много разных мнений. Вот некоторые.

Лигачев: «Речь идет в докладе не о совершенствовании работы с кадрами, а о выработке кадровой политики в условиях перестройки. Ведь налицо широкое проникновение в нашу действительность буржуазной идеологии. Нельзя не сказать и о некоторых прошлых делах. Ведь и в прошлом успехи были следствием энтузиазма народа, соревнования, технической политики. Были недостатки экономического характера. Серьезный ущерб, например, нанес постоянный рост производства водки. Нужны были деньги для бюджета. Требуется новая экономическая политика, новая кадровая политика».

Ельцин: «Оценки состояния перестройки в проекте завышены. Мы пока на пути к перестройке. Негативные явления живы, в докладе слабо показана вина Политбюро прошлого состава. Думаю, надо самокритичнее оценить и послеап-рельский период, и не только внизу. Много недостатков во всех эшелонах руководства. О так называемой „революционной“ перестройке или революционном характере перестройки. Сомнительный тезис». Говорил он резко, обличительно, безапелляционно.

Воротников: «Согласен с тем, что работоспособность про-

шлого Политбюро была ослаблена. Сейчас практика иная – на Политбюро вносятся насущные вопросы, идут дискуссии, сопоставление взглядов. Не всегда соглашаемся друг с другом, но думаем, рассуждаем. Теперь о демократизации, демократических преобразованиях. Они нужны, но необходимо сочетать их сверху донизу с традициями и спецификой конкретного периода. Как с историей государства, так и с реальностями нынешней жизни». (Я тогда и подумать не мог, какой истинный смысл заложен был в некоторых формулировках доклада.)

Горбачев: «Пленум выводит партию на новые рубежи, он должен сформулировать новые взгляды и действия по многим вопросам. Анализ есть. Вы серьезно дополнили, надо кое-что доработать. Мысль проста: перестройка необходима, надо определить, какой должна быть кадровая политика в этих условиях. Учиться работать в условиях демократии, расширяющегося демократизма общества. Ленин говорил: „Социализм и демократия – неразделимы“. К этому приводят нас и уроки прошлого. Теперь. Надо ответить на вопрос – гарантированы ли мы от ошибок прошлого? Сможем ли обеспечить перестройку? Вот основная суть доклада.

Замечания к выступлению Б.Н. Ельцина. О самокритичности и завышенных оценках. Не согласен, о них говорится (зачитывает абзац из доклада). О вине прошлого Политбюро – есть. Что поражены все эшелоны – с этим согласиться нельзя. Если это так, то надо перетрясти все кадры. О ре-

волюционном характере перестройки. Это как наша ответственность перед народом, перед Октябрьской революцией, социализмом, его развитием в стране». (Вот с каким пафосом Генсек отстаивал идеи социализма.)

Решили проект доклада в основном одобрить, доработать его с учетом обмена мнениями. Тезисы принять и разослать. Пленум провести за два дня.

20 января. Позвонил Горбачев, поздравил меня с днем рождения. Заговорил о выступлении Ельцина: «Оно оставило у меня неприятный осадок. Методы Ельцина: заигрывание, обещания, перетряска кадров, много слов, мало конкретной работы. Состояние хозяйства и торговли в Москве, несмотря на огромную помощь других республик, не улучшилось. Все время ссылки на прежние упущения».

Таким образом, уже здесь проявилась взаимная неудовлетворенность Горбачева и Ельцина. Я не могу согласиться с теми, кто считает, будто разногласия между ними – это «туман», что они «давно спелись» и ведут политическую игру. Нет. Они никогда не были союзниками, их отношения были неприязненными.

Потом мне позвонил Ельцин. Переживает за выступление на Политбюро: «Занесло меня опять. Видимо, я перегнул где-то, как вы считаете?» Я его успокоил: «Нередко и другие вступают в споры. Только ведь надо как-то спокойнее, самокритичнее выступать. Ты всегда обвинитель, обличитель. Говоришь резко, безапелляционно. Так нельзя». Он: «Согла-

сен, такой характер. Надо ли мне выступить на Пленуме?» Я: «Конечно, надо». – «Ну, спасибо за поддержку».

22 января. Заседание Политбюро ЦК.

Об итогах поездки Э.А. Шеварднадзе и А.Ф. Добрынина в Афганистан. Что доложил Шеварднадзе: «Армия ослаблена, растет дезертирство. Масса беженцев. Крестьяне – бедность потрясающая. Надо помочь народу. Нужны: керосин, уголь, галоши, ткани, мука, зерно. Перспектива политического урегулирования с Пакистаном плохая. В ядре руководства ДРА есть инертные люди. Отношение к нам разное. В народе пользуются влиянием силы, враждебные нам. Кто наша опора? Наджиб, Кештманд, Вакиль».

Вывод. Помочь экономически и готовиться к уходу из ДРА.

27–28 января. Пленум ЦК. «О перестройке и кадровой политике КПСС».

Докладчик М.С. Горбачев.

До Пленума заранее были розданы тезисы докладов, проект закона о государственном предприятии, обзор писем населения по кадровым вопросам. И хотя доклад Горбачева опубликован, учитывая особое значение этого Пленума для дальнейшего развития реформ перестройки в стране, я хотел бы выделить принципиальные моменты доклада.

М.С. Горбачев: «Вопрос о перестройке и кадровой политике партии мы должны рассматривать, учитывая уроки прошлого, характер переживаемого момента и задачи на буду-

щее. Сама перестройка получила поддержку советского народа. Вместе с тем мы видим, что изменения к лучшему идут медленно, дело перестройки оказалось более трудным, чем это представлялось. Нередко возникают вопросы: не слишком ли круто мы берем? Необходим был глубокий анализ, нужно выявить причины негативных процессов и выработать меры ускорения движения вперед».

Излагает суть и причины существенных недостатков, нерешенных проблем и трудностей, характерных для периода конца 70-х – начала 80-х гг., которые он характеризует как застойные в области экономики, политики, решения социальных вопросов.

«Огромные преимущества социалистической системы хозяйствования использовались неэффективно. В этой обстановке и был поставлен вопрос об ускорении социально-экономического развития страны, о перестройке. Замысел нашей стратегии – соединить достижения научно-технической революции с плановой экономикой и привести в действие весь потенциал социализма».

Затем Горбачев раскрывает основные принципы перестройки: опора на массы, развитие демократии, интенсификация экономики, духовное развитие личности и т. п.

«Работа колоссальная, масштабная. Конечно, нужно перестраиваться всем и каждому. Преодолеть стереотипное мышление и действия – процесс сложный, болезненный, требующий времени. Каковы же гарантии того, что мы сможем

довести начатый процесс преобразований до конца? Они в углублении социалистического демократизма, созидательном творчестве советских людей, в авангардной роли партии. Они обеспечат успех.

Дальнейшая демократизация – неотложная задача партии. Речь, разумеется, не идет о какой-то ломке нашей политической системы (особо подчеркивает Генсек). Необходимо внедрение подлинно самоуправленческих начал на предприятиях. Речь идет о выборности руководителей предприятий. Следует по-иному посмотреть на развитие кооперативного движения, которое имеет большие перспективы.

По-новому надлежит осмыслить роль партийных, общественных организаций, органов хозяйственного управления. Расширение демократии на производстве предполагает сочетание единоначалия и коллегиальности. Принципиальным в развитии демократии следует считать совершенствование советской избирательной системы. В общем русле демократизации советского общества надо рассматривать и расширение внутрипартийной демократии». Заканчивая этот раздел, делает упор на развитие гласности.

Вспоминая просчеты прошлого в кадровой политике, он предостерегает: «Надо извлекать уроки. Каковы они? Нужно своевременно решать назревшие кадровые вопросы в самом ЦК КПСС, его Политбюро. Обеспечивать преемственность и приток свежих сил. Нельзя недооценивать уровень политической подготовки, идейно-нравственной закалки кадров.

Резко критический, нажимной стиль работы нанес немалый ущерб партии. Учить ответственности за порученное дело, поднять дисциплину, требовательность. И последний урок. В чем причина накопившихся кадровых проблем? В слабости демократических начал в кадровой работе.

Вывод. Seriously обновить кадровую политику. Подход политический, по Ленину, – подбор „по новым меркам“, компетентность, профессионализм, организованность и дисциплина, высокая нравственность».

В заключение Горбачев предлагает созвать в 1988 г. все-союзную партконференцию, где рассмотреть в широком плане ход выполнения решений XXVII съезда, а также вопросы дальнейшей демократизации жизни партии и общества.

Теперь о некоторых выступлениях.

В.Н. Голубева: «Каков нынче подход к работе хозяйственника? Одна за одной – проверки. Цель – наказать. Печать необъективно относится к кадрам руководителей. С выборностью руководителей согласна. Моральный облик и должность, должность и жалование, жалование и полезность должны соответствовать друг другу. Отношение партийных органов к кадрам – нередко окрик, „положишь партбилет“, грубость – это недопустимо».

Н.И. Рыжков: «Мы ранее жили в кредит... Финансово-кредитная система была на грани развала. Эмиссия денег росла. Внешняя торговля была нацелена на решение текущих задач. Нужно выходить из сложного положения в эконо-

мике, одновременно улучшая жизнь людей. Система хозяйственного механизма должна охватить все сферы. Раздуты штаты. В Грузии, Армении, Узбекистане число министерств больше, чем в РСФСР».

Б.Н. Ельцин: «На XXVII съезде была некоторая недосказанность. Пленум откровеннее. Необходимы возрастной лимит и продолжительность работы на выборной должности, в том числе и в аппарате. Следует создать управление кадров ЦК (это ранее было). Следовало бы уже в 1987 г. провести отчетно-выборные конференции в партийных организациях, а затем всесоюзную партконференцию».

А.А. Громыко: «Перестройка – это не рынок. Это процесс широкий и глубокий. Вывод в докладе об оценке прошлого суровый, но справедливый. Работа по новой роли Советов только начинается. Необходимо дать им действительные права».

М.А. Ульянов: «Гласность, демократия, самоуправление – три кита, только не надо их припудривать, лакировать. Искусство – это зеркало жизни, это глаза народа, не надо надевать ему ни розовых, ни черных очков. Газеты должны говорить хоть горькую, но правду». Хвалил романы, повести Распутина, Айтматова, Астафьева.

Из состава ПБ выступили: В.В. Щербицкий, Ю.Ф. Соловьев, С.Л. Соколов, В.И. Долгих. Всего же приняло участие в прениях по докладу 34 человека.

Выступил и я. Вот краткие тезисы.

Поддержав необходимость общественных перемен, я сказал: «Для периода конца 70-х – начала 80-х гг. характерны симптомы девальвации духовных ценностей социализма. Сейчас, в период перестройки всех сторон жизни общества, необходима и кадровая политика, адекватная духу и задачам времени. Чрезмерная централизация хозяйственной жизни способствовала утверждению директивного стиля руководства. В свою очередь, всевозможные запреты, ограничения отучали людей мыслить и действовать самостоятельно, творчески, инициативно.

Издержки кадровой работы определяются и многочисленными теоретическими и идеологическими просчетами. Нереальные лозунги, разрыв между словом и делом, показной оптимизм, стремление выдать желаемое за действительное развращали кадры. Акценты все больше смещались на удовлетворение материальных потребностей, что привело к делячеству, своекорыстию. Сейчас необходимо резко повысить уровень требований к моральным качествам кадров. Нравственность руководителя должна сочетаться с компетентностью, профессионализмом. Нужен надлежащий механизм подбора и расстановки кадров, позволяющий оценивать людей, подбирать достойных».

Выступая на Пленуме, я искренне верил в стремление М.С. Горбачева идти путем социалистических преобразований, опираясь на ленинские принципы работы с кадрами.

О январском (1987 г.) Пленуме ЦК следует сказать по-

дробнее. Он готовился долго, несколько раз переносились сроки его проведения. Причины внутренние и внешние. М.С. Горбачеву, как мне представлялось тогда, хотелось самому более глубоко осмыслить то, что сделано и предстоит сделать. Помимо дисциплины, порядка, частных экономических шагов необходимы были новые идеи. Причем найти поддержку своим планам в ЦК, партии и народе, чтобы идеи Пленума легли, так сказать, на подготовленную почву. Этим объясняется, возможно, в какой-то степени, что сроки проведения Пленума дважды переносились. Так я считал тогда, в 1987 г., но не только этим.

Или же его первоначальные идеи, наметки (рассуждая уже теперь) натолкнулись на ненавязчивые, но настойчивые советы ближайшего окружения. Имponируя ему, они заложили в доклад дву смыленность. Чтобы на всякий случай завуалировать перед общественностью истинные цели. Эти выводы напрашиваются из сегодняшнего видения.

Обсуждение вопроса о кадровой политике КПСС было также вызвано и тем, что уже в середине 1986 г. стала виднее необходимость перейти к более глубоким экономическим преобразованиям, частные решения – укрепление порядка, дисциплины были нужны, но недостаточны для эффективного продвижения перестройки. Было признано, что, в свою очередь, продвижение экономических реформ требует активной инициативной работы партии, ее кадров.

Но чисто кадровая проблема потом переросла, при подго-

товке Пленума, в более крупную проблему демократизации общества. Задача стояла так, чтобы убедить Пленум и народ в том, что демократизация общественной жизни необходима. Что она не самоцель, а средство раскрытия инициативы людей, потенциальных возможностей социалистического строя, что демократический процесс даст право принципиальнее подходить к укреплению кадров и т. п. А в итоге все это будет способствовать решению экономических и социальных задач, что на пользу человеку, народу.

Считалось, что Пленум разработал теорию, обосновал стратегию и тактику перестройки, определил гарантии ее осуществления. (Такая оценка была сильно преувеличена, что подтвердили последующие события.)

Пленум проходил на подъеме. Особых противоречий и возражений высказанным в докладе М.С. Горбачева принципиальным положениям тогда не было. Хотя критики и замечаний было немало. Но, как правило, подчеркивались какие-то частные вопросы, подтверждающие эти принципы. Можно ли считать этот Пленум своего рода поворотом в осуществлении перестройки? Может быть, не совсем уж так прямолинейно. Но я считаю, что в определенной мере именно так. Хотя конкретные результаты от реализации высказанных идей, в понимании их авторов, стали проявляться позже, в конце 1987 – начале 1988 г.

В дальнейшем подтвердилось, именно январский Пленум, основываясь по форме на ленинских принципах кадро-

вой политики, лозунгах демократизации и гласности, укрепления роли Советов, перестройки партии и так далее, на деле стал отправным пунктом постепенного, а потом все более нарастающего отклонения от намеченных перестройкой этих ленинских принципов обновления социализма. Что особенно явственно проявилось после XIX партконференции в июне 1988 г.

Затяжка проведения Пленума, видимо, имела и третью причину – колебания М.С. Горбачева под натиском, как я уже сказал, близкого окружения, толкавшего его в сторону, в русло прозападной демократии. Этот уклон стал нарастать. Решающую роль в воздействии на Горбачева сыграл А.Н. Яковлев. Его подхлестнуло и то, что в составе ЦК и на местах росло сопротивление сверхрадикализму в подходах к решению задач перестройки. Окологорбачевские радикалы, с подачи Запада, потом ловко использовали мартовскую (1988 г.) публикацию статьи Н. Андреевой в «Советской России» как якобы попытку консервативных сил столкнуть партию с «правильного» пути перестройки.

В этот период все больше стали проявляться разногласия в Политбюро по поводу оценки ситуации. Горбачев явно и недвусмысленно пошел «новым курсом», курсом Яковлева и его команды. В ответ на высказанную мною обеспокоенность его резкой реакцией на статью Н. Андреевой при обсуждении этого вопроса на Политбюро Горбачев в заключение бросил в мой адрес реплику: «Виталий Иванович, мы

освободим тебя от беспокойства».

Я сначала не воспринял это как реальность. Но сентябрь 1989 г. все прояснил. Здесь следует учесть и такие обстоятельства. Выше я говорил, что в своем стремлении к власти М.С. Горбачев в 1984 – начале 1985 г. и дальше «умело привязал меня к своей повозке». Этот воз добросовестно тянула вся связка – Е.К. Лигачев, Н.И. Рыжков, В.П. Никонов, В. Чебриков и другие. Потом, со временем, добившись власти, он сначала убрал явных противников, а затем, еще более укрепив свое положение, стал одного за другим «отстегивать» и своих бывших союзников. Это особенно явно произошло после марта 1988 г. У него уже складывалась новая команда «единомышленников». Эту ситуацию почувствовал и я. Отношение его ко мне стало меняться. От былых откровенных, дружеских бесед, советов не осталось и следа. В итоге он выполнил свое «обещание», перебросив меня в сентябре 1988 г. из Совмина РСФСР в Верховный Совет. По форме это было повышение, а по сути он отодвинул меня от конкретных дел. Свалил он и Е.К. Лигачева, взяв в свои руки Секретариат, а вернее, упразднив этот орган. И последним, уже в 1990 г., отправил в отставку Н.И. Рыжкова, который больше всех сделал для утверждения власти Горбачева и дольше всех верил ему. Так Генеральный секретарь ЦК КПСС предал всех до одного, с кем начинал в марте 1985 г., реализовав «новое мышление» в кадровой политике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.